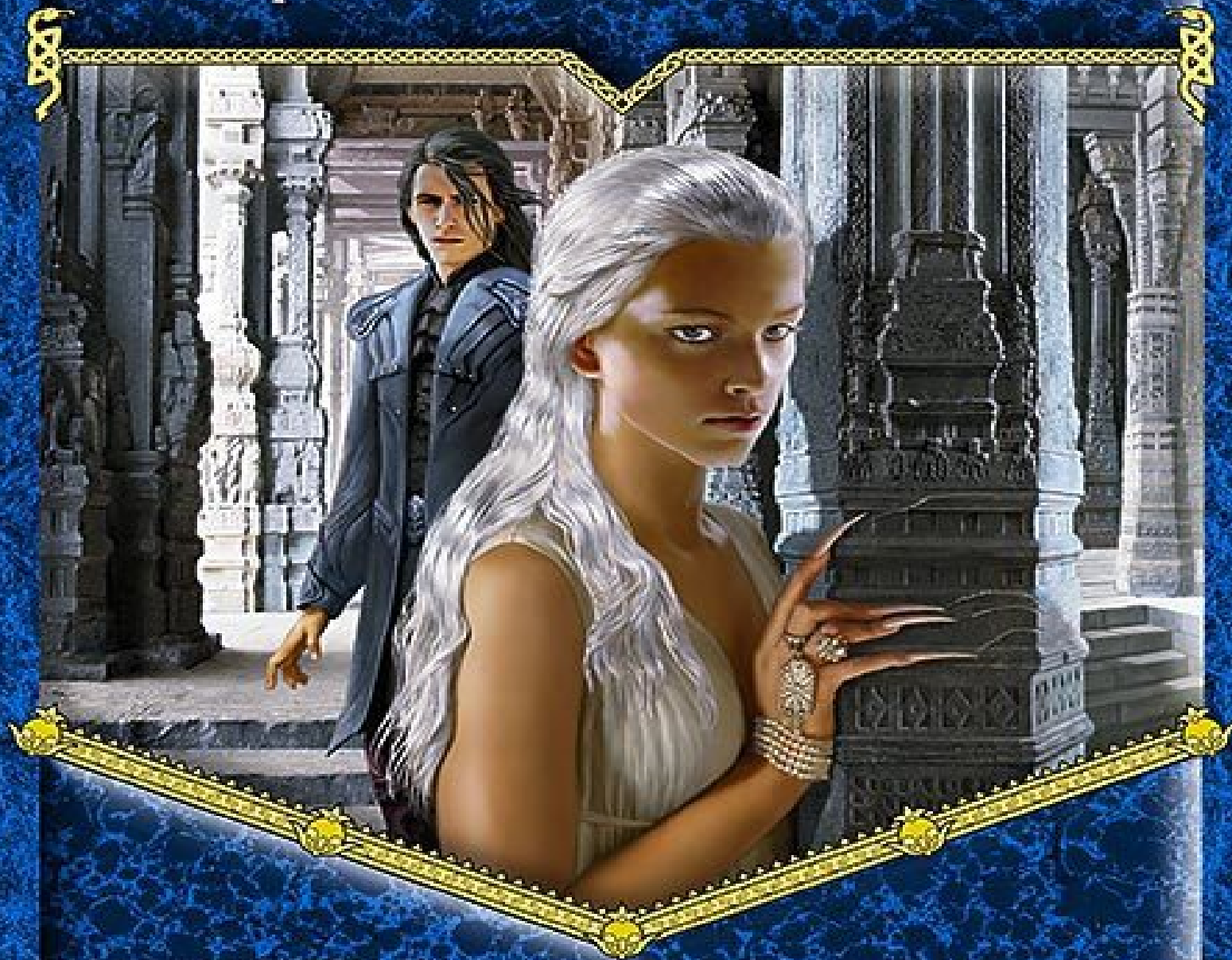

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Марина АЛЕКСАНДРОВА

СМЕРТЬ НЕСУЩАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Иногда ты думаешь, что точно знаешь, кто ты, откуда, кто твои родители и семья. Не ждешь от жизни ничего особенного, потому как что может быть особенного в жизни младшей дочери деревенского кузнеца... Особенно если эта дочь болезненный и слабый ребенок. Ты точно знаешь: в недалеком будущем, чтобы отдать тебя замуж, родителям придется очень постараться, а дальше — дети, быт, старость... Но бывает так, что то, в чем ты была уверена, меняется с точностью до наоборот. Так случилось со мной, и я готова рассказать свою историю. Прежде всего историю человека, который оказался последним потомком древнего рода демонов. Историю демона, которому предстоит пройти через многое, чтобы обрести силу и не потерять жизнь. И наконец, историю женщины, которой разобьют сердце и которой еще только предстоит побороться за свою любовь.

Марина Александрова
Смерть Несущая

Длинные изящные пальцы судорожно вцепились в простыню и вновь резко разжались. Схватки прошли, но лишь чтобы дать женщине возможность немного вздохнуть. И вновь пронзительно тянущая боль затмила сознание. Роженица мучилась в агонии вот уже несколько часов, и некому было помочь ей, не к кому обратиться. Просто потому, что так надо. Необходимо справиться самой, никто не должен знать о том, что произойдет этой ночью. Только она и ее страж. Мертвенно-бледный, он стоял возле стены, будто статуя из белого мрамора, не в силах взглянуть на свою госпожу.

— Никто не должен помогать, никто! Слышишь? Никто не должен узнать! Клянись... — шептала она, когда все только начиналось.

И вот уже второй час он стоит, беспомощно взирая на нее. Смотрит, как кричит женщина, которую он поклялся оберегать. Как жизнь по маленькой серебристой капле вытекает из измученного тела. Невозможность что-либо изменить буквально сводила с ума. Он стоял, судорожно сжимая и разжимая кулаки, и взгляд его был стеклянным и пустым.

Вены на бледных ногах женщины казались черными змеями, тянущимся к бедрам. Время уходило, и отравы в крови его госпожи все больше распространялась по некогда сильному телу. Черное серебро, яд, который невозможно распознать ни в еде, ни в питье, даже на одежде. Достать его практически нереально, а противоядия не существует. Смертоносное зелье постепенно отвоевывает тело своей жертвы, продлевая агонию на долгие дни, если жертва обездвижена, или на считанные часы, если продолжает активно двигаться.

Ливерая, владычица Кайруса, хранительница Грани, очень торопилась попасть под защиту родных стен, так как срок ее родов неумолимо близился. Но дела в эльфийских землях не терпели отлагательств. Обстановка на границе королевства эльфов и людей накалялась с каждым днем. Было необходимо срочное стороннее вмешательство. Именно тогда Арда'ар, повелитель эльфов и просто старый друг, призвал ее, заверив, что в состоянии обеспечить ей безопасность и все необходимые условия. А она... она не могла отказать Ару.

Белокурая демоница на сносях, последняя из рода Серебряных Демонов, отправилась в свое политическое путешествие инкогнито, взяв одного-единственного стража и не известив о своем решении совет. Непозволительная глупость и беспечность, обернувшаяся для нее необратимыми последствиями. Когда конфликт был улажен, Арда'ар предложил открыть портал для возвращения Ливераи. И Лива, не раздумывая, дала свое согласие. Но что-то пошло не так. Портал выкинул хранительницу и ее спутника где-то на окраине человеческих земель, схлопнувшись, словно его и не было вовсе. Любые попытки открыть новый не давали результата. Место, где они находились, оказалось изолированным от силовых потоков.

Именно тогда демоница впервые почувствовала первые признаки недомогания. Дримлеон, верный страж и соратник, нашел маленькую хижину в горах, куда и доставил свою госпожу. Обращаться за помощью к людям было еще более опасно, чем беременной демонице подниматься в горы. Лива понимала, что с каждым шагом по этой горе ее время и время ее нерожденного ребенка тает. Она понимала, что кто бы ни совершил это покушение, своего он добился в любом случае. Мысль о том, что это мог быть Арда'ар, причиняла боль, и Лива гнала от себя ее. Нельзя думать о том, что уже не имеет значения, сейчас она должна

попытаться сделать так, чтобы обойтись минимальными потерями в сложившейся ситуации. Она обязана спасти свое дитя, будущего наследника.

Тонкий детский вопль пронзил окружающее пространство, разрезая мир надвое. На то, что было *до*, и то, что будет *после*.

Женщина облегченно выдохнула, но тут же взяла себя в руки, собрав волю в кулак. «Еще не все, еще немного — и я отдохну». Приободряя себя, она привстала на одном локте.

— Дримлеон, — прошептала демоница.

Фигура у стены вздрогнула, и лишь легкий неуловимый ветерок коснулся ее лица, а глаза уже увидели встревоженное лицо, склоненное над ней.

— Подай мне игнис, — дрожащим от боли и напряжения голосом попросила она.

— Но... — неверящими глазами посмотрел страж.

— Не спорь, Дримлеон, ты не хуже меня знаешь необходимость этого.

Хоть слабость и затмевала сознание, но владычица всегда должна вести себя как владычица, это Лива знала, как никто другой.

— Помоги мне сесть и взять ребенка, — уже более твердо проговорила она.

Страж помог своей госпоже подняться и с нескрываемым трепетом потянулся к маленькому, перепачканному слизью и кровью комочку.

— Стой! — будто опомнившись, вскрикнула женщина. — Первым прикосновением должно быть мое, я должна передать ей... — здесь Лива запнулась.

Неужели все-таки ее час пришел... Так скоро, так быстро... Казалось, что века, прожитые ею, — всего лишь минуты, столь скоротечные и уже, увы, недостижимые. Если бы все сложилось иначе, она смогла бы продолжать жить. Смогла бы воспитать свое дитя, а не проводить древний жестокий ритуал, держась за последнюю надежду, последнюю опору Кайруса. Но где-то глубоко внутри она испытывала ничем не прикрытую радость. Совсем скоро, там, за Гранью, она встретит его...

Эллиэн, истинный император, ее муж, ее сердце, что разбилось полгода назад. Если бы не долг перед страной, если бы не ее нерожденное дитя, она бы отправилась следом за ним в ту же секунду, как узнала о его гибели.

Жизнь — забавная штука. И сейчас, когда она видит плод их любви, ей так хочется остаться. Но пора уходить. Обреченный вздох вырвался из груди женщины. Ничего уже не изменить. Одно она знала теперь совершенно точно. Кто-то методично вырезает весь правящий Дом Кайруса, и сейчас уйдет и она. Самое главное теперь — помочь своему малышу тем, чем она еще в состоянии.

Дрожащими руками Ливерая потянулась к ребенку, маленькое горячее тельце которого было как будто создано для ее рук. Крик его неожиданно смолк, и еще совсем мутные серые глазки открылись. «Глаза твоего отца», — подумала женщина. Легкая улыбка озарила лицо владычицы словно восходящее солнце.

— Игнис. — Лива протянула руку, в которую страж тут же вложил серебряный серп. — Запомни, Дримлеон: когда придет время, ты поможешь ей, ты отыщешь ее и не оставишь, что бы ни случилось. А сейчас ты должен найти ей семью среди людей. Я не хочу, чтобы о ней стало известно кому бы то ни было! Для всех мое дитя умрет вместе со мной... И это будет истиной до тех пор, пока сила в ней не пробудится и она не сможет постоять за себя. Ты поможешь ей тогда, а сейчас тебе придется исчезнуть. Придет время, и все встанет на свои места...

— Я клянусь тебе, владычица, — четко проговорил страж.

Женщина кивнула и еще раз улыбнулась.

— Спасибо тебе, мой друг. Я не забуду тебя даже там, где память уходит с последним вздохом. — Женщина перевела взгляд на девочку, и улыбка ее стала еще шире. — Я нарекаю тебя Смерть Несущей, Майэ'раами, наследницей трона Кайруса. Настанет тот день, когда Солнце с Луной засияют на одном небосводе, чтобы почтить тебя как истинную хранительницу Грани. Я обрезаю твою пуповину вместе с жизнью моей, дарую тебе силу всего рода и надежду, что придет с твоим правлением.

Серебряный серп охватило голубое сияние. Женщина перехватила игнис поудобнее и одним точным движением отсекла пуповину младенца. Лива тяжело вздохнула. Сил почти не было, но нужно было продолжать. Свободной рукой женщина провела в воздухе, будто пытаясь что-то нащупать, ощутить. Ее тонкие пальцы резко сомкнулись, и в них оказалась тончайшая голубая нить.

— Отдаю тебе, дочь моя, силу с обрезанной нитью, право и наследие рода. Прими мой дар. Да будет так.

Прежде чем страж сумел перехватить руку женщины, серп, занесенный ею, уже оборвал жизнь той, кто была всем не только для него, но и для целого государства.

— Прощай, моя владычица, моя госпожа, мой друг, — прошептал он.

Обрезанная нить в руке Ливы зашевелилась и, словно маленькая змейка, извиваясь, устремилась к тельцу ребенка, соединяясь с его серебряной нитью. Ритуал был завершен.

Жара стояла уже вторую неделю. Неслыханная роскошь для обычно дождливого края на севере Ирэми. Откуда-то появившиеся будто в одночасье бабочки без устали порхали над совсем недавно распустившимися цветами.

Народ выбрался из своих избушек, чтобы хоть немного насладиться первыми и, наверное, последними теплыми деньками в этом году. Одни бесцельно околачивались около соседских участков, пытаясь завести пустой разговор о погоде и урожае или о том, кто с кем подрался на прошлой неделе. Другие же старались как можно вежливее отделаться от таких визитеров и заняться собственными делами по хозяйству, пока не закончилось маленькое короткое лето. Ребятишки целыми днями слонялись на улице или торчали у озера. Хоть вода и не успела хорошенько прогреться за столь короткий срок, но это мало кого останавливало от удовольствия разбежаться с берега и с радостными воплями плюхнуться в ледяную воду.

Северное лето было коротким и редко выдавалось таким жарким, как в этот раз. Поэтому если такое случалось, то считалось, что сама великая богиня сходила с небес прямо во двор к местному старосте. Детям разрешалось не работать все это время, взрослые организовывали всеобщее гуляние каждый седьмой день недели. И всем до единого жителям следовало проводить это время так, как им нравится. Естественно, что большинству «нравилось» навести порядок в своих огородах и попытаться вырастить что-нибудь морозоустойчивое, то, чем потом можно было накормить семью или что можно выгодно продать в ближайшем городке. Деревня продолжала существовать лишь благодаря огромному озеру Ома: рыбу продавали или обменивали на овощи и злаки у соседей.

Пограничье было одним из красивейших мест Ирэми, с одной стороны обрамленное полукольцом снежных гор, а с другой отгороженное от остального мира серебряной гладью Ома. Когда солнце садилось за горизонт, то, казалось, не видно, где кончается небо, а где начинаются воды великого хрустального озера севера.

Изба кузнеца находилась в самом центре деревеньки. Грубый сруб из толстых бревен, небольшой огородик перед домиком и покосившийся частокол. Единственное, что отличало это творение местного зодчества от прочих деревенских домов, так это внушительный размер.

Нима, разменявшая пятый десяток и давно располневшая, была главой проживающей здесь семьи. Она умудрялась держать в ежовых рукавицах даже собственного мужа — грозу местного населения, а по совместительству кузнеца, что уж говорить об остальных членах семьи. Нима была матерью шестерых детей, которые, по всей видимости, характером пошли в отца. Деревенские всякий раз замирали в ужасе, стоило только этой гвардии высунуть нос из дома. Пятеро сыновей и дочь. Все погодки, кроме двух младших, тринадцатилетних двойняшек: Кима — кареглазого мальчика с каштановыми волосами и смуглой кожей, и Мары — худенькой, словно тростинка, девочки, бледной, с бездонным омутом сероголубых глаз. Волосы снежного цвета и алые губки, как у куколки... Мара не только была совершенной противоположностью брату, но и разительно отличалась от всех членов собственной семьи, не говоря уже о смуглых темноволосых жителях пограничной деревушки. Но насчет непохожести девочки приструненные Нимой ирэмийки предпочитали не сплетничать. По крайней мере, в открытую.

Солнце стояло в зените, когда грузная Нима, скрипя половицами, вышла на крыльцо собственного дома и, словно набат, что есть мочи заголосила:

— Мара! Ким!

Ответа не последовало.

— Мара! Ким! Где вас леший носит? — уже себе под нос пробормотала женщина.

— Шо, опять убегли куды? — поинтересовался проходящий мимо поддатый мужичок.

— Угу, — невнятно вздохнула женщина. — С самого утра где-то бродят, — растерянно хмыкнула она.

— Так понятно ж дело, лето, — сказал с видом мудреца мужик и проследовал дальше.

— Я им покажу лето... — прошипела Нима и вернулась обратно в избу.

— Ким, ну сколько еще, а?! — не выдержала я. — Может, мы вообще не в ту сторону идем?

Уже три часа мы плетемся в гору! Все ноги стерли, а никакой избушки и в помине нет! Да и зачем какому-то целителю из Межрасовой академии магии тут селиться? Если только он не сумасшедший какой, чтобы покинуть столицу ради нашего забытого богиней уголка. Но разве этому упрямцу что докажешь?! Услышал от соседского мальчишки, что какой-то выпускник академии к нам пожаловал или один из магистров, и теперь на самую вершину горы будет лезть, пока не убедится, что тут никого нет!

— В ту, — буркнул брат, недовольно глянув на меня, но тут же смягчился. — Мар, послушай, я точно знаю, что он где-то рядом. Потерпи еще немного, ради меня... Ну, Мара, — и тут он использовал свой самый жесткий прием. Посмотрел мне в глаза.

Что я могу сделать, если мой брат — это естественное продолжение меня, и наоборот?

— Хорошо, — тут же оттаяла я. «Ради меня», — это та фраза, которая решает все в наших отношениях. Не знаю, как у других людей, но у нас с братом именно так. Он — ради меня, а я — ради него. Так и живем вот уже тринадцать лет.

Как я уже сказала, мой брат услышал, что в наших краях поселился маг-целитель. Казалось бы, что в этом такого? Но только не для Кима...

С того самого момента, как научился говорить, он бредит идеей стать магом. Ну или хотя бы служить при академии, если вдруг у него не обнаружится дар. (Если спросите меня, то второе вероятнее всего.) И теперь мы ползем уже три часа в гору, не жалея себя. Конечно, я настояла на том, чтобы брат взял меня с собой. Не могу же я отпустить его одного неизвестно куда!

— Знаешь, если мы его найдем, то я обязательно попрошусь к нему в ученики, — продолжал мечтать братец, несмотря ни на что.

— Да? Интересно, что мама на это скажет? — не смогла удержаться я.

— Думаешь, не согласится? — неуверенно поинтересовался Ким.

— Ха, — многозначительно гаркнула я. — Конечно, согласится, огреет тебя сковородой или розгами, а потом обязательно согласится.

Разумеется, я ему этого не желала, но все же где-то в глубине души я не хотела, чтобы Ким становился учеником мага и тем более магом. Я боялась навсегда потерять его. Ведь если он однажды уедет, то я останусь одна, без него. Шесть лет он будет учиться, потом время потеряет для него значение. А я вырасту, меня выдадут замуж, может быть, даже за хорошего парня, я стану хозяйкой дома, матерью... бабушкой, а мой брат, мой Ким навсегда исчезнет для меня. Это пугало больше всего на свете! И даже в свои тринадцать лет я это

отлично понимала.

— Еще как согласится, вот увидишь, — самоуверенно заявил Ким.

Конечно, согласится, я это знала. Такая возможность! Обеспечить будущее младшему ребенку, которому, по местным законам, не полагалось никакого наследства.

— Согласится, Ким, — немного грустно подтвердила я.

В то же мгновение его ладони оказались на моих щеках. Он смотрел на меня как-то совершенно иначе, чем всегда. Не было той мальчишеской беззаботности во взгляде карих глаз. Словно он почувствовал ход моих мыслей.

— Что бы ни случилось, я не брошу тебя! — уверенно проговорил Ким.

— Я верю, — тут же исправившись, я произнесла то, что он должен был от меня услышать. — Я знаю.

Ким всматривался в мое лицо. Видимо, увидев то, что хотел, мечтательно улыбнулся.

— Понимаешь, Мара, я мечтаю, чтобы мы вместе отправились в академию, вместе стали магами...

— Ким, я точно знаю, что дара у меня нет, — грустно улыбнулась я.

На что мой брат-нахал лишь швырнул мне горсть репейника в волосы и бросился наутек.

Прошло еще около получаса, прежде чем наша незадачливая маленькая компания набрела на неказистого вида избушку-временку, выстроенную посреди полянки. Мы недоуменно уставились на домик. Тонкие деревянные стены, ветхая крыша, готовая вот-вот сорваться и устремиться в полет... Какой, простите, дурак согласился бы жить в северном краю в этом «сарайчике»?

Так вот, такой дурак все же нашелся. Стоило нам шагнуть на полянку, как дверь тихонько скрипнула и навстречу нам вышел седовласый мужчина с длинной бородой. Он был похож скорее на старосту нашей деревеньки, чем на мага из академии.

Осмотрев нас с ног до головы, мужчина заговорил:

— Чем-то могу помочь, молодые люди?

Голос его был тверд, несмотря на внушительный возраст.

— Мм, — промышчал мой братец, явно ошарашенный увиденным.

«Ну что за болван!» — пронеслось у меня в голове.

— Мы ищем мага-целителя, — решительно провозгласила я. Почему я подумала, что это именно целитель, я не знаю. Наверное, сказывается привычка посещать знахарку не реже чем два раза в месяц и желание увидеть настоящего целителя.

Старик вздернул седую бровь и как-то странно посмотрел на меня.

Мужчина почувствовал приближение чужаков еще несколько минут назад, поэтому на кончиках его пальцев уже сгущались сплетенные заранее заклинания. Отчего-то он был уверен, что никто не станет искать мага из праздного любопытства. Каково же было его удивление, когда он понял, что чужаки — это двое детей. «Старею», — грустно подумал маг.

И все же, что эти двое забыли так далеко от деревни? Интересно... Орэн не спеша поднялся с облюбованного им кресла и направился в сторону двери. «Надо бы шугануть малявок, чтоб больше не беспокоили! А то еще нарвутся на какую-нибудь из ловушек».

Потянув за дверную ручку, Орэн невольно вздохнул, не желая выходить из своего убежища по столь глупому поводу. Как только дневной свет ударил в глаза, маг недовольно сощурился и уставился на стоящую в нескольких метрах от него парочку.

Девочка и мальчик были абсолютно не похожи друг на друга. И если парнишка ничем не отличался от местных, то девчонка... Совершенно белесая, с длинными прямыми волосами и прозрачно-голубыми глазами, как у северных лаек. Она кого-то смутно напоминала Орэну, но, решив, что это — очередной приступ меланхолии и нахлынувшие воспоминания о былой молодости, маг просто отмахнулся от таких мыслей.

Поняв, что ни один из «гостей» не решается начать разговор, Орэн заговорил сам.

— Чем-то могу помочь, молодые люди? — как можно равнодушнее поинтересовался маг.

И услышал невразумительное мычание испуганного парнишки. А вот девчонка вся подобралась и заявила:

— Мы ищем мага-целителя.

«Прелесть какая! Вот тебе и пробрался никем не замеченным! Конспиратор старый!» Брови Орэна невольно поползли вверх, и он подозрительно уставился на девчонку.

— И кто вам сказал, что вы его здесь найдете?

Ребятишки смущенно переглянулись. Девочка одарила паренька многозначительным взглядом, мол: «Я ж тебе говорила» — и снова повернулась к Орэну.

— Все знают, — выпалила беловолосая.

Мага невольно качнуло на предательски дрогнувших ногах.

«Откуда?! Чем же я себя выдал?! Ну народ, вот тебе и село! Думал, ума у здешних не хватит, а тут даже дети все уже знают!»

Орэн не столько удивился прозорливости местных, сколько заподозрил, что в деревеньке есть другие маги, способные почувствовать его присутствие, но тут же отмахнулся от этих мыслей, ведь в таком случае он и сам уловил бы некую магическую активность. Старый маг тут же смекнул, что девчушка просто пытается его поймать на слове. Маг резко выпрямился и произнес:

— Кто же эти «все»? Маленькая эсса может пояснить?

Девочка покраснела, явно смутившись то ли из-за почтительного тона, которым говорил Орэн, то ли из-за слова «эсса».

— У вас татуировка на шее, — еле бормоча, начала девчонка. — Дирк заметил, когда вы носки в озере стирали, а потом брату моему рассказал! А тот как услышал, что у вас там змейка с голубыми глазками нарисована, так сразу и догадался! — По всей видимости, девочка начинала волноваться все больше и больше, так как с невнятного шепота она уже срывалась на крик, и покраснела еще сильнее. — А Ким всю жизнь хотел настоящего мага увидеть! Дирк нам и сказал, что потом вы достирали, но на дорогу выходить снова не стали и куда-то в лес побрели. А куда тут еще идти?! Если только в гору и упрешься, а в горах даже летней ночью такой мороз, что ни один костер не согреет! Нам Карим рассказывал... — не успела договорить Мара, как старик ее перебил.

— Кто такой Карим? — монотонным голосом пробубнил маг.

— Да брат наш старший, — отмахнулась вконец разволновавшаяся девчушка. — Так вот, Карим говорил, что на горе времянка есть, тут пастухи да некоторые путники иногда останавливаются. Вот мы и решили посмотреть... То есть Ким решил, — отчего-то замялась девочка.

Брат благодарно ей кивнул и расплылся в безумной благоговейной улыбке.

— Возьмите меня в ученики, — словно одурманенный, пролепетал он.

По всей видимости, маг был потрясен, так как смотрел на парочку, уже даже не моргая

и не дыша. «Видимо, думает», — решил Ким, не отваживаясь даже пискнуть, дабы не обернуть сей мыслительный процесс не в свою пользу.

«Вот старый дурак! — мысленно взвыл старый маг. — Заклинаний на себя понавешал, силу скрывал, всю дорогу магию ни разу не применял! Одежду сам стирал, еду своими руками готовил! И вот тебе, пожалуйста, какой-то сопляк увидел, как я носки себе полощу! Срам! Да и какие ученики? Они что, не знают, что простолюдинам нельзя обучаться магии? Хотя... Пограничье, глушь, что с них взять».

Вот уже несколько минут этот, с позволения сказать, маг стоит и молчит. Лишь зыркает время от времени то на меня, то на Кима. Ну разве я виновата, что стоит мне испугаться, как начинаю нести сама не знаю что. А братец-то хорош, замер, словно неживой, и смотрит на старика преданными щенячьими глазами.

Зачем я только согласилась на этот поход? Зачем позволила Киму сюда притащиться? Надо было сразу маме все рассказать! Ведь неспроста же этот дедок в такую даль притопал! Не от хорошей же жизни и любви к природе? Где только была моя голова... Да ясное же дело где — хотела брату помочь мечту осуществить, мага настоящего увидеть!

Мое самобичевание прервал внезапно осипший мужской голос.

— Ладно, дети, давайте в дом зайдем и там поговорим, — сказал маг.

Ким уже было дернулся к входу во времянку, когда я резко схватила его за рукав.

— Куда намылится? — рявкнула я.

Глаза брата округлились, и он непонимающе на меня уставился.

— Ты что, Мара? Он нас приглашает, — с фанатичным блеском в глазах проговорил Ким.

— И что? Мы его даже не знаем! — с отчаянием пролепетала я. — Ни кто он, ни как его зовут! Может, он вовсе и не тот маг, которого Дирк видел... Или вообще не маг.

Старик как-то странно на нас посмотрел, потом перевел взгляд лучистых серых глаз на меня, коротко вздохнул, видимо что-то для себя решая, и заговорил.

— Меня зовут Орэн Канэри, и я действительно тот, кого видел этот ваш Дирк, — припечатал старичок.

Ким резко дернул плечом, высвобождаясь из моей хватки. Оправил рубаху и повернулся лицом к Орэну.

— Я Ким Аррели, а это моя сестра Мара. Фамилия нам дана в знак признательности, за заслуги нашего деда Элдая Аррели в Великой Северной войне. Мы — дети кузнеца из деревни на северной границе королевства Ирэми. И... для нас честь познакомиться с вами, эсс Канэри, — все столь же благоговейно продолжал распинаться мой братец.

Нет, ну это невыносимо! Еще бы ключи от нашего амбара ему всучил и карту нарисовал, где мама деньги хранит.

— Всю ночь учил, болван? — не выдержала я.

Старик поперхнулся смешком, но ничего не сказал.

— Сама ты дура! — взорвался Ким и что есть мочи схватил прядь моих волос и резко дернул вниз.

Ох, что тут началось! Резкая боль пронзила голову, и я с воплями со всей силы наступила пяткой на правую ногу брата. Мы дружно повалились на землю и начали кататься, как две дикие кошки, царапая и лупя друг друга по самым уязвимым местам. Всякий раз, когда я кусала его за предплечья, Ким начинал тянуть меня за волосы еще сильнее, ощущение

было, что кожа вот-вот оторвется вместе с волосами. Вот вам и братская любовь! Великая вещь!

Так бы мы, наверное, и убили друг друга на этой богиней забытой горе, а нашли бы нас лишь следующим летом или, и того хуже, вообще никогда бы не нашли, если бы нас не прервал совершенно восторженный залиvistый смех. Так смеются лишь маленькие дети, впервые видящие что-то забавное, которые не скупятся поделиться своей радостью с окружающим миром. Мы одновременно замерли. Ким лежал на мне, прижимая всем телом к земле, на кулак у него были намотаны мои волосы, но смотрел он совершенно в другую сторону. Проследив за его взглядом, я тоже замерла.

Орэн уже не стоял в проеме двери, а сидел, сотрясаясь всем телом от залиvistых раскатов смеха. На глаза у него наворачивались слезы, которые он как-то нелепо утирал рукавом своей серой мантии. Мы продолжали лежать, боясь даже пошевелиться. Какие же мы идиоты! Устроить такое на глазах у уважаемого человека, да к тому же мага! Ким виновато посмотрел на меня и одними губами прошептал: «Прости», — я кивнула и взглядом указала на свои волосы. Брат мгновенно их отпустил.

Еще с минуту похихикав и немного отдышавшись, раскрасневшийся старичок поднялся на ноги и с трудом заговорил.

— Я согласен, — кивнул он Киму, — но только если и сестра твоя будет учиться. Так веселее, — хихикнул подлый старикан, поворачиваясь к двери. — Жду вас завтра в это же время. Скажете кому, что я тут поселился, — и можете смело переставать мечтать о прекрасном будущем, где вы живы и все части вашего тела на месте.

Дверь захлопнулась, а мы, казалось, буквально вросли друг в друга.

— Ну это ж надо, до чего противный старикан! — разорвалась я по дороге к дому. К слову сказать, обратный путь занял у нас куда меньше времени, чем все это скалолазание. — Я согласен, но только если и сестра твоя будет учиться. Так веселее, — передразнивая старика, не унималась я. — Да кто ему вообще сказал, что я хочу?! Ноги моей не будет в хижине этого полоумного!

Ким растерянно посмотрел в мою сторону и резко остановился.

— Ты чего встал? И так влетит от мамы, целый день дома не показывались! А ты еще и передохнуть решил! — уперев руки в боки, как часто делала мама, я постаралась произвести столь же грозное впечатление на братца.

— Ты ведь этого не сделаешь, Мара, — как-то потерянно пролепетал Ким.

— Чего я не сделаю? — не поняла я.

— Ты ведь не отнимешь у меня такой шанс, правда? — Темные брови брата жалобно приподнялись вверх.

— Я... я не хочу туда больше ходить, — уже не так решительно продолжила я.

Ким глубоко вздохнул, посмотрел на снежные вершины окружающих нашу деревню гор, но ничего не сказал. Это молчание было стократ хуже намечавшейся перепалки. Я видела, как потускнел его взгляд, как разочарование и обреченность зарождаются в его сердце. Как картина его будущего медленно, но верно вырисовывается у него в голове. Вот он подросток, через пару лет — молодой парень, потом — женатый мужчина с крошечным наделом на окраине деревни, через десяток лет у него уже пара ребятишек, а денег, чтобы прокормить детей, не хватает. А потом он — выжатый до капли немощный старик, живущий в лачуге на берегу северного озера Ома королевства Ирэми... Внезапно я поняла, что подобное будущее

ждет и меня! Жалкое зрелище...

Что ж, ладно, но я себе не прощу, если хоть немножко не выгадаю с этого. Злорадно ухмыльнувшись своей находчивости, я вновь начала разговор:

— Хорошо, согласна. — Я даже не успела договорить, как братец схватил меня за руки и начал прыгать вокруг, пытаясь увлечь за собой.

— Но! — боясь упустить момент, рывкнула я.

— Но, — насторожился Ким. И не зря!

— Да, есть одно но! Точнее, я бы даже сказала, что не одно, — хитро сощурившись, продолжала я. — Ты берешь на себя половину моих дел по дому, да так, чтобы никто, естественно, об этом не догадался. — Я выразительно ткнула пальцем ему в грудь, радуясь будущим выгодам от нашего сотрудничества.

— Но, Мара, — взвыл брат, — это же бабьи дела!

— И что? — изумилась я. — Тебе же охота к этому старикану таскаться в гору каждый день, а не мне!

— Надо мной все смеяться будут!

— Не будут, если не увидят, — не выдержав, я все-таки расплылась в своей самой зловредной ухмылочке.

— Я тебя... я тебя... — так и не сумев придумать достойную месть и злобно пыхтя, Ким прошагал мимо, буркнул, что согласен, и поспешил в сторону деревни.

Я же, окрыленная столь выгодным сотрудничеством, поскакала следом.

Было около шести вечера, когда двое ребятишек показались на окраине деревни. Солнце уже позолотило ровную гладь озера, раскаленная за день земля отдавала тепло вечернему воздуху, наполняя его ароматами травы и теплого дерева.

Мара и Ким как ни в чем не бывало вприпрыжку шли домой. Усталость как рукой сняло, стоило понять, что настало время ужина. Аромат свежего хлеба, жареной рыбы и картошки буквально впитался в разогретый солнцем воздух.

Уже почти у самого дома двойняшек окликнул их закадычный приятель Дирк.

— Мара, Ким! — надрывно кричал парнишка, пытаясь их догнать. — По... по... подождите меня! — задыхаясь, верещал он.

— Наверное, от самого своего дома за нами бежит, — предположил Ким. Мара согласно кивнула.

Дирк жил на самой окраине деревни, там, где обычно селились младшие отпрыски семьи, не имевшие права на наследство, или просто бедные крестьяне. К отцу Дирка можно было отнести как первое, так и второе. Младший, да еще и бедняк даже по меркам деревни. Наверное, поэтому Дирк был единственным ребенком в семье. На севере Ирэми за естественным приростом населения следили очень строго, во многом благодаря королевскому налогу на каждого ребенка. Государство не желало плодить нищету, и количество детей в семье зависело от благосостояния родителей. А вопросы с нежелательной беременностью решала знахарка Рэйна, древняя старуха, знавшая не только как лечить, но и как убивать...

Через несколько минут рыжеволосый веснушчатый мальчуган все-таки нагнал двойняшек. Некоторое время он пытался отдышаться от длительной пробежки, жадно хватая ртом воздух. Первой не вытерпела Мара.

— Хватит, Дирк! Нам домой пора, выкладывай, чего хотел, или мы пошли. — Девочка

сердито вздернула бровь.

— Да я поэтому вас и догонял! — всплеснул руками Дирк. — Нима тут сегодня такое устроила! Вас искала! Грозилась, что только появитесь, она вас выпорет так, что неделю сесть не сможете. К отцу моему приходила... а я на озере был, пришел домой, а он меня так за ухо дернул, думал, оторвет. — Парень обиженно ухватился за покрасневшее ухо. — А я-то почем знаю, куда вас леший унес?!

— Ты что, сказал, что один там был? Без нас?! — вскрикнул Ким.

— А ты бы не сказал, если бы тебя так за ухо отодрали? — обидевшись, насупился Дирк.

— Я бы ни за что тебя не выдал.

— Мальчишки, — буркнула Мара и добавила уже громче: — Ладно, Дирк, спасибо, что предупредил. Идем, Ким.

— Ты чего! Да мать нас по стенке размажет! — повторил Ким выражение, которое обычно слышал от Карима или от отца. Сам он смутно догадывался, как такое вообще может быть.

— Не размажет, если мы ей расскажем, где на самом деле были и чем будем заниматься завтра, — хитро сощурилась девочка.

Ким удивленно уставился на сестру, но та лишь снова поблагодарила Дирка и повернулась к дому. Паренек хотел было спросить у друзей, где же они по-настоящему были, но парочка уже удалилась на приличное расстояние.

«Вот так всегда! Двойняшки, чтоб их! Хоть бы мне рассказали! А то я за них понапрасну страдай!»

Окончательно разобидевшись, Дирк обреченно поплелся к дому.

— Ты что, с ума сошла, мать ни за что не разрешит! — негодовал мой неразумный братик, а я с невероятным трудом пыталась сохранить серьезное выражение лица.

Но до нашей калитки оставалось уже шагов десять, и пришло время посвятить Кима в планы нашего прикрытия. Я резко остановилась.

— Скажи, ты правда надеялся ходить на свою дурацкую учебу в течение неопределенного срока ежедневно? И чтобы при этом никто не задавал тебе вопросов?

На мое справедливое замечание Ким недовольно хмыкнул, но так ничего и не сказал. Довольная произведенным эффектом, я улыбнулась.

— Тогда, может, у тебя есть план? Нет? Значит, доверься той, кто всегда вытаскивает тебя из самых страшных неприятностей.

И это была правда. Я являлась для Кима кем-то вроде хранителя. Всегда приходила ему на помощь, вытаскивала его из самых запутанных передряг. Началось все в тот день, когда моего брата затянул водоворот на озере Ома, и я кинулась за ним. Никто не верил, что шестилетней девочке по силам вытащить брата из воды. Но они не знали, на что способна моя любовь к нему! Я выплыла сама и спасла его. До сих пор вспоминаю, как тысячи ледяных ножей впивались в кожу, парализуя тело, вспоминаю, как было больно дышать... Но тогда это было не важно... Только Ким — вот что имело значение.

— Не знаю, братец, заметил ли ты, — специально растягивая слова и испытывая его терпение, начала я, — но неподалеку от хижины я заметила кое-что интересное...

— Ну хватит, Мара, говори!

Как всегда, никакой выдержки.

— Ладно. — И почему он никогда не дает мне насладиться своей

сообразительностью?! — Там была поляна... Понимаешь, целая поляна глаза дракона!

— Что? — Брат удивленно посмотрел прямо мне в глаза.

Глаз дракона — это трава, которая ценится в Ирэми на вес золота. Растет она только в горах, причем круглый год, созревая даже в самый лютый мороз. Найти такой кустик — уже великое достижение, а большую поляну — что-то нереальное. Глаз дракона широко используется в целительстве — он ускоряет заживление ран, притупляет боль и дает жизненную силу. Я знала, как он выглядит: старая Рэйна однажды лечила этой травой Тэйро, одного из наших братьев. Я сама ходила со знахаркой в горы за глазом дракона и отлично помнила, что он собой представляет.

По дороге к магу я заметила поляну, буквально усеянную этой травой, и решила, что надо будет рассказать об этом маме, ведь, как она говорит, деньги лишними не бывают.

— Мы будем ходить в горы и охранять нашу травку. Для нас это отличное прикрытие, да и семье выгода. Зимой продадим. Может, и нам что-нибудь перепадет. И теперь у нас будет повод ходить на твои дурацкие занятия с чокнутым стариком, — с как можно более деловым видом подытожила я.

— Иногда ты меня пугаешь, сестра, — растерянно пробормотал Ким, и мы двинулись в сторону дома.

Естественно, мама нас уже ждала... с розгами в руке. Но, услышав мой рассказ о глазе дракона, тут же растерялась. Мы с братом гадали, что же победит в матери — желание обеспечить семью или наказать нас за непослушание. Как я и предсказывала, побороло первое, и завтра нам с братом следовало идти сторожить «зимний урожай», не говоря никому ни слова, даже братьям и Дирку. Да мы и сами в общем-то не горели желанием об этом распространяться.

К ужину собралась вся семья: отец, уставший и голодный после тяжелого дня, проведенного в кузнице (летом заказов было особенно много), Карим и Тэйро, весь день помогавшие отцу, Бьерн, вернувшийся с рыбалки вместе с Элдаем, которого назвали в честь нашего предка, и мы с Кимом. Мама поставила на стол большой горшок с картошкой и рыбой, а рядом — горшочек поменьше, с едой для меня. Все дело в том, что помимо слабого здоровья боги отметили меня еще и загадочной для нашего края болезнью, и имя ей — аллергия! Есть я могла, без вреда для здоровья и риска умереть от удушья, только самые незатейливые продукты. И конечно же никакой рыбы. Может, из-за этого я и была такой худой?

Мама села на другом конце лавки, давая знак начинать ужин. Этот ритуал был для всей семьи обязательным и каждодневным. Отец первым наложил себе порцию в тарелку, далее была мама, потом Карим, Тэйро, Бьерн, Элдай и Ким. Я приступила к еде последней, потянувшись к горшочку с кашей, сваренной на воде.

— Представляешь, Нима, сегодня у старосты коня подковывали, так думали, не приструним, совершенно неуправляемый мерин. Хорошо хоть Тэйро к нему подход нашел, а то так бы и провозились до ночи.

Дальше беседа потекла своим чередом. Мама отчитала Тэйро за неоправданный риск, потом Элдай начал рассказывать, как удачно они с Бьерном сходили на рыбалку. Брат сказал, что завтра неплохо бы съездить в Карген, городок местного значения, чтобы продать пойманное.

Я и Ким были на редкость молчаливы, но заметил это лишь Бьерн.

— А вы что, с нами не хотите? — изумился он.

— Нет, — ответила за нас мама. — Завтра они будут помогать мне по хозяйству.

— Сочувствую, мелюзга, — не особо сочувственным тоном сказал Элдай и злорадно улыбнулся.

Иногда мне кажется, что Элдай — такой гад! И не будь он мне братом... Но лучше не продолжать эту тему.

Остаток ужина прошел в тишине, больше никто особо разговаривать не хотел. Отец встал, и это было командой для всей семьи о завершении ужина. А мне пора было мыть посуду. Когда все разошлись, Ким решил пойти за Бьерном и резво поднялся с лавки. Ну вы только посмотрите, каков наглец?!

— Куда намылился? — ухватив его за рукав, ехидно поинтересовалась я.

— Ты чего, Мара? Бьерн с Элдаем завтра в Карген едут! — восторженно завопил брат.

— И что? Уже забыл о нашем уговоре? — Я приподняла бровь и посмотрела прямо ему в глаза. — Иди воду налей вон в тот чан и подогрей.

— Зачем это? — непонимающе спросил Ким.

— А затем, что будешь посуду мыть под моим присмотром.

— Я думал, ты пошутила, — опустив плечи и грустно вздыхая, Ким подхватил небольших размеров железный чан и поплелся к двери. Путь ему перегородила мама.

— И куда ты тащишь эту посудину? — подозрительно сощурившись, спросила она.

— Маре помогу. Мужик я или кто? Чего ей тяжести тягать, — с видом мученика или героя пробормотал Ким.

— Великая богиня, — всплеснула руками мать и даже опустилась на лавку. — Мужика, хоть одного мужика родила, — растерянно пробормотала она. — Ступай, сынок, ступай...

Таких ласковых слов, должно быть, от нее никто в жизни не слышал.

Так началось наше взаимовыгодное сотрудничество с Кимом, при этом полностью одобренное матерью.

Орэн Канэри вот уже несколько часов после ухода новоиспеченных учеников сидел не двигаясь в своем любимом кресле-качалке и замороженно смотрел на мирно колышущееся пламя в камине. Именно в камине. Не зря он проделал столь долгий путь из самого Эдэльвайса, столицы Ирэми, до северной границы пешком, чтобы протянуть портал из маленькой временки в горах в свое собственное жилище. Теперь если магу понадобится покинуть страну, то стоит всего лишь открыть портал — и он уже на границе Ирэми, в хижине в горах.

Основная проблема заключалась в том, что нужно обязательно самому побывать там, куда открываешь проход, а также в нежелании Орэна, чтобы об этом его путешествии кто-либо знал. Пешком пересечь всю страну, чтобы так глупо попасться двум незадачливым ребятишкам... Но больше всего Орэна потрясло то, что у детей был дар. Причем у обоих. Это, конечно, не являлось причиной, по которой он обычно набирал своих учеников, но интуиция, которой он привык доверять, говорила, что эти дети важны. И он просто не смог отмахнуться от внутреннего голоса.

— Болван, — прорычал Орэн в пустоту.

— Это вы мне? — раздался сиплый голос слуги Орэна, стоявшего у дверей гостиной.

— Нет, Элфи, это я себе, — все так же отстраненно пробормотал маг.

Элфи, старый гном, работал у Орэна так давно, что ни сам он, ни его хозяин не помнили, сколько именно. Обычно гномы редко покидают свои горы, но только не Элфиральд дэр Альвэ. Он ненавидел всем своим сердцем жизнь под землей и основной вид деятельности гномов — оружейное мастерство. Элфи сам покинул родовое гнездо в Соколиных горах, находящиеся далеко на севере, и решил обосноваться в Эдэльвайсе, где и встретился с Орэном. За долгое время Элфи стал для мага не просто слугой, но другом, практически членом семьи.

Вопреки сложившимся стереотипам и традициям Элфи не носил длинной гномьей бороды, одевался у лучших портных и выглядел зачастую изысканней любого вельможи, хотя впечатление немного портил маленький рост и смешная походка.

— Магистр, вы не в духе? — участливо поинтересовался гном, присаживаясь на мягкий табурет рядом с магом.

— И сам не знаю, — грустно вздохнул Орэн.

— Как прошла поездка? Портал готов? — Элфи был единственным, кто знал о планах Орэна.

— С этим-то как раз никаких проблем...

— Но? — не унимался тот.

— Я взял учеников! — выпалил маг.

— Учеников?! — в изумлении воскликнул гном. — Зачем? После того, что произошло, я думал...

— Я тоже так думал, Элфи, но это было нужно, понимаешь? — Орэн в растерянности посмотрел в голубые, как ясное летнее небо, глаза друга.

— Понимаю, Орэн, — вздохнул Элфи. — На тебя опять накатило... Какие еще беды должно всем принести твое шестое чувство, чтобы ты стал затыкать уши, едва оно начнет вопить вновь?

— Надеюсь, больше никаких, — грустно пробормотал маг, вновь устремляя свой взгляд на мирно потрескивающие поленья.

— Ну идем уже! — не выдержал Ким, когда я в очередной раз решила проверить, хорошо ли мы укрыли новые побеги глаза дракона.

— По крайней мере, это наша реальная выгода, — не стерпела я.

Сколько можно гоняться за призрачными надеждами вырваться из Пограничья и стать учеником Межрасовой академии магии? Обреченно вздохнув, я поднялась с колен и подошла к брату.

— Ладно, пойдем, — пробормотала я, уцепившись за руку Кима и покорно следуя за ним.

Дул легкий северный ветер, как бы напоминая, что тепло скоротечно, а холод не отступит никогда и что совсем скоро нас ждут первые заморозки. Даже жутко становится, как представляю, что и зимой придется сюда таскаться. Нет ничего страшнее, чем оказаться зимой в наших горах! Однажды нам с отцом пришлось подняться в горы ранней весной, и я едва не отморозила себе ноги. Помню, как Рэйна ругала отца, накладывая специальные мази на мои ступни, что он взял детей в такой поход. Но все же он был рядом и смог донести меня до дома. А что с нами будет, если подобное повторится? Ведь рядом не будет никого из взрослых, чтобы помочь (маг, разумеется, не в счет). Быть может, старикан сам откажется от занятий с нами? Или уедет ближе к зиме?

Мысли все продолжали блуждать в моей голове, в то время как ноги все несли к временке вчерашнего знакомого. Когда до заветной обители знаний оставалось около десятка шагов, дверь тихонько заскрипела и в проходе появился Орэн. На нем была холщовая рубашка зеленого цвета и обычные порты. На вид — ничем не примечательный деревенский мужик, если бы не прозрачные кругляшки в золоченой оправе, взгроможденные на его длинный тонкий нос. Помню, это так поразило меня! Я тогда впервые видела очки и лишь смутно догадывалась, зачем они нужны, ведь в Пограничье подобных штукovin никто не носил. Вполне вероятно, что о существовании оных здесь вообще не подозревали.

— Приветствую вас, молодые люди, — необыкновенно вежливо начал разговор маг. — Более всего в своих учениках я ценю пунктуальность.

— Но у нас нет никакой пунтальности, — изумилась я. — Надо было вчера сказать, я бы у мамы попросила, а так — извините.

Вот старый бес! Пунтальность ему подавай! Мало того что топали сюда целый час, так еще и не с пустыми руками надо было! До чего же наглый сыч!

Я даже толком повозмущаться не успела, как поляна, на которой мы стояли, огласилась заливистым хохотом старого мага.

— Да, парень, я был прав, что с сестрой тебя в ученики взял, — все еще задыхаясь от смеха, бормотал Орэн, — с ней куда забавней будет.

Ким смущенно зыркнул в мою сторону.

— Пунктуальность, — медленно, проговаривая по буквам, продолжил маг, — означает способность приходить вовремя. Надеюсь, ни сейчас, ни впредь тебе не придется ее у кого-нибудь выпрашивать, — поправив на носу очки, закончил маг. — Прошу вас в дом, юные господа.

Пунцовая с головы до ног, я направилась в сторону временки вслед за братом, смутно ловя себя на мысли, что ненавижу этого старика даже больше, чем Эву, девочку с соседней улицы, однажды назвавшую меня подкидышем белокурых демонов. Не люблю чувствовать

себя глупой и тем более соглашаться с тем, что я глупа. Но именно так я и выглядела.

Войдя в избушку, я ожидала окунуться в полумрак ветхих стен, но внутри комната была светлой и уютной. Кругом была странная для деревенского жителя мебель. Стулья были обиты приятной на ощупь мягкой тканью, вдоль стен расположились книжные шкафы, а около единственного окна стоял большой лакированный стол. Хотя во времянке была небольшая печка, сейчас огонь в ней не горел, но в домике было очень тепло. Ким не пытался скрыть своего изумления и все время крутил головой от одной стены к другой, жадно рассматривая книги, расставленные в шкафах одному Орэну известно, по какому принципу.

— Нравится? — поинтересовался маг.

— Да, — чуть ли не задыхаясь от восторга, ответил Ким.

— Из шкафа, что у окна, можешь взять что-нибудь почитать, — добродушно предложил Орэн.

— Да, — замялся брат, — я лучше посмотрю.

— Не стесняйся, вы сюда учиться пришли, а начальный путь знаний — это книги.

— Да неудобно как-то, — начал было Ким.

Меня такое его поведение порядком достало.

— Читать он не умеет, что тут непонятного-то? — выпалила я.

Ким раздосадованно повернулся в мою сторону, и его смуглые щеки покраснели.

— Кто тебя просил? — рассерженно фыркнул он, сжимая кулаки.

— А ты, болван, как учиться-то думал?!

Нет, вы только посмотрите! Ни читать, ни писать не умеет, да еще выделывается, показывая, что книжки ему нужны.

— Это правда? — положив руку на плечо брата, спросил Канэри.

— Да, — потупив взгляд, пробормотал Ким.

— А ты умеешь?

— А я что, из золота сделана? — фыркнула я. — Если уж его не научили, то меня и подавно, женщина в наших краях разве что немногим дороже коровы. Так что, магистр, ни читать, ни писать мы не умеем. Как будете нас учить? Сразу предупреждаю: пороть не дамся, — гордо вскинув подбородок, заявила я.

Лукаво улыбнувшись, маг сказал:

— Ну, есть вещи и пострашнее порки.

Почему-то я ему поверила.

Дни мелькали, словно кошмарный калейдоскоп. Письмо, чтение, счет, работы по дому, уход за ненавистой травой... Чтобы все успеть, приходилось вставать гораздо раньше, чем обычно.

Меня всегда считали не слишком выносливым ребенком. Среди селян бытовало мнение, что именно старший близнец получает здоровье и силу. Как ни печально мне признавать, но Ким и впрямь был сильнее и выносливее меня. С самого младенчества я постоянно болела. С учетом здешнего климата было чудом, что мне удалось прожить хоть один десяток лет и разменять второй. Когда я преодолевала гору, поднимаясь к Орэну, я всякий раз думала, что становлюсь сильнее, хотя мое самочувствие по возвращении домой твердило обратное. Ноги распухали и нестерпимо ныли, все тело ломало так, словно по мне весь день прыгала бешеная коза. А во сне меня иногда лихорадило. Естественно, Ким это заметил, ведь спали мы с ним, как младшие дети, вместе на печке. И в одно прекрасное предосеннее утро,

растолкав меня немного раньше обычного, он решил поделиться одной из своих светлейших идей.

— Ты со мной больше не пойдешь, — не терпящим возражения тоном сказал брат.

— Мм, — еще не понимая до конца, что от меня хочет в такую рань этот болван, промычала я.

— Я тебя не возьму, — как можно резче повторил он.

Больше уснуть я не смогла. В голове все тут же прояснилось, я подскочила, ловко повернулась на другой бок и взгромоздилась на брата. Должно быть, выражение моего лица говорило о многом, раз его решимость как ветром сдуло.

— Ну, Мара, посмотри, на кого ты стала похожа из-за этих занятий! Думаешь, я не вижу, как ты всякий раз корчишься от боли, стоит тебя кому-нибудь задеть или попросить лишний раз встать вечером? Думаешь, не замечаю, как ты дрожишь по ночам? А сама горишь, словно в огне! Или не замечаю, как тяжело ты дышишь, когда мы утром идем к Орэну?!

На это возразить мне было нечего, но и сдаваться так просто я не собиралась.

— А ты наблюдательный, как я посмотрю, — переводя дух, съязвила я.

— Мара, перестань, я же не слепой, — с болью в голосе проговорил Ким.

— Тогда есть встречное условие, братишка. — Я едва ли не шипела от злости. Не думала, что выгляжу в его глазах настолько жалкой. — Хочешь ходить к Орэну — значит, будем делать это вместе. Или никак!

Растерянность на мгновение промелькнула в его взгляде.

— Зачем ты так?

Через час мы вместе вновь брели по горным тропам.

Орэн подждал нас, сидя на крылечке перед столь убогой на первый взгляд избушкой. Его глаза лучились теплотой и светом, будто глаза родного человека. Прошло уже около месяца с того момента, как мы впервые встретились. И, как это ни странно, но он начинал мне нравиться. Моя враждебность сменилась уважением и легкой привязанностью. Ким же, как мне казалось, нашел свое собственное божество в лице почтенного старца.

— Что-то вы сегодня рановато, — улыбаясь, сказал маг.

— Просто раньше вышли, учитель, — с придыханием сказал Ким. — Я бы хотел с вами поговорить, — он невольно обернулся в мою сторону и продолжил: — Наедине.

Орэн нахмурил брови, а я непонимающе уставилась на брата.

— Хорошо, Ким, — предвосхищая меня, затараторил маг. — Пройди. А ты, Мара, подожди нас здесь. И кстати, можешь не пытаться подслушать, стены защищены специальным заклинанием.

Щеки мои запыхтели огнем, что означало: еще немного — и взрыва эмоций с моей стороны не избежать. Но на сей раз ничего, кроме гневного взгляда в сторону мага и брата, я себе позволять не стала. Вот все-таки мерзкий старикан! А еще минуту назад он мне даже нравился.

Попыхтев немного возле двери, я невероятными усилиями собрала волю в кулак и поплелась в сторону находящегося неподалеку пенька. Кое-как взгромоздившись на него, подняла лицо к небу и решила, что раз меня игнорируют, то я в общем-то тоже могу отдохнуть от них, наслаждаясь последними теплыми лучами северного солнца.

Когда маг вошел внутрь избы, за дверью еще некоторое время раздавалось недовольное

пыхтение, а затем быстрые удаляющиеся шаги. «Ну и характер у этой козявки! Маленькая, а темперамент, как у... Впрочем, не будем о грустном». Тяжело вздохнув, Орэн повернулся спиной к двери и посмотрел на своего ученика.

— О чем ты хочешь поговорить, Ким? — спросил маг.

Парнишка выглядел растерянным и, будто не зная, как начать разговор, нервно переминался с ноги на ногу.

— Ну же, смелее. — Орэн ободряюще улыбнулся и жестом указал мальчику на стул, приглашая присесть.

— Учитель, мне неловко просить об этом, но я хочу, чтобы вы меня правильно поняли.

Паренек, будто собираясь с силами, передернул плечами и как-то чересчур резко сел на стул, сам же Орэн занял место напротив, за столом.

— Если ты перестанешь нервничать и просто мне все расскажешь, я постараюсь понять тебя правильно, — мысленно Орэн призывал себя к спокойствию. Ким действительно волновался, вся его аура буквально кричала об этом. И еще было чувство вины и ощущение, что он кого-то предает. Все это настораживало, и волнение незаметно передавалось и самому магу.

— Я хочу попросить вас...

Опять нервный вздох.

— Ну же, мальчик, не бойся.

Да что такого произошло за эту ночь?! В глубине души Орэн переживал только об одном: кто-то, наделенный даром, забрел в деревню и прознал о том, куда ребята ходят каждый день. Нет, невозможно. Но что же тогда?!

— Я хочу, чтобы вы сказали Маре, что больше не будете с ней заниматься, — на одном дыхании выпалил парнишка. И тут же покраснел.

«Стыд, точно стыд», — подумал Орэн, разглядывая ауру ребенка.

— Позволь спросить, почему я должен это сделать? — все так же спокойно проговорил маг. Хотя в душу закралось нехорошее сомнение. Может быть, мальчик завидует сестре? Ведь девочка ловит все на лету, в то время как Киму нужно немного больше времени. Неужели завидует? Маг еще раз всмотрелся в ауру ребенка, считывая его эмоции. Переживание, страх, любовь, вина. Нет, зависть тут ни при чем. Тогда что?

— Мара... Ей тяжело, — промямлил Ким.

— Что-то не замечал, что ей тяжело дается обучение, — ровным тоном сказал маг.

— Нет, она умная, очень умная, — в запале затараторил парнишка, — у нее голова работает уж точно лучше, чем у меня!

— Тогда почему я должен перестать с ней заниматься, Ким? Чего я не знаю? — Орэн старался говорить как можно более спокойно, ему казалось, что мальчику нужна поддержка.

Ким коротко кивнул своим мыслям и заговорил снова:

— Мама рассказывала... Когда мы с Марой родились, мама думала, что сестра не выживет, такой слабенькой она была. — Ким тяжело вздохнул, но все же продолжил: — С тех пор мало что изменилось... Все мы — мама, отец, братья — каждый раз вздрагиваем, стоит ей хотя бы чихнуть. Самая обычная простуда для Мары превращается в испытание на выживание. А для нас — в пытку неизвестностью. Выживет ли она? Или старуха Рэйна не справится, и уже вскоре поминальная лампада будет висеть над дверью нашего дома. Это страшно, учитель... очень.

— Я опять не улавливаю ход твоих мыслей, юноша. Прошу тебя, ближе к сути того, что

ты хочешь мне сказать.

Орэн нетерпеливо забарабанил подушечками пальцев по лакированной поверхности стола.

— Я это к тому, что здоровья нет у нее каждый день в горы лазать. Да еще и осень начинается, а с приходом холодов ей совсем неважко будет. Но ведь упрямая как ослица, раз я хожу, то и она будет. Я вас прошу, учитель, поговорите с ней.

Ким вот уже как несколько минут молча смотрел на своего наставника. Орэн же что-то выводил пальцами на поверхности стола и, казалось, совершенно не обращал внимания на своего маленького ученика. В голове у старца в данный момент происходило совещание между всеми его «я» с целью выяснения, нужны ли ему вообще ученики? Если да, то необходимо отстаивать их интересы до конца, если нет, то, как бы это рискованно ни было, придется стереть деткам память. И пусть проваливаются в свою деревню.

«А не кажется ли тебе, любезный маг, что надо было это сделать еще тогда, когда ты впервые их увидел?» — вразумлял один из голосов. И ведь была в этом истина. Он дал свое согласие обучать ребят, а это значит, что сейчас маг полностью за них отвечает. Он повел себя непозволительно безответственно. Слишком много случайностей было в том, как они встретились, как легко он согласился их учить. Орэн понимал, что нет ничего случайного в жизни, есть закономерности, ведущие к определенной цели. И если сейчас он вот так просто откажется от деток, все может стать действительно плохо. Ведь не бывает хуже наказания, чем участь тех, кто не узрел своего предназначения и отказался от него. У детей своя судьба, а его задача в том, чтобы подготовить их к поступлению в академию. А дальше пусть будет так, как решат дети.

Еще множество мыслей роились в голове мага, но основное для себя и учеников решение он уже принял. Останавливаться на полпути было не в его правилах. Возможно, если бы он оставил детей и исчез, то все сложилось бы иначе. Жизнь двойняшек была бы незаметной и однообразной. Но этого не случилось.

Проведя рукой по своим длинным пепельным волосам, Орэн будто стряхнул с себя мысли и вновь устремил взор на мальчика, который едва ли не прокусил губу в ожидании ответа мага.

— Хорошо, Ким, я понял тебя. А теперь бери сестру и ступайте домой, сегодня у вас выходной.

Реакция мальчика на последние слова мага была весьма странной: сначала он покраснел еще сильнее, потом побледнел, затем сжал кулаки так, что побелели костяшки, и поджал губы.

— Вы прогоняете нас? — почти шепотом спросил Ким.

Орэн легко улыбнулся, привстал из-за стола и провел ладонью по щеке мальчика.

— Нет, всего лишь говорю то, что говорю. Идите отдыхать.

— Но... — попытался возразить ребенок.

— Домой, — уже жестче сказал Орэн.

Прохладный ветерок играл с моими волосами, солнце согревало щеки и не давало замерзнуть. Впервые за последние три недели я вот так просто сидела и наслаждалась бездельем. Пока Ким промывал мозги нашему дорогому учителю на тему того, что мне не следует больше ходить на занятия, я наслаждалась вынужденным отдыхом. Конечно, мне стоило догадаться, что он не оставит свою блестящую идею под названием: «Десять

способов избавиться от родной сестры, или Как выиграть войну, не дав ей начаться».

Что он там сейчас наговорит старому дураку? А ведь я даже вступить за себя не могу! Обрисует меня какой-нибудь развалиной, и что потом делать? Зачем магу больные ученики, если ему и здоровые-то не всегда нужны?

С того самого момента, когда я начала понимать всю разницу между собой и другими детьми, в душе у меня поселилась боль. Им не составляло труда бегать целыми днями, купание в ледяной воде озера Ома не причиняло вреда их здоровью, легкий сквозняк не мог свалить их с лихорадкой в постель на недели. Это казалось мне таким несправедливым!

Болячки, словно стая голодных собак, накидывались на меня, стоило им только дать повод. Мама давно ввела свод правил для меня: теплые носочки на ночь, в озере не купаться (когда она видит, конечно), прежде чем выйти из хорошо натопленной избы зимой, остыть в сенях и всякая подобная чушь. Конечно, можно было бы назвать это ерундой, если бы не весь трагизм ситуации. Соседи, когда я в очередной раз заболела, сочувственно косились на мать. И я понимала, что означают эти взгляды: «Кто ж у тебя задаром такую девку замуж возьмет? Да и какой толк от нее в хозяйстве? Померла бы уж, все полегче стало бы».

И когда я шла на поправку, то всегда думала, что просто обязана выжить, хотя бы назло «добрым людям». Каждый раз, выходя на улицу с братом, я старалась не уступать остальным ребятам ни в чем. Может быть, даже занятия с Орэном где-то в глубине души я воспринимала, как очередное испытание. Я верила, что чем строже буду к себе относиться, тем сильнее стану.

Размышляя обо всем этом, я не заметила, как дверь старой избы отворилась и ко мне подошел Ким.

— Идем, — коротко сказал он.

Недовольно открыв глаза и сощурившись от яркого солнца, я посмотрела на брата.

— Куда?

— Домой, — недовольно буркнул брат.

— Зачем? — все еще не понимая, чего он хочет, спросила я.

— Учитель сказал, — громко вздохнул Ким.

— Ну, теперь ты доволен? — уперев руки в бока, как это делала мама, поинтересовалась я.

— Нет. Идем, — повторил Ким.

— Ну идем, — закусив губу, согласилась я.

И что теперь делать? Как все исправить? Вечно влезет, а я потом расхлебывай. Легко соскочив с облюбованного мною пня, я взяла брата за руку и пошла в сторону дома. Спрашивать Кима об их разговоре с учителем сейчас было глупо, скорее всего, накричит на меня, снимая напряжение, а потом будет дуться полдня. Ругаться настроения не было. Я чувствовала, как переживает брат. Волна боли, исходящая от него, ощущалась буквально физически. Ничего, я все исправлю, что бы он ни натворил. Я успокаивала себя, что нет ничего непоправимого. В молчании мы добрались до родной избы.

— Пойдем домой, я не хочу сегодня больше гулять, — как-то потерянно проговорил брат.

На мгновение мне показалось, что его карие глаза заблестели на солнце, будто наполняясь слезами. Но ведь Ким не плачет, никогда!

— Конечно, — почти шепотом сказала я и провела рукой по его темно-каштановым кудряшкам.

Между нами будто плотина прорвалась. Ким порывисто прижал меня к себе и зашептал

на ухо:

— Я хочу, чтобы ты знала, Марами: я не жалею, что поговорил с Орэном. Не жалею и о том, что теперь наши занятия, скорее всего, окончены. Все это глупости, лишь мои детские мечты. Главное для меня — это ты.

Ком подступил к горлу, стало больно дышать.

— И ты, Энаким, знай, — зашептала я в ответ, — для меня главное — это ты. А твои мечты не глупости, они — наша надежда на будущее. Что бы сегодня ни произошло, я все исправлю, ты же знаешь, — на мгновение я вырвалась из объятий брата и посмотрела в его темные глаза. Ким коротко кивнул, взял меня за руку и повел в дом.

Мама была приятно удивлена нашим ранним приходом. Дом был пуст, отец и старшие братья пропадали в кузнице, Бьерн, скорее всего, ухлестывал за очередной красоткой, как говорила мама, а Элдай еще на рассвете отправился на озеро за рыбой. Радость мамы от нашего прихода была основана, скорее всего, на том, что теперь она могла перевалить на нас всю грязную работу по дому. Таким образом, мне досталось мытье пола, а Киму — чистка очага, кормление уток, кур и свиней.

Так, в делах, незаметно приближался вечер. Я старалась не думать о том, что произошло сегодня утром, полностью надеясь на то, что новый день принесет не только свежий ветер, но и свежие мысли. К обеду вернулся Элдай, за ним — Бьерн. Ребята натаскали воды из колодца и отправились в кузницу, отнести обед Тэйро, Кариму и папе. Мы же с Кимом есть не стали, за что получили по подзатыльнику. «На сладкое», — как сказала мама.

Ближе к закату дверь в избу распахнулась, и в горницу вошли братья вместе с отцом.

— О, и двойняшки уже дома. А мы думали, вас опять семью собаками не същешь, — хихикнул Тэйро.

Смотря на братьев, я невольно подумала, в кого я только такая уродилась. Все широкоплечие, высокие, смуглые, с карими глазами и темными волосами. Мечта любой девушки. Пошли в отца и маму. И я, чахлая, худосочная, как поганка среди белых грибов. Карим выразительно принюхался и торжественно изрек:

— Есть хочу!

— Все хотят, — хмыкнул Бьерн и прошел к столу.

— Мара, ты чего грустная такая? — спросил Тэйро, усаживаясь за стол.

Я неопределенно пожалала плечами и вздохнула:

— Да так, настроения нет.

— Ну понятно. Ким, — позвал Тэйро.

Брат подошел к столу и вопросительно поднял глаза на Тэйро.

— Почему наша малышка грустит? Опять подрались? — Старший брат сурово свел черные брови и посмотрел на Кима.

— Нет, — буркнул он и сел рядом со мной, чем немало озадачил всех остальных.

Все знали: единственное, что могло заставить нас с Кимом грустить, — это ссора между нами.

— Они с самого утра такие, — сказала мать, ставя на стол горшок из печки.

Отец подошел к нам со спины и положил на головы свои огромные мозолистые ладони.

— Что стряслось? — просто спросил он.

Я подняла глаза на отца, и сердце болезненно сжалось. Врать было тяжело, но так необходимо.

— Да все нормально, папочка, садись кушать, — сказала я.

Папа нежно, насколько это возможно с его руками, погладил меня по голове.

— Точно? — нахмурился он. — Или брешете? — Следующий суровый взгляд был дарован Киму.

— Да не ругались мы, — коротко ответил он.

— Двойняшки... одно настроение на двоих, — сказал Элдай, садясь за стол.

К тому моменту, когда все уселись, уже совсем стемнело. Ели молча, наше с Кимом настроение словно передалось всей семье. Где-то через полчаса после начала ужина во дворе послышался лай Тузика, так звали нашу цепную собаку. Старый пес лаял как заведенный, а через мгновение в дверь постучали. Отец удивленно вскинул брови и посмотрел на маму.

— Я никого не жду, — невпопад сказала она.

Папа тяжело поднялся с лавки и направился в сторону входа, отодвинул засов и открыл дверь. На пороге стоял Орэн. Старый маг был одет в темно-синюю мантию, длинные волосы заплетены в косу, а в руках — кожаная сумка. От неожиданности я выронила ложку, и та с хлоппаньем утонула в каше.

— Вечер добрый, хозяин, — сказал маг.

— Вечер добрый, — машинально ответил отец.

— Дозволено ли будет войти в сей дом магу королевства? — вопросительно вскинув бровь, поинтересовался Орэн.

— Конечно, конечно, — затараторил отец.

Маги королевства вызывали у жителей нашего края страх и уважение. Всем было известно, на что способны эти люди, если их не принять, как полагается. Отец широко распахнул дверь и жестом пригласил Орэна войти. Я украдкой бросила взгляд на Кима и для себя отметила, что не одна я пребываю в растерянности. Тем временем немного пришедший в себя отец вновь заговорил:

— Не угодно ли будет путнику разделить с нами ужин?

— Не откажусь, — кратко заметил наш учитель.

Хоть и выглядел Орэн глубоким старцем, но походка и осанка не выдавали его возраста и слабости. Маг неторопливо подошел к столу и сел напротив Кима и меня. Самое удивительное то, что именно это место оказалось свободным. Мы таращились на старца во все глаза, а он в это время ерзал на лавке, устраиваясь поудобнее. Потом посмотрел в нашу сторону и нахально подмигнул.

За столом воцарилась гнетущая тишина, не нарушаемая даже стуком ложек. Все члены нашей немаленькой семьи смотрели на незваного гостя. Так мы, наверное, и просидели бы до утра, если бы не железный характер матери, привыкшей брать все в свои руки.

— Позвольте представить мою семью, — начала она издалека. — Мой муж Леонид Аррели, мои сыновья, — мама указывала на называемых выразительным взглядом, — Тэйро, Карим, Бьерн, Элдай, Энаким. Моя дочь Марами. Меня зовут Нима.

Орэн благосклонно кивнул и сказал:

— Орэн Саймон Канэри, член совета верховных магов при Межрасовой академии магии, если желаете, могу предоставить вам подтверждающий документ, — не дожидаясь ответа, Орэн открыл сумку и достал оттуда свиток, передав его отцу. Папа умел читать, но не слишком хорошо, поэтому без особого энтузиазма принял бумагу.

Но оказалось, что уметь читать в данном случае было необязательно. Едва папа развернул лист, свиток засветился голубым сиянием, и на поверхности возникла прозрачная фигурка человека в черной мантии. Призрачный маг начал вещать:

— Орэн Саймон Канэри, королевский маг. Родился в три тысячи пятьсот сорок шестом году по исчислению королевства Ирэми, является действующим членом совета верховных магов при Межрасовой академии магии, номер лицензии...

Проговорив нужный текст, человек коротко поклонился и исчез вместе с сиянием, исходящим от документа. Если мы с Кимом знали, что Орэн действительно являлся магом, и ничему не удивлялись, то наша семья была к такому представлению не особенно готова. Дрожащими пальцами папа передал свиток владельцу и как-то неестественно улыбнулся. Мама, как обычно, взяла себя в руки гораздо раньше отца.

— Чем, — тут она несколько замялась, — обязаны визиту столь почетного гостя?

Орэн легко вздохнул, широко и открыто улыбнулся и посмотрел в глаза маме.

— Я пришел к вам за своими учениками.

Я не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть. Впервые в жизни я не знала, что сказать и что сделать. Как я могла все это допустить? Почему сразу не осадила брата? Сердце пропустило удар и тут же понеслось с сумасшедшей скоростью, и стук его отдавался в висках.

— Я вас не понимаю, господин маг. Мои дети не обучены магии, — как-то рассеянно сказала мама.

— Я и не говорю, что ваши дети, эсса Нима, обучены магии, — зачерпывая ложкой остатки каши из горшка, сказал Орэн. — Я говорю, что пришел забрать учеников.

Тут уже вмешался немного пришедший в себя отец.

— И кто же из присутствующих ваши ученики, господин? — отстраненно проговорил папа.

— А давайте у них спросим, — задорно подмигнув отцу, сказал Орэн.

Я так и осталась сидеть на своем месте, вперившись в Орэна немигающим взглядом. Но Ким аккуратно встал из-за стола. Шесть пар удивленных глаз уставилась на брата. Я поднялась следом за Кимом и принялась разглядывать доски на полу.

— Ч-ч-что это значит? — пробормотал Карим.

— То и значит, молодой человек, — сказал Орэн. — Ваши брат и сестра — будущие маги королевства. Если отправятся со мной, конечно.

Тишина воцарилась в воздухе, не слышно было даже дыхания мага. Все замерли. Затем мама вновь взяла нить разговора в свои руки.

— Но как? — удивленно спросила она. — Когда?

Орэн будто изменился. Из важного господина превратился в заботливого дедушку.

— Нима, у твоих детей есть дар, — нежно сказал маг. — Не признавать этого — кощунство, но забрать их без вашего с мужем согласия я не могу. Посмотри на Кима. Он младший сын, и ты знаешь, что это значит. И подумай, что могу дать ему я, — вкрадчиво сказал Орэн. — Посмотри на Мару. Какая жизнь ждет ее со всем тем, чем «наградила» ее природа? Кто возьмет ее замуж?

Словно острый коготок царапнул меня по сердцу, было больно, когда о тебе говорили правду при тебе, но не замечая тебя. Словно почувствовав мою боль, Ким аккуратно взял меня за руку. А старик продолжил:

— Подумай, что может дать ей магия. Здоровье, долголетие, безбедное существование — вот что я предлагаю твоим детям. А взамен лишь прошу твое и Леонида согласие. Я своего слова не нарушу. Не знаю, в курсе ли вы, но для мага ученики ближе, чем родные дети. Если уж признал, то до конца.

— Но... Но я так сразу не могу. — Вечно суровое лицо матери изменилось на

неожиданно рассеянное. Ее глаза, глаза больной побитой собаки, обратились к отцу.

— Если ты поклянешься серебряной нитью, — неожиданно жестко сказал папа, — я дам согласие.

Орэн серьезно посмотрел на нас с Кимом и коротко кивнул. Его ладонь, которую он поднял перед собой, засветилась голубым сиянием, и маг сказал:

— Я клянусь перед вами, Нима и Леонид Аррели, серебряной нитью своей, что не нарушу слова и позабочусь о ваших детях, пока им это будет необходимо.

Сияние неожиданно полыхнуло, и на безымянном пальце мага возникла витиеватая татуировка в форме кольца.

— Такая клятва устроит тебя, кузнец? — как-то устало проговорил маг.

— Да, — коротко ответил отец. — Я принимаю твою клятву и даю свое согласие.

Тут отец сжал свою огромную ладонь в кулак и кратко мазнул по глазу. Я почувствовала боль человека, что дал мне жизнь. Секунда — и я оказалась рядом с папой. Сидя у него на коленях и прижимаясь всем телом к широкой груди, я чувствовала, что отец растерян, как никогда. Его огромная ладонь гладила меня по голове, и его боль, казалось, пронзала всю меня. Я плохо понимала, что сейчас происходит и к чему это может привести. Но одно я знала точно: так должно быть. Орэн делал все правильно.

— Нима, что скажешь мне ты? — отстраненно спросил Орэн, будто заранее зная ответ.

— Я говорю тебе «да», маг, но ставлю условие, — сказала мать неожиданно жестко. — Марами и Энаким должны будут проводить дома не меньше месяца в году.

— Пока я буду отвечать за них, я могу это обещать, — легко сказал Орэн.

— Да будет так, — кивнула Нима.

— А теперь не покажете ли вы мне, хозяева, где я могу поспать перед дорогой. Завтра на рассвете мы уезжаем.

Казалось, последняя фраза мага произвело больший эффект, чем все предыдущие новости. Братья, до того сидевшие просто с открытыми ртами, теперь беззвучно хватали ртом воздух. Папа пересадил меня на одно колено, а на другое посадил Кима и крепко сжал нас в объятиях.

Мама тяжело поднялась со стула и пригласила мага следовать за собой. Как только Орэн исчез из комнаты, к объятиям отца присоединились еще четыре пары рук. Никто не спрашивал, как нас угораздило влипнуть во все это. Мои братья просто старались на несколько мгновений дольше удержать маленьких близняшек в своих объятиях.

— Энаким, — зашептал отец, — Марами теперь на твоём попечении.

— Да, и если хоть волос упадет с ее головы, — угрожающе продолжил Элдай.

— Одним словом, — сказал Карим, — ты в ответе...

— За честь и здоровье сестры, — подытожил Тэйро.

Бьерн просто крепко поцеловал меня в макушку и потрепал по голове Кима. «Кто там еще за кем будет присматривать?» — подумала я, но вслух ничего не сказала. Через несколько мгновений вернулась мама.

— Я хочу поговорить с Марами... наедине, — сосредоточенно сказала она.

Братья, как по команде, разомкнули объятия и разошлись по своим комнатам. Остались только я, Ким, отец и мама.

— Наедине, — повторила она.

Мы с братом аккуратно поднялись с колен отца. Ким и папа направились за братьями, а я осталась одна посреди обеденного зала.

— Мара, — с болью в голосе сказала мама и распахнула свои объятия. Со слезами на глазах я кинулась в них, как в омут.

— Мамочка, — всхлипнула я, задыхаясь от нахлынувших эмоций. — Я позабочусь о нем, не волнуйся, все с ним будет хорошо, я помогу, только ты не волнуйся, я позабочусь, — продолжала я лепетать, даже сама не понимая, что за бред несусь.

— Я знаю, детка, — нежно погладив меня по голове, проговорила мама. — Я хочу поговорить не о нем, а о тебе.

Я отстранилась от матери и посмотрела в ее мутно-коричневые глаза, наполненные непередаваемой тоской.

— Дочка, тебе тринадцать, и ты покидаешь меня... Чшш! — Мама приложила палец к моим губам. — Покидаешь, — утвердительно сказала она. — Я хочу тебе кое-что отдать. — Мама протянула ко мне руку, в которой находилась простая деревянная шкатулка. — Не пытайся открыть ее, она откроется сама, когда придет ее время.

Я растерянно приняла шкатулку из рук матери и вновь зарылась в складках ее платья.

— Пойдем, девочка моя, надо собраться, — нежно сказала мама. И я послушалась.

Рассвет, как хищная змея, подкрался незаметно. Казалось, только я положила голову на плечо уже спящего Кима, как мама толкает меня в бок и говорит, чтобы я просыпалась.

Плохо помню, как одевалась, как таскала седельные сумки к лошадям, что привел Орэн, как будила Кима. Зато хорошо помню, как прощалась с семьей. Первым меня обнял Тэйро, я глубоко зарылась лицом в его густых волосах. Его тяжелая рука нежно погладила меня по голове.

— Будь осторожна, девочка моя, не верь никому, — зашептал брат. — Все, что есть настоящего у тебя, — это мы и Ким, доверяй ему.

Я крепко прижалась к груди Тэйро и пробормотала слова благодарности.

Карим провел пальцами по моей скуле и просто подмигнул. Я невольно улыбнулась.

Элдай и Бьерн обняли меня так, что затрещали ребра. А мама и папа притянули нас с Кимом к себе и просто сказали:

— Возвращайтесь.

Я ехала на лошади, придерживаемая братом. На другой лошади ехал Орэн, указывая путь из деревни. Мы не обменялись ни словом со вчерашнего вечера. Держать дистанцию было просто. Орэн не пытался заговорить, мы с Кимом не стремились что-либо узнавать. Все условия сделки оговаривала клятва, данная магом.

Деревня осталась за поворотом, когда Орэн повернулся ко мне с братом и на полном серьезе спросил:

— Спать хочется, да?

— Да, — синхронно ответили мы с братом.

— Так спите, — это последнее, что я смогла запомнить, прежде чем мои веки сомкнулись и я провалилась в небытие.

Проснулась я уже на невероятно мягкой кровати. Пуховое одеяло дарило приятное тепло. Вставать совершенно не хотелось. Так хорошо мне давно уже не было, точнее, никогда. Но где Ким? Я огляделась и поняла, что нахожусь в совершенно чужом доме.

Огромная комната. Из широких окон льется свет. В дальнем углу — изысканное трюмо. У стены — платяной шкаф. Высокие потолки вместо чувства свободы дарили ощущение дискомфорта и незащищенности. Брата не было рядом, это тревожило меня, и я, откинув одеяло, слезла с кровати, чтобы оглядеться.

Не заметив ничего, что бы могло таить незримую опасность, я подошла к шкафу и распахнула дверцы. Внутри находилось невероятное множество платьев и костюмов, что самое интересное, моего размера. Я достала первое, что попало под руку, и надела на себя.

Из зеркала на меня смотрела маленькая белобрысенькая девочка в голубом платице с бантиком на макушке. Девочка жестоко содрала бантик с себя и кинула в угол комнаты. Теперь это была я. Глубоко вздохнув, я потянула дверь спальни на себя.

Что приятно удивило, дверь поддалась. Выйдя из комнаты, я оказалась в длинном коридоре. С одной стороны была стена, а с другой — ограждение. Находясь на втором этаже, можно было смотреть вниз, на первый. Я заметила деревянную лестницу и, рассудив, что на первом этаже можно скорее кого-нибудь найти, поспешила вниз.

Все в этом доме было удивительно. Никаких деревянных стен, все из белого камня. На стенах висели в золоченых рамах портреты людей в необычной одежде и такой завораживающей красоты пейзажи, что я готова была рассматривать их днями напролет.

Спустившись вниз, я так и охнула. Все стулья и маленькие табуретки были обиты мягкой тканью. Огромные шкафы заставлены книгами. Окна в человеческий рост были завешаны прозрачной, словно невесомая дымка, тканью. Захотелось подойти и потрогать ее, чтобы удостовериться, правда ли это ткань и какая она на ощупь. Уже подойдя к окну и протянув руку, я замерла. Кто-то учтиво кашлянул за моей спиной.

— Измажешь — сама стирать будешь, — сказал низкий мужской голос.

Невольно вздрогнув, я резко обернулась, да так и застыла с открытым ртом. В нескольких метрах от меня стоял мужчина с рыжими волосами до плеч и гладко выбритым лицом. Зеленый костюм облегал фигуру, делая его плечи еще более широкими на фоне узкой талии. На вид — лет сорок, но точно сказать я не могла, ведь это был не человек, а... гном. Бритый, дорого одетый гном! На полголовы ниже меня!

— Чего вылупилась? — Гном недовольно фыркнул и подошел ко мне.

Что-то промычав, я попятилась к окну.

— Немая? — сочувственно вздохнул мужчина.

— Нет, — густо краснея, сказала я.

— Жаль, — лукаво сощурился нежно-голубые глаза, ответил гном и протянул мне руку. — Элфиральд дэр Альвэ.

— Марами Аррели, — буркнула я, неловко пожимая широкую ладонь гнома.

— Интересное имя для человека, — как-то рассеянно сказал Элфиральд, но тут же открыто улыбнулся и вновь заговорил: — Я уж думал, вы с братом в спячку впали. Это же надо: два дня проспать!

— Два дня, — эхом повторила я. — А Ким где?

— О, твой брат еще спит, но думаю, будить его не следует, из магического сна нужно выходить самому.

Магический сон... Память услужливо подкинула мне эпизод с Орэном в главной роли, где мы с братом выступали в качестве послушных овец. На душе стало как-то нехорошо. Для чего нужно было нас усыплять? И где мы сейчас? Если первый вопрос лучше было задать конкретно учителю, то на второй, наверное, мог ответить и гном.

— Где я?

— Эдэльвайс, столица королевства Ирэми, — просто сказал он. — Наследственный особняк семьи Канэри, если быть более точным.

— Эдэльвайс?! — теряя голос, взвизгнула я.

Гном утвердительно качнул головой и вновь улыбнулся.

— Не может быть, — немного придя в себя, изрекла я.

— Почему? — искренне удивился Элфиральд.

— Потому что, уважаемый Элфиральд, от нашей пограничной деревни до Каргена — два дня пути, а уж до Эдэльвайса — недели две, никак не меньше!

— Часто ездила? — иронично изрек рыжий гном.

Вновь краснея, я отрицательно качнула головой.

— Да не волнуйся так. Орэн скоро вернется, все объяснит. А пока давай пообедаем.

Есть и правда хотелось. Если верить гному, то проспала я два дня, а во сне, как известно, не едят. Я коротко кивнула.

— Ну вот и отлично. Следуй за мной. Кстати, можешь называть меня Элфи, не люблю длинных имен.

— А меня все Марой зовут, — как-то растерянно пробормотала я.

— Как скажешь, Эм, — задорно подмигнув, Элфи повернулся ко мне спиной и быстро зашагал к выходу из комнаты.

«Эм»! Ну надо же! Не любит он длинных имен! Четыре буквы сложно выговорить.

Огромная столовая была декорирована в темно-синих тонах. Посередине находился большой круглый стол с белоснежной скатертью, сервированный на двух персон. Сев на предложенный стул, я с грустью заметила, что в этом голубом платье буквально сливаюсь с мебелью. Элфи проследил за моим взглядом и понимающе хмыкнул.

— Орэн будет обучать вас двоих магии, а мне, похоже, придется заняться более необходимыми вещами. Например, такими, как развитие вкуса, умение правильно одеваться и вести себя в обществе.

— Это вообще не мое платье, — обиженно буркнула я.

— Платье отличное, но вот носить его ты не умеешь, потому и сливаешься с обивкой стула, — не обращая внимания на мой тон, сказал гном.

Я решила не отвечать на открытую грубость (все-таки не дома) и просто потянулась к накрытой серебряной крышкой супнице. И тут же получила по рукам.

— За что? — обиженно засопела я.

— За то, — содержательно ответил гном.

Помолчав еще какое-то время, он начал разговор первым.

— Межрасовая академия, Эм, — это не то место, где можно вести себя так, как вы с братом привыкли. Простые люди там не обучаются, равно как и нелюди. У нас есть время подготовить вас к поступлению, ведь в академию не берут в столь юном возрасте. И я прошу тебя, Эм: раз уж вы решили туда поступить, то постарайся научиться вести себя так, чтобы

ни один из студентов в будущем не заподозрил в тебе деревенщину. Сама потом спасибо скажешь.

Никогда в жизни я не чувствовала себя столь униженно. «Деревенщина»! Не думала я, что когда-нибудь устыжусь своего происхождения. Защищало глаза.

Большая мужская ладонь неожиданно легла мне на плечо.

— Ну, девочка, спрячь слезы, все не так страшно, как кажется. Даже приятно. — Элфи тепло улыбнулся, и я поняла, что у меня появился новый друг. С одной стороны, гном оскорбил меня, а с другой — где-то в глубине души я осознавала, что действительно однажды скажу ему огромное спасибо.

Обед проходил под содержательные комментарии гнома о том, как следует есть, пить, сидеть, резать мясо. Какой вилкой нужно есть салат, какой — рыбу, которую мне, кстати, нельзя, а какой — мясо. Куда смотреть, когда жуешь, как открывать рот и как держать его закрытым, пока еда не проглочена. Новость о том, что у нас дома была всего одна вилка, да и та хранилась, как сувенир, шокировала рыжего демона этикета. Он как-то плотоядно облизнулся и сказал, что на ближайшие лет пять обеспечен интересной работенкой. Одним словом, по окончании сего действия, больше напоминающего не обед, а пытку, я поняла, что снова хочу спать. Но не тут-то было! Заставив меня промокнуть губы салфеткой из белоснежной ткани, гном как-то нехорошо уставился на мои руки.

— Милая, а мыло у вас дома тоже считается сувенирной продукцией?

— Что? — не поняла я.

Мыло каждая семья варила для себя. Им стирали одежду, ну и брали с собой в баню. Так как процесс его приготовления был весьма трудоемким, то разбрасываться этим продуктом было не принято.

— Не важно. Вставай и следуй за мной.

Гном повел меня на второй этаж. Я уже было обрадовалась, что наконец-то он отстанет от меня и сейчас просто решил проводить до моей комнаты, но нет. Элфи важно прошел мимо нее. Я с сожалением покосилась в сторону спальни, но промолчала. В конце длинного коридора Элфи остановился и открыл крайнюю дверь.

— Это ванная комната для тебя и брата, — просто сказал гном.

Комната не уступала по размерам той, в которой я проснулась, только в центре находился огромных размеров белоснежный чан (как оказалось, ванна). Все стены были из серого гладкого камня, рядом с большим окном стояло высокое зеркало. На бесчисленных полочках расположились красивые скляночки с непонятным содержимым. Пушистые полотенца были уложены аккуратными стопками.

— Дом Канэри — один из богатейших домов Эдэльвайса, потому у нас есть канализационная система, — с гордостью изрек Элфи.

— Чего у вас есть? — растерянно переспросила я.

— Сейчас увидишь. — Гном подошел к ванне и крутанул один из крестообразных кранов. Из длинной трубки, висящей над чаном, потекла вода. — Температура воды регулируется вот так. — Элфи крутанул второй крестик. — Иди попробуй.

Я послушно подошла и потрогала воду, покрутила краники. Принцип действия механизма был прост и в то же время удивителен. Пока я восторженно рассматривала это чудо, Элфи уже сыпал в ванну какие-то смеси. Вода начала пениться и поменяла цвет на светло-розовый.

— Как наполнится, закроешь краны, разденешься и залезешь, после позовешь меня, я

пока подожду за дверью, — сказал гном и вышел из ванной. Вода быстро наполняла чан, а мыльная шапка на поверхности разрасталась. Решив не злить лишний раз странного рыжего гномика, я послушно выполнила все, что было сказано.

— Я все, — крикнула я, удобно устраиваясь в воде так, что была видна только одна моя голова.

— Хоть ты и человек, Эм, — начал гном прямо с порога, — но и ты сможешь выглядеть не хуже эльфийки или вампирши, не уступая им в красоте. Главное — это уход, — наставительно произнес гном, а я покраснела. — Не смущайся. Сейчас для тебя, в силу возраста, то, о чем я говорю, не имеет значения. Но с поступлением в академию многое изменится. Ты должна знать, что простолюдины не допускаются к обучению. Как я уже сказал, моя задача — вылепить из тебя с братом цвет аристократии Ирэми, остальное — дело Орэна. Так что приступим. Сейчас я тебе помогу, но впредь будешь делать все это сама. Ежедневно.

— Элфи, ты чего, считаешь, что я помыться сама не могу?

Хорош гусь, думает, самый умный, что ли?

— Полагаю, что не можешь, — ответил гном и велел мне с головой нырнуть под воду. «Утопит еще», — мелькнула мысль, но я подчинилась.

С этого момента начался кошмар. Большие грубые руки втирали мне в волосы какие-то мази, гном призывал меня запоминать все то, что использует. Хотя, на мой взгляд, это было просто за гранью реального. Мази, наносимые на мои волосы, пахли то цветами, то, откровенно говоря, дерьмом каким-то. Но ничто долго не задерживалось и через несколько минут смывалось теплой водой. Потом Элфи поставил стульчик рядом с ванной, сел на него и положил к себе на колени маленькую сумочку с какими-то небольшими напильниками.

— Давай руку.

Я испуганно уставилась на гнома, но руки не дала. Элфи надрывисто хрюкнул, сдерживая смешок, а потом снова заговорил.

— Давай, не бойся, больно не будет. Зато на человека станешь похожа, — пробубнил этот рыжий кошмар.

Больно и правда не было, но и приятного было мало. От звука спиливаемых ногтей мурашки стройными рядами бежали по телу. Так, палец за пальцем Элфи обрабатывал мои руки, потом велел вытащить из воды ноги, и все повторилось. Это был самый жуткий помывочный день в моей жизни! А гном еще хочет, чтобы я все это каждый раз повторяла!

— Сейчас я выйду, ты ополаскивайся, а после вотрешь вот это в тело.

Элфи поставил пузатую склянку на свой стульчик.

— Надевай халат и выходи, продолжим у тебя в комнате.

От этого «продолжим в комнате» стало как-то совсем нехорошо, но на побег не было ни сил, ни желания.

Выйдя из ванной в пушистом халате, которым я могла обернуться два раза, я наткнулась на невозмутимый взгляд голубых глаз.

— С легким паром, — гаденько улыбаясь, сказал гном. Рядом с ним стояла девушка в черном платье с белым передником.

— Лисса, — сказал гном, обращаясь к ней, — это племянница господина Канэри, о которой я тебе говорил. Эсса Марамы, — впервые гном назвал меня полным именем, — Лисса будет твоей личной горничной с завтрашнего дня.

Я коротко кивнула, скрыв озадаченный взгляд под пушистыми ресницами.

— Ступай, Лисса, я проинструктирую тебя позднее.

Девушка поспешно поклонилась и потрусилась в сторону лестницы, ведущей на первый этаж. Как только она скрылась из поля видимости, я не выдержала.

— Какая такая племянница? — зашипела я.

— Такая, — неохотно начал гном. — Орэн приедет, сам все объяснит, а нам еще с тобой гардероб надо осваивать. Идем.

Через долгих мучительных два часа меня наконец-то оставили в покое. Я сидела на непривычно большой кровати и отрешенно разглядывала себя в зеркало. То, что намудрил гном, было красиво, но ощущала я себя гадко. Будто не я это, а незнакомка какая-то задумчиво смотрит на меня из зеркала. Не знаю, сколько я так просидела, но голод решительно напомнил о том, что пора бы и покушать.

Неохотно поднявшись на ноги, я вышла из комнаты. Первое, что бросилось мне в глаза, так это Ким, вяло идущий за Элфи в сторону пыточной комнаты. Я даже не успела его окрикнуть, как дверь за ними захлопнулась.

О том, чтобы поужинать, речи уже не шло, я решила подождать, когда рыжий мучитель закончит с братом, и тогда уже пойти поесть. Ждать пришлось долго, к тому времени, как до меня донеслись шаги, за окном уже опустились сумерки. Я решительно поднялась и почти бегом направилась к двери. Должна сказать, что успела я как раз вовремя. Еще немного — и гном увел бы брата в неизвестном направлении.

— Ким, — окликнула я его.

Ким, так же как и я несколько часов назад, был укутан в банный халат и шлепал по коридору в пушистых тапочках. Услышав мой голос, он резко остановился и круто обернулся в мою сторону. На его лице читалось облегчение. Должно быть, такое же выражение было и у меня. Не дожидаясь, когда Элфиральд затащит брата «осваивать гардероб», я со всей возможной скоростью побежала к нему. Мы крепко сжали друг друга в объятиях, и это прикосновение к родному человеку было словно глоток свежего воздуха.

Ким неохотно отстранился и оценивающе оглядел меня.

— Я смотрю, он, — на этом слове брат выразительно скосил глаза в сторону Элфи, — до тебя добрался раньше.

— Сама пожалела, что из комнаты вышла, — улыбнулась я.

— Между прочим, я все еще тут, — обиженно сказал гном.

Мне тут же стало неловко за наши с Кимом слова, ведь Элфи действительно старается.

— Прости, Элфи, Ким выглядит потрясающе, и все это — благодаря тебе, — попыталась извиниться я.

— Да, Элфи, извини. И спасибо тебе. Даже такая, как Мара, преобразилась, — ухмыльнулся брат.

Если бы Элфи знал, к чему приведут последние слова брата, то схватил бы его за шиворот и оттащил подальше от меня. Но он не знал.

Я подняла ногу и что было силы опустила пятку на носок брата. У меня как-то совсем вылетело из головы, что гном выдал мне туфельки на каблучке. Ким взвыл и дернул меня за косу. Тут уже взвыла я. Все закончилось бы, как обычно, нашей свалкой на полу, если бы не вмешался Элфиральд. Гном просто схватил нас за шиворот и развел руки. Сопротивляться желания не возникло.

— Еще раз устройте нечто подобное — и вместо ванны, мягкой постели и ужина будет глухая комната без окон и крынка воды на весь день. — В его голосе звучала сталь, и

становилось понятно, что он не шутит. — Все ясно?

Мы с братом коротко кивнули.

— Ну вот и ладушки. Эм, ты идешь вниз и ждешь нас в красной гостиной, мы с Кимом спустимся через пятнадцать минут. Ты меня поняла?

— Да. А где красная гостиная? — как-то растерянно, все еще удерживаемая гномом, спросила я.

— Иди на шум, — коротко сказал он и разжал пальцы, отпуская воротник моего платья.

Кивнув, я решила не испытывать терпения рыжего беса, переключившего свое внимание на Кима, и поспешила к лестнице. Из глубины дома и впрямь доносились какие-то звуки. Музыка. Кто-то играл замысловатую мелодию, и даже если бы гном направил меня в другой конец дома, я все равно не удержалась бы и последовала на звуки, что наполняли тишину. Пройдя вдоль нескольких галерей и сквозных комнат, я буквально уткнулась в большую дубовую дверь. Потянула ее на себя и застыла на пороге. В приятном полумраке гостиной на небольшом стуле сидел Орэн, а его пальцы порхали по белым и черным клавишам неизвестного мне инструмента. Здесь музыка отражалась от стен и заполняла собой все пространство. Видимо услышав, как распахнулась дверь, Орэн опустил руки и повернулся в мою сторону.

— Мара. — Маг приветливо улыбнулся, как делают это заботливые дедушки, видя любимых внуков. — Как самочувствие?

— Ну, как вам сказать. В общем-то нормально.

— Вижу, Элфиральд уже с тобой повстречался? — Улыбка мага стала шире.

— О да. И даже сказал, что теперь мы будем видеться регулярно. — Я устало вздохнула. — Сейчас он расправится с Кимом, и они к нам присоединятся.

— Ясно, — хмыкнул маг.

— Скажите, учитель, зачем все это? — Я выразительно посмотрела на свое новое платье.

— Тебе не нравится? — Орэн вопросительно изогнул седую бровь.

— Нет, то есть да, — запуталась в словах я. — Конечно нравится! Просто я не понимаю.

— Чего?

— Не понимаю, почему нам делают такие подарки? Для чего?

— Ах, Мара, вот уж не думал, что такой вопрос озаботит тебя. Но ты права. Ничто не дается нам просто так.

— Что вы имеете в виду, учитель? — От нехорошего предчувствия стало больно дышать.

— Мара, ты правда думаешь, что я взял вас с братом в ученики потому, что у вас глаза красивые?

То, что говорил Орэн, было мне непонятно, но перебивать его я не решилась.

— Я один из ведущих магов королевства и принадлежу к известному дворянскому роду. Как ты считаешь, легко ли попасть ко мне в ученики?

— Думаю, нет, не легко.

— Правильно думаешь. Я не брал учеников очень давно... И представь себе мое удивление, когда я увидел вас. Двое грязных, нечесаных деревенских ребятишек с таким потенциалом... Слово алмаз в луже нашел. В королевстве давно не рождалось магически сильных детей. Да еще этот запрет на обучение черни... — Орэн тяжело вздохнул. — Одним словом, вы нужны не только мне, вы нужны стране, и пусть королевство запрещает учить детей простолюдинов, но оно не запрещает магам брать в ученики наследников дворянских

кровей.

— Но мы...

— Теперь вы — мои дальние родственники, рано осиротевшие дети двоюродного брата, погибшего на северной границе. Ничто не происходит просто так, и если бы я отвернулся от того, что само пришло мне в руки, неизвестно, к каким последствиям это привело бы в будущем. Что же касается твоего вопроса... Чтобы завершить обучение, придется поступить в академию. А для этого нужно не только иметь магический дар, но и вести себя не как простые смертные. Когда вы вырастаете, то займете весьма достойное положение в обществе, а это труд, так что Элфи в определенном смысле — тоже ваш с Кимом учитель. И то, что ты назвала подарками, на самом деле — инструменты вашего обучения. Помнишь, что я сказал твоей матери, Мара? Ученики для мага ближе, чем родные дети. — Орэн вновь глубоко вздохнул. — Это правда. И я теперь для вас тоже родственник, второй отец, если хочешь.

Я невольно вздрогнула от его последних слов. «Второй отец», как такое может быть?!

— Одним словом, однажды ты сама все поймешь, а теперь, может, пройдем в столовую? Есть хочется.

— Конечно, но я еще кое о чем хотела спросить.

Орэн устало вздохнул, но кивнул, разрешая задать вопрос.

— Зачем вы нас усыпили тогда, за деревней, и почему, проспав всего два дня, мы очнулись уже в Эдэльвайсе, в то время как от Пограничья до столицы — две недели, если не больше, — на одном дыхании выпалила я.

— Ох, какая же ты любопытная, девочка. — Орэн лукаво улыбнулся, но все же ответил: — Я маг, а не обычный путник на лошади.

Улыбка его стала еще шире. Он словно говорил: «Как хочешь, так и думай». Настаивать на другом ответе я не стала.

После этого разговора до меня медленно, но верно стал доходить весь смысл слов мага. Нам многое предстоит пережить вместе, и теперь он и гном — еще одна наша семья.

Мы вошли в столовую, а через какое-то время к нам присоединились Элфи и Ким. Кстати, брат выглядел... Как бы это сказать... С легкой руки гнома Ким превратился в дворянина. Если я чувствовала себя неудобно, примеряя новый образ, то брат выглядел совершенно естественно. Грациозно сев за стол, он продолжал слушать наставления Элфи с хищным блеском в глазах.

— С завтрашнего дня мы начинаем занятия в полную силу, — заговорил Орэн, привлекая всеобщее внимание, как только прислуга занялась сменой блюд. — К уже изучаемым дисциплинам прибавятся новые: основы магического искусства, травоведение, управление энергией. А еще — этикет и ораторское искусство, этим займется Элфи в послеобеденные часы. Два раза в неделю вы будете заниматься танцами, еще два дня — верховая езда. В оставшиеся три дня — обязательные физические тренировки. Прошу, дай мне договорить, Ким. — Орэн поднял руку. — У вас уже немного не тот возраст. В том смысле, что дети начинают готовиться к учебе в академии с того момента, как делают первые шаги, а имеющих у нас с вами в запасе четырех лет непозволительно мало. Я знаю, что у Мары проблемы со здоровьем, — я густо покраснела от последней реплики мага, — поэтому буду жестко контролировать твое состояние, девочка. И прошу не замыкаться в себе, доводя свое тело до полного изнеможения. Говорите со мной о том, что тревожит вас, одним тяжело решать проблемы. Через год вы сможете навестить родных, естественно, если будете справляться с программой, приготовленной для вас. А теперь ступайте отдыхать, завтра

сложный день.

В эту ночь я тихонько пробралась в комнату брата и заснула у него на плече, вымочив рукав его рубахи тихими и оттого еще более горькими слезами. Детство кончилось, оставив лишь призраки воспоминаний о снежных шапках гор; круглом, словно блюде, и гладком северном озере Ома; согревающих даже в самый лютый мороз улыбках братьев; грубых и таких нежных руках отца и всепрощающих объятиях матери. Все это осталось где-то далеко, и мне было страшно от того, что однажды я могу все это забыть.

Первый день занятий был не просто тяжелым, он был выматывающим до полного изнеможения, до потери чувствительности тела. Дообеденная часть тренировок прошла под руководством Орэна. Мы учились правильно дышать, концентрировать внимание, пробуждать силу. Разбирали простейшие травы, решали элементарные математические примеры, занимались орфографией и чтением. После обеда под руководством Элфи учились танцевать, точнее, не оттаптывать друг другу ноги. Гном лишь грустно вздыхал, смотря на наши хореографические потуги, но сдаваться, как оказалось, было не в его правилах. Затем учились правильно приветствовать разные сословия людей и нелюдей, выражать интонацией свои желания, произнося ничего не значащие фразы. Сотни раз произносили глупый набор слов, призванный развивать речь, Элфи называл его скороговоркой. К вечеру больше всего болел язык, отказываясь шевелиться. И конечно же водные процедуры в конце дня. Расслабившись, я едва не уснула в этой ванне, хорошо еще, что нервный стук Кима в дверь вовремя привел меня в чувство.

Так полетели дни. Из всех занятий мне более всего нравилась верховая езда. Прогулки на свежем воздухе давали столь желанный отдых, да и сами лошади притягивали меня к себе и дарили успокоение. Эдэльвайс находился на юге королевства и был портовым городом. Правда, с нашим распорядком дня посмотреть как на город, так и на море можно было лишь во время верховой прогулки. Танцы тоже со временем начали покорять мое сердце, наверное, с тех пор, как Ким перестал топтаться по моим ногам. Что касается тех трех дней, что отводились на физические тренировки, никто не предупредил, что этими тренировками окажутся занятия с мечом. Я не то что поднимала оружие с трудом, даже замахнуться нормально не могла. Зато вот Ким просто нахально балдел, гоняя меня по кругу с ученическим мечом в руках. Правда, вскоре Элфи решил, что сам будет спарринговаться с братом, чтобы я не задерживала профессиональный рост Кима. Мне же были торжественно вручены два трезубца, похожие на гигантские вилки, со словами: «Уж это даже такая рохля, как ты, поднимет». Поспорить было не с чем. К тому же, мне нравилось мое новое оружие. Сразу стало ясно, что оно не только подходит для ближнего боя, но может быть и «метательно-кидательным» снарядом. К тому же упражняться с трезубцами было легко и удобно, работали сразу обе руки и все тело.

Орэн ежедневно поил меня поддерживающим иммунную систему организма коктейлем из редких трав, так что чувствовала я себя отменно. Скучать по дому было некогда, так как не было ни одной свободной минуты. Старик обучал магии и другим разным наукам, а Элфи занимал все остальное наше время. Постепенно чувство усталости сменилось наслаждением, приятной истомой, посещавшей нас с братом в конце дня, и нагрузки стали приносить какое-то нездоровое удовольствие. Точнее, это поначалу оно казалось мне нездоровым, а потом стало тем, без чего я просто не могла уснуть по ночам. Через полгода у Кима произошел прорыв силы, она впервые ему подчинилась. Брат сумел зажечь свечу,

вытолкнув наружу энергию из тела. Я искренне радовалась, видя восторженный блеск в его глазах.

«Наконец-то сбываются твои мечты, Ким», — подумала я и порывисто обняла его. Орэн одобрительно похлопал его по плечу, а затем сказал, что и мне пора бы снизойти и показать, на что я способна. Да я и сама была не против, но дело что-то не шло.

Когда я всерьез забеспокоилась, а не ошибся ли маг с тем, что дар есть у обоих детей, это произошло. Ким уже учился управлять огнем, а я все никак не могла вытолкнуть силу и как сумасшедшая паялилась на свечку. Меня взяло такое зло! Все в душе всколыхнулось, и каждая клеточка словно ожила и начала легко вибрировать. Я в очередной раз кинула взгляд на ненавистную свечку и коротко приказала: «Гори!» Пламя от фитиля взметнулось вверх, едва не опалив мне волосы, и задрожало в воздухе, не опустившись ни на миллиметр.

— Ты сделала это! — радостно закричал брат и кинулся ко мне.

Я едва не рыдала, осознавая, что смогла, все-таки смогла! И казалось, что нет большего счастья, чем ощущать пробудившуюся силу внутри, когда каждая частичка тебя будто поет и дрожит от восторга. Орэн стоял в углу комнаты, наблюдая за нами и медленно поглаживая бороду.

— Запомните это, — сказал он. — Не то, как очнулась от оцепенения сила, а то, как искренне вы радовались друг за друга. Редко судьба дарует нам людей, что могут по-настоящему порадоваться за тебя.

Больше маг ничего не сказал, а я грелась в нежных объятьях брата, который не скрывал счастливой улыбки.

Сезоны сменяли друг друга. Осень давно закончилась, подошла к концу и зима, а затем и первый месяц весны. И однажды, совершая очередную прогулку на Донне (так звали мою белую, точно первый снег, лошадку), я поняла, что через неделю у нас с Кимом день рождения. Мама, папа и братья в этот день готовили подарки и припасали теплые слова. А как все будет здесь, я не знала.

— О чем задумалась, Эм? — вывел из раздумий голос Элфи.

— О дне рождения, — машинально ответила я. И только потом поняла, что не следовало так отвечать на вопрос. Не подумает ли теперь гном, будто я таким образом намекаю, что неплохо было бы устроить нам праздник.

— А что, скоро сие событие?

Отмалчиваться было глупо, поэтому я просто ответила:

— Седьмого числа.

— Ясно.

Больше Элфи ничего не сказал.

В этот день я уже по привычке проснулась с первыми лучами солнца. «Вот бы сегодня были не только изнуряющие тренировки. Так хочется праздника!» — подумала я. Быстро соскочив с кровати, я распахнула огромный шкаф и начала перебирать свои платья. За все время, проведенное в доме Орэна, мне едва ли удалось примерить и поносить хотя бы половину из этого многообразия красок и форм.

Я даже удивилась самой себе, поняв, с каким трепетом рассматриваю свою одежду. Мне впервые захотелось выглядеть красиво. До этого момента я и не понимала, какое влияние оказывает на меня общение с Элфи. Понимание того, что правильно подобранный гардероб может подчеркивать достоинства внешности и скрывать недостатки, как-то совершенно

естественно вошло в мое сознание.

Остановившись на приталенном платье нежно-лавандового цвета и туфельках в тон, заколов волосы спереди и оставив их распущенными сзади, кинув на свое отражение придиричивый взгляд, я поспешила к Киму. Но едва я потянула входную дверь моей комнаты на себя, как едва не схлопотала занесенным над дверью кулаком прямо в лоб.

— С днем рождения! — заорал Ким мне в лицо.

— И тебя с днем рождения, — улыбнулась я и кинулась на шею брату.

Так, держась за руки, мы побежали на наш праздничный завтрак. Войдя в столовую, я заметила, что все уже в сборе и ждут только нас. Орэн приглашающим жестом указал на наши места и, дождавшись, пока мы сядем, поднялся, держа в руке бокал апельсинового сока.

— Мара, Ким, — улыбнувшись каждому из нас, начал маг. — Сегодня — ваш день рождения, и, конечно, я искренне вас поздравляю. У меня даже есть для вас небольшой подарок, но о нем поговорим после завтрака. А пока давайте поедим и отметим ваш праздник, — немного сумбурно пролепетал старый маг и широко улыбнулся.

Следом за Орэном поднялся Элфи и протянул нам с Кимом по маленькой коробочке.

— Это не просто подарки, а еще и очень полезный для вас в будущем атрибут, — хитро прищурив глаза, сказал гном.

— Открывайте же. — Маг ободряюще улыбнулся.

Я поднесла коробочку ближе к лицу и, нажав на специальную кнопку, открыла ее. Внутри, на черной бархатной подушечке, лежал медальон на цепочке из белого металла. Даже не особенно разбираясь в ювелирных украшениях, я все равно могла с уверенностью сказать, что он прекрасен. На лицевой стороне красовался ярко-синий прозрачный камень в виде слезы, заключенный в объятия металла. Дрожащими руками я прикоснулась к слезе, и на мгновение мне показалось, что сияние камня усилилось и вновь пропало.

— Посмотри, что с другой стороны, — почти шепотом сказал Элфи.

Я взяла подвеску в руку и перевернула. Оказалось, что сзади камень был прикрыт металлической пластинкой, на которой было выгравировано: «Марами Аррели Канэри, дочь рода Канэри», под гравировкой с моим новым именем красовался фамильный герб рода, нанесенный тончайшей паутинкой на поверхность металла, — орел, раскинувший крылья. В одной лапе он держал лилию, а в другой — меч.

Я подняла полный недоумения взор на Кима. Брат держал в руках перстень из белого металла с таким же синим камнем и был так же растерян, как и я.

— Это официальный знак того, что вы теперь — члены моей семьи, — тихо заговорил Орэн. — Элфи изготовил эти символы принадлежности к роду специально для вас. Кроме того, что это означает мое признание вас как родственников, эти вещи являются еще и универсальными накопителями энергии.

— В хозяйстве пригодится, одним словом, — сказал Элфиральд. — Я использовал здесь сапфир, причем раньше он был цельным. С его помощью (благодаря Орэну, конечно) вы сможете чувствовать друг друга на любом расстоянии. Ну как, нравится?

Должно быть, мы улыбались, как два идиота, так как даже Элфи не выдержал и начал хихикать в кулак.

— Кстати, Ким. Можешь надеть свой перстень, — сказал маг, заметив, как я поспешно застегиваю цепочку у себя на шее.

— Но, — брат немного покраснел, — он слишком большой...

— А ты надень, попробуй... Такие вещи носят на указательном пальце, кстати.

Ким еще раз растерянно покрутил украшение в руках и послушно надел перстень. Камень, как и мой несколько минут назад, полыхнул, и колечко, словно живое, затянулось вокруг пальца брата.

— Потрясающе, — зашептал Ким.

— Магия, — отмахнулся Орэн. — А теперь давайте уже поедим.

Завтрак оказался действительно праздничным, настроение было превосходным. Да еще десерт... Пожилой слуга Дерек внес в столовую огромный шоколадный торт с двадцатью восьмью маленькими свечками. Поставив его на стол, Дерек коротко поклонился и вышел за дверь.

— Зажжете? — весело подмигнув, спросил Орэн.

Мы коротко кивнули и по очереди зажгли свечи.

Сыто откинувшись на стуле и забыв про все правила этикета, мы с Кимом пребывали в превосходном состоянии духа и тела.

— Как же хорошо, — промурлыкала я.

— Ага, — подтвердил мои слова брат.

— А теперь обсудим и мой подарок, — деловито начал учитель. — Я много думал и решил, что вы достигли неплохих успехов, а значит, пора сдержать данное обещание и отправить вас на каникулы домой. — Орэн еще не успел закончить предложение, как мы с оглушительным воплем бросились его обнимать. — Ну, ну, спокойнее, бегите наверх, вам нужно переодеться.

Дважды повторять нам не требовалось, и уже через пятнадцать минут мы снова были внизу, теперь уже в дорожных костюмах и с сумками наперевес. Весело вбежав в библиотеку, где нас ждал Орэн, мы устали на мага. Старый хитрец, словно не замечая нашего нетерпения, лениво водил пером по бумаге, сидя за широким столом из мореного дерева.

— О, уже собрались, — не отрываясь от своего занятия, спросил маг.

— Да, — одновременно выкрикнули мы.

Тут Орэн поднял на нас с братом лучисто-серые глаза и совсем буднично сказал:

— Спать пора.

— О, нет, — услышала я свой отстраненный шепот, прежде чем сознание полностью меня покинуло.

— Посмотри, как они выросли, Нима, совсем большими стали, — где-то вдалеке слышался до боли знакомый голос отца.

— Да, Мара становится настоящей красавицей, а Ким так возмужал, — подхватила мама.

— Да, маг держит свое слово. Наши дети — в надежных руках. Пойдем, не будем им мешать.

«Нет, нет, нет! — заструилась мысль где-то глубоко в сознании. — Куда вы? Я так скучала, а вы уходите?» Борясь со сном, я в очередной раз попыталась открыть глаза. С трудом, но у меня все-таки получилось.

— Мама, — прошептала я.

Встреча с семьей была теплой и радушной. Мы все собрались за огромным столом, а мама суетилась по хозяйству. Больше всего нас с Кимом удивил новый член семьи, со скоростью, не уступающей материной, расставляющий на столе тарелки с нехитрыми кушаньями. Тайя, дочь старосты нашей деревни, заметно покруглевшая в области талии, как ни в чем не бывало помогала маме по хозяйству. Они смеялись, радуясь нашему возвращению, и порхали по горнице, искусно лавируя между лавками и нашими спинами так, что казалось: не две дородные женщины накрывают на стол, а самые изящные танцовщицы королевства исполняют замысловатый танец.

— Ох, дети, как же здорово, что маг вас отпустил! — смеясь, говорила мама. — А я-то, грешным делом, уж кляла его! Вы уехали, — как-то нервно усмехнулась мать, — а я стою и понять не могу, что случилось. На отца глядь, а он — белее мела, смотрит на горизонт, растерянный, аки дитя малое! Уж ругала я старика-мага, ругала! Думала: «Увел колдун деточек моих, задурил нам головы — и увел!» Сколько слез с отцом пролили, сколько ночей прорыдали... — не унималась мать.

— Ну будет тебе, Нима! Ты лучше о письме расскажи, — басовито заявил отец.

— Ах, о письме, конечно, — защебетала окончательно сконфуженная мать. — Так мы месяц и провели, в истериках и слезах, а с первым снегом волшебный голубок прилетел с письмом. Читать-то письменные буквы даже отец не может, но вот Рэйна, травница, умеет, мы к ней и пошли. А там полный отчет изложен, что да как у вас, чем занимаетесь, чему учитесь. Маг все очень хорошо написал, сказал, что слово свое сдержит и чтобы мы не волновались, — шумно выдохнула мать. — С тех пор каждый месяц по письму получаем, так что тревожиться за вас меньше стали. Слава богине, что все у моих детей хорошо складывается!!! — всплеснув руками, Нима плюхнулась на лавку рядом с Леонидом. — Да, вот и Карим наш этой зимой женился, — продолжая свой рассказ, мама указала пальцем на Тайю. — По весне им отдельную пристройку сделаем, а к лету у вас племянник народиться должен, — довольно улыбнулась мать.

Тайя, присаживаясь рядом с нашим старшим братом, густо покраснела и улыбнулась нам. Девушка до странного напоминала нашу мать. Такая же шустрая, подвижная, без дела сидеть не станет, видно сразу. Густые каштановые волосы, заплетенные в тугую косу, смуглое лицо с румянцем во всю щеку, большие карие глаза и пышная фигура, скрытая под темно-синим сарафаном. Девушка буквально лучилась здоровьем и энергией. Мне она понравилась сразу, почему-то в душе появилась стойкая уверенность, что с такой женой Карим не

пропадет. Да и маме все полегче будет. Поэтому, не раздумывая, я ответила Тайе самой благожелательной улыбкой. Ким машинально повторил за мной.

— Это хорошо, что теперь у меня есть сестра, — все еще улыбаясь, просто сказала я.

— И у меня, кстати, тоже, — пихнул меня Ким в бок.

— О, ну конечно же, как же без тебя, надо же везде влезть... — заерепенилась я, начиная нашу обычную перепалку.

А тем временем Элдай наклонился к Бьерну и тихонько хмыкнул:

— Ну, хоть в этом ничего не изменилось.

— Да уж, если бы двойняшки перестали бухтеть друг на друга, как старые склочницы, я бы действительно забеспокоился, — щербато улыбнулся Бьерн.

Середина весны для Пограничья — это средне-суровая зима для остального королевства или аномальный мороз для Эдэльвайса. Свирепые метели только-только сменились ясной, безветренной погодой, и тусклое солнце начинало скромно пригревать землю. Но и это небольшое потепление воспринималось как праздник. Будто бы новое, теплое, дарующее жизнь дыхание природы касается каждого уголка Пограничья. Снежные вершины гор сияют на фоне голубого неба так, что больно глазам. Только огромное озеро северных гор не спешит открывать своих объятий весне, крепко прячась от нее под ледяным одеялом, сковавшим берега, и лишь к середине лета можно будет увидеть его темные воды.

Выйдя на крыльцо нашей избы, я с удовольствием вдохнула полной грудью морозный воздух. Как же я соскучилась по снежному царству Пограничья, устав от непрекращающегося зноя Эдэльвайса, разбавленного лишь такими же непрекращающимися проливными дождями вместо зимней стужи! Пряный аромат юга притягивал лишь первые месяцы, а потом начинал раздражать, как приторные духи теряющей молодость кокетки. Все-таки север есть север, и каждый житель Пограничья, громко кляня мороз и стужу, в глубине души не мыслит себя без суровой зимы и студеного ветра. Это становится частью характера. Суровость и непреклонность — вот главная черта тех, кто родился в снежных объятиях Соколиных гор и озера Ома. И понимаешь это лишь тогда, когда надолго лишаешься возможности быть здесь.

Я была счастлива вновь вернуться домой. Мне хотелось пройтись по округе, осмотреть каждую улочку, каждый закуток. Заметить, что изменилось за время нашего отсутствия, а что осталось прежним. Подняться в горы и посмотреть на деревню с высоты птичьего полета, чтобы просто запомнить.

Сбежав по ступенькам, я направилась к тропе, ведущей в горы, к пещерам Благости (так назывались укрытия, где можно было спрятаться в случае нападения). Тропку всегда поддерживали в хорошем состоянии, ведь королевские войска из Каргена в случае атаки в лучшем случае поспевали к тому моменту, когда спасти было уже нечего, но дальше дикие орды нападающих не пропускали.

Чем ближе я подходила к намеченному маршруту, тем сильнее меня тянуло в горы. И вскоре, не разбирая дороги, я неслась по направлению к тропе. Кровь стучала в висках, дыхание сбилось, тесемочки, на которых держалась моя шапка, развязались, и теперь она постоянно съезжала мне на глаза. Когда я, не сбавляя темпа, начала восхождение, в боку нестерпимо закололо, а мышцы налились свинцовой тяжестью. В голове слышались слова, адресованные мне. Детский тонкий голосок все время повторял: «Мама, мама, я здесь, мама. Помоги мне, мама!» Не знаю даже, как назвать свое состояние в тот момент. Я была просто одержима маниакальной идеей, что надо идти и найти малыша во что бы то ни стало! Я

понимала, что на самом деле сейчас тихое ясное утро, никто не плачет и не молит о помощи, но внутри все буквально кричало об обратном. Я уже не бежала вверх, а, скорее, пробиралась на четвереньках, цепляясь руками за едва пробивавшиеся сквозь снег корешки растений, чтобы не упасть и не съехать вниз. Тропка была давно уже в стороне, и я двигалась в совершенно другом направлении, ведомая неясными мыслями и мольбами.

Неожиданно склон, по которому я карабкалась, оборвался, а за ним показалась глубокая впадина. Перевесив голову и посмотрев вниз, я затаила дыхание. На самом дне впадины лежало странное существо. Таких я еще никогда не видела. То, что это был детеныш, я почему-то поняла сразу. Тело в неестественной позе распласталось на самом дне. Голова существа была похожа на кошачью, только с более вытянутыми мощными челюстями, как у льва, все тело покрывала густая белая шерсть. Но больше всего взгляд притягивали изломанные массивные крылья в серую крапинку. Размером малыш был примерно с болотного кота, и на первый взгляд весило это чудо килограммов двадцать — двадцать пять.

Услышав мой судорожный вздох, существо зашевелилось и подняло голову. Ярко-желтые, с вертикальными зрачками глаза встретились с моими, и тут же чужая мысль пронзила сознание. «Мама?» — почти отчаянно прошелестел детский голос.

— Сейчас, сейчас, маленький, — скорее для себя зашептала я. — Я помогу, не бойся, я помогу.

Как я собиралась помочь малышу, даже сама не представляла. С Орэном мы только начинали проходить «левитацию в быту». Я могла поднять лишь небольшие предметы и переместить их на малые расстояния. Как я собиралась вытащить «малыша» со дна ущелья, оставалось загадкой даже для меня. И вдвойне загадкой, как собиралась дотащить его до дома. Но размышлять над этим сейчас было совсем не время. То, что этот белоснежный крылатый кот умирал, было очевидно.

Успокоив дыхание, я посмотрела вглубь себя, как учил Орэн. Знакомое тепло силы, будто обрадовавшись мне, всколыхнулось внизу живота и маленькими лучиками начало распространяться по телу. Стало легко и хорошо, мир приобрел краски, и даже с закрытыми глазами я видела все его очертания. Первым правилом магии было умение управлять своими мыслями, так как от точности концентрируемой энергии зависел конечный результат. «Направить необходимый поток, удержать его определенное время и дать сработать сформированной мысли», — так писали в учебниках. На деле же это было куда сложнее: тот, кто колдовал, должен был уметь думать обо всем и ни о чем одновременно, оценивая все изменения в энергетических потоках и слоях, выпуская на волю свою силу и при этом умело руководя ей. Это было мастерство, которое мы с братом только начинали осваивать и которое мне давалось необычайно тяжело. Все эти расчеты и точность направленности, учет векторов отдачи, моментальный просчет затрачиваемой энергии по формулам, уже, к счастью, вызубренным наизусть, правильный толчок мысли, естественность вплетения силы в окружающий мир, чтобы, упаси боги, не задеть ни одну ниточку мироздания... Брр!

Сконцентрировавшись на существе, что находилось на дне ущелья, на его образе, мыслях, я представила, как энергия из центра живота теплым потоком бежит по телу, как золотые лучи, сконцентрировавшись в ладонях, выходят из моих пальцев тонкими нитями и оплетают тело крылатого кота. Я распахнула глаза, медленно перестраивая зрение так, чтобы видеть потоки энергий, испещряющие наш мир. Посмотрела вниз и тут же столкнулась взглядом с парой янтарно-желтых кошачьих глаз.

Магическим зрением смотреть на существо было больно до рези в глазах. Его шерсть

сияла ослепительной белизной исходящей энергии, желтые глаза будто бы заглядывали в душу, пронизывая тебя насквозь. Ощущения не из приятных, но раз уж начала, останавливаться нельзя.

Я потянула нити силы обратно к себе, чуть не упала вниз, напрямик к тому, кого так рьяно взялась спасать, перевела дыхание и снова поднатужилась. Теперь я поняла, что значит выражение: «Чуть не родила...» Со дна ущелья раздался приглушенный рык, как только удалось оторвать «кота» от земли и понемногу начать тянуть его наверх.

Моя проблема, как говорил Орэн, была в том, что я примеряю стереотипы на энергию, которой это безразлично. Если я знала: то, что я пытаюсь сделать магией, тяжело сделать физически, то и потуги мои были соответствующими. Но, как бы там ни было, ничего с собой поделывать не могла.

Кошак время от времени порывкивал, постанывал, я обливалась семью потоками, но продолжала тянуть. Как говорится, медленно, но верно. Не знаю, сколько времени прошло, но руки и ноги уже тряслись от напряжения, и стало страшно. Вдруг не удержу? На это откровение мой внутренний голос прямо высказался всего двумя фразами: «Заткнись, Мара! Тяни и не болтай!»

Вскоре у моих ног показалась голова котенка. У меня все-таки получилось! Как можно бережнее опустив это странное создание на рыхлый снег, я села рядом на колени. В голове даже мысли не было, что эта огромная кошка, даже израненная, может без особого труда меня хорошенько покалечить.

— Ох ты, бедненький, как же тебя так, — причитала я, водя рукой над телом животного, просматривая его энергетический фон и характер повреждений. Пока что я не была сильна в целительстве, да и с анатомией животных знакома весьма поверхностно, но сейчас меня интересовало не это, а то, целы ли кости, нет ли кровотечения. Это я могла с легкостью прочесть по ауре и энергетической целостности организма.

Осмотр ввел меня в ступор. Тело детеныша было абсолютно невредимым, вот только крылья были сильно повреждены. Множественные переломы со смещением говорили о том, что зверь больше никогда не сможет летать. Так стало жаль это создание, что непрошенная слеза быстрым ручейком скатилась по щеке и упала напрямик на изломанное крыло кота. Детеныш дернулся, как если бы его тело свело судорогой, из едва приоткрытой пасти вырвался рык, больше напоминающий вой, тело начало трясти, крылья беспорядочно болтались по земле. Я кинулась всем телом на него, но получила увесистый удар передней лапой, поскользнулась на пологом склоне и кубарем покатила вниз. Последнее, что почувствовала, — это сильнейшая боль в затылке. Темнота накрыла, словно ватным одеялом, и я провалилась в пустоту.

«Да что же это такое! Уже поспать нормально нельзя! Чем этот идиот решил меня вымазать? Фу, какая гадость! Теплая слизь какая-то, да еще и вонючая, бе-э-э», — мысленно скривилась я, приходя в себя.

— Ким, я сейчас дам тебе в пятак, клянусь. Отвали... — прохрипела я.

«Я не Ким», — прошелестел у меня в голове спокойный голос.

Я судорожно распахнула глаза и оказалась нос к носу с белой крылатой кошкой. Два янтарных глаза смотрели, казалось, прямо в душу, проникали в сердце. Невыносимый взгляд. Хотела было дернуться, но острая боль в затылке привела в чувство и позволила вспомнить, что только недавно произошло. Сказать, что я была растеряна, — это ничего не сказать. Я

была поражена. Разговаривающий гигантский кошак-переросток!!!

«Сама ты кошак-переросток, а я маленький еще!» — насупился кот и слюняво лизнул меня в губы.

— Фу-у-у! — не выдержала я. — Ну и вонючий же ты, братец, — рассмеялась я, утираясь рукавом своей дубленки. И тут меня будто молнией ударило. Я разговариваю с котом... крылатым! Непроизвольно моя ладонь накрыла губы, а глаза ошарашенно округлились.

«Я не кот», — кратко заметили у меня в голове.

— А... кто? — прошептала я, опуская руку.

«Дэйург, так нас называют люди».

Не знаю, как долго я вот так сидела, с круглыми глазами, пялясь на застывшее изваянием животное передо мной. Но все же мне удалось совладать с собой и произнести первое, что пришло в голову.

— А имя у тебя есть? — как-то растерянно спросила я.

Видно было, что дэйург немного смутился от такого вопроса (во всяком случае, я расценила это так), наклонил голову на бок и начал пристально меня разглядывать.

«Да... — как-то отрешенно раздалось у меня в голове. — Я скажу тебе свое имя, но ты никогда и никому не откроешь его. Клянись, человек».

Так же отстраненно, не в силах оторвать свой взгляд от «мальша», я прошептала: Клянусь.

«Каа'Лим».

Когда прозвучало имя зверя, мне показалось, что голова вот-вот лопнет от все нарастающей боли, такой эффект оказало на меня его звучание. Обхватив руками виски, я начала заваливаться набок, понимая, что еще чуть-чуть — и потеряю сознание. И вдруг все прекратилось, боль ушла, и я наконец-то смогла сделать глубокий вдох.

— Ч-что это было?

Неужели это сипение — мой голос?

«Ты выжила, человек?»

Ну ничего себе заявочка! Вот и спасай после такого всяких бродячих кошек!

«Значит, теперь я буду с тобой, такова моя судьба», — как-то глухо отозвался Каа'Лим.

— Э нет, дружочек. — Я, как могла, старалась выровнять сбившееся дыхание и постараться игнорировать тон, с которым говорило это существо, больше подходящий для такого старца, как Орэн. — Мы сейчас найдем твою мать, и ты будешь жить с ней долго и счастливо, ну что-то типа того... — немного смутилась я.

«Ты не хочешь обладать мной?» — как-то растерянно пронеслось у меня в голове.

— Зачем? — искренне удивилась я.

«Ты чиста, человек, и я отправлюсь с тобой, куда бы ты ни пошла».

— Вот уж дудки! Что я родителям скажу или Орэну, когда они увидят тебя?

«Что я твой хранитель, и больше ничего». Это звучало настолько уверенно, что, не найдясь с ответом, я глубоко выдохнула и просто замолчала.

— Как твои крылья, Каа'Лим?

Мне показалось или зверь немного поморщился от этого вопроса? Должно быть, травмы действительно серьезные, раз такая реакция.

«Не произноси мое имя вслух, человек, — рыкнуло в голове. — Ты поклялась».

— Прости, — неизвестно за что извинилась я. — Если ты не хочешь, я больше никогда

не произнесу твоего имени вслух. Так как твои крылья? И вообще, что тут произошло?

В голове вновь зазвучал детский непосредственный голосок, что немало озадачило меня.

«Я упал в пропасть, разумеется, не без посторонней помощи. Но ты еще маленькая, чтобы рассказывать тебе о подробностях моего падения. А что касается крыльев... Ты ведь наверняка знаешь, что у кошки девять жизней».

Это что, Каа'Лим сейчас пошутил?!

«Спасибо тебе, человек», — как-то задумчиво произнес дэйург у меня в голове.

— Меня зовут Мара, и ты можешь говорить мое имя тому, кому считаешь нужным. — Я постаралась улыбнуться как можно более доброжелательно, надеясь, что это животное может распознать человеческую мимику.

«Мар-р-ра», — повторил Каа'Лим, будто смакуя «р» у себя на языке.

— И что же мне с тобой делать, юный дэйург?

«Ну, для закрепления дружбы можешь меня покормить», — невинно раздалось у меня в голове.

Я подумала, что у киски, должно быть, легкое раздвоение личности, но вслух огорчать его не стала.

Когда мы отправились в обратный путь, солнце уже заходило за горизонт. Меня не было дома целый день, представляю, какой прием меня ожидает... Да еще и заявлюсь в компании неизвестно кого! Не мышонка, не лягушки, а неведомой зверюшки!

«Сама ты неведома зверюшка», — лукаво прищутив глаза, пробормотал Каа'Лим.

— А подслушивать чужие мысли нехорошо, — погрозив пальцем, решила навести порядок я.

«Да ну?» — притворно удивился неблагодарный спасенный.

Что тут скажешь? Оставалось только глубоко вздохнуть и семенить дальше к дому. Когда показались знакомые ворота, я неожиданно поняла, как устала. Великая богиня, помоги дойти до дома, а там пусть хоть кричат, хоть лупят. Все равно.

Распахнув калитку, я попыталась пройти к дому. Но только попыталась... Меня бесцеремонно отпихнули от входа, и гигантская кошка величаво прошествовала во двор.

«Что уставилась? Заходить будешь или на улице на ночь останешься?»

— Ну ты и язва, — прошипела я, проходя следом.

Отворив входную дверь, я предусмотрительно подвинулась к стеночке, пропуская своего дэйурга, нагло прошествовавшего в сени.

Видимо, услышав скрип двери, ко мне навстречу вывалилась мама, следом Ким, потом отец, затем Бьерн, Карим, Тайя, Элдай. Тэйро, может, тоже рад бы был просочиться в эту кучу-малу, да непоколебимая и застывшая мама — это серьезное препятствие, так что макушка брата время от времени мельтешила где-то позади сей красноречивой экспозиции под названием: «Ну и где мы были?» или «Нас атакуют чудовища, а мы проспали!»

— Мара, — дрожащим голосом заговорил отец, — осторожно подойди ко мне.

— Зачем? — искренне недоумеваю, спросила я. Авось просветят, что у них тут происходит.

— Мара, не глупи. Пока он не кинулся, медленно подойди ко мне. — Отец протянул мне дрожащую руку.

Тут я поняла, кого они так испугались, и невольно улыбнулась кончиками губ.

муху.

В один из вечеров, когда мы укладывались спать, рука Кима накрыла меня сверху и притянула к себе поближе.

— Знаешь, сестричка, — шепотом заговорил брат.

— Мм?

— А я скучаю по Орэну, по тренировкам... Как это ни странно, но я хочу назад, в Эдэльвайс, — вздохнул Ким.

— Такое ощущение, что там наше место, да? — как обычно, закончила я общую мысль.

На что Ким придвинул меня еще ближе к себе и чмокнул в макушку.

— Спи, Эм, спи, — тихо сказал он.

Яркое солнце нещадно слепило глаза, вырывая из объятий сонной неги. Легкий ветерок из открытого окна нежно ласкал кожу. Я слышала пение южных птиц и ощущала запах пряных цветов сандалового дерева в саду. Как же хочется открыть глаза и выйти в залитый солнцем летний сад... Стоп! Сад?! Сон как рукой сняло, и я сама не поняла, как вскочила на кровати. Еще вчера я засыпала на севере, а проснулась уже на юге. И объяснение тому только одно...

— Орэн, — пробормотала я.

«Он внизу. А ты быстро отходишь от магического сна. Вон братец твой до сих пор сопит в две дырочки у себя в комнате и еще полдня проспит, скорее всего», — раздалось у меня в голове.

Нервно завертевшись, я наткнулась на пару ярко-желтых кошачьих глаз, выглядывающих прямо из-под моего одеяла.

— Каа'Лим?!

«Да что ж ты так орешь! Оглохну ведь», — заворчался на постели мой котенок.

— А ты как тут оказался? — все еще не веря своим глазам, спросила я.

«Учитель твой привел, как же еще», — фыркнул кот.

— Но почему? — растерянно переспросила я.

«Сказал ему, чтоб привел, он и привел, — немного раздраженные интонации Каа'Лима отдались у меня в сознании. — Слово дэйурга не обсуждается, особенно среди магов».

— Ну и как это понимать?

Зверь раздраженно попыхтел, но все же решил объяснить.

«Есть существа в нашем мире, такие, как драконы и... дэйурги, которые являются воплощением магических сил. Понимаешь, Мара, я не просто крылатый кот, как ты привыкла думать, мое тело — сосуд знаний и силы материи. Для магов, как и для людей, такие существа, как мы, неприкосновенны, а воля наша — закон. Ибо не говорим мы пустых слов и нет в нас неоправданных желаний. Вот так, девочка моя. Выслушав мое желание последовать за тобой, Орэн просто был обязан его выполнить».

Я несколько ошарашенно уставилась на своего Кошака, не зная, что на это можно сказать. Сила материи, вот это номер... Что же ты увидел во мне такого, что решил последовать за мной?

«А вот об этом — в свое время, а пока давай вставай, я есть хочу», — заурчал пушистый прохвост, прыгнул с кровати и потрусил в сторону двери.

Время, как песок, убегало сквозь пальцы. День сменялся ночью, и не успевала я закрыть глаза, как наступал рассвет.

Появление Каа'Лима в нашем доме вызвало «легкое» недоумение, если можно так сказать. Орэн с любопытством поглядывал на зверя, но ближе чем на пять шагов дэйург мага не подпускал. Единственным, кого он признавал, была я. Иногда, правда, дэйург разрешал Киму подойти к нему на расстояние вытянутой руки, не более. Как говорил сам «кот», этим людям дай повод, они на шею сядут и ножки свесят. Честное слово, иногда мне казалась, что это не детеныш дэйурга, а старый дед! Ворчал он постоянно, но страдала от этого только я, так как он предпочитал более ни с кем не общаться.

Старый маг успокоил меня, сказав, что это, по меркам дэйургов, действительно пока еще не взрослая особь, причем если сравнивать в физиологическом развитии, то он еще младше меня! Каково! Да что же с ним к зрелости будет, с таким-то характером? Тем не менее я все больше и больше привязывалась к Каа'Лиму. Стало привычным ощущать его тепло под боком, когда я засыпала. Он выступал в роле плюшевого мишки, с которыми так любили спать дети аристократов.

Мой новый друг сопровождал меня повсюду, начиная со столовой и заканчивая нашими с Кимом тренировками на мечах. Да, да, я наконец-то смогла взять в руки меч. Элфи специально для меня заказал оружие у эльфийских мастеров, пока мы гостили у родителей. Мой новый меч был поистине прекрасен... и я могла его не просто поднять, я могла танцевать с ним. Легко и непринужденно скользить, отражая удар за ударом. Но проблемы все-таки оставались. Против двуручника из гномьей стали с таким клинком все равно не устоишь. Один прямой удар на лезвие меча — и моя кисть начинала неметь под силой противника. Элфи понимал, что меня и Кима нужно учить принципиально отличным техникам ведения боя. Да и по росту мы уже здорово обогнали своего наставника.

— Конечно, будет весело, если я сделаю из вас профессиональных убийц гномов, но что-то мне подсказывает, что этот навык вам не слишком пригодится, — отшучивался Элфиральд.

Как ни странно, Орэн был с ним согласен в том, что нам нужен другой учитель в боевых искусствах, и даже сказал, что у него есть подходящая кандидатура, но вот удастся ли эту кандидатуру уговорить с нами заниматься, был вопрос.

Время шло, и наши навыки в магии и науках тоже не стояли на месте. Мы учились понимать цвета ауры, преобразовывать энергию, изучали математику, химию, физику. Также Орэн заставлял нас много читать и занимался с нами риторикой, а совсем недавно мы начали изучать эльфийский язык. Как сказал маг, лучше начать с него, чем с гномьего или драконьего. На уроках эльфийского мне казалось, что нас учат петь, а не говорить. Каа'Лим тихонечко посмеивался над моим произношением, а по вечерам заставлял заниматься языком вместе с ним. Вообще оказалось, что дэйург знает если не все, то почти все. Какой бы вопрос у меня ни возник, у Кошака всегда находился на него ответ. Год пролетел еще быстрее, чем предыдущий. Нам исполнилось пятнадцать, но на этот раз домой мы отправились всего на неделю, так как и сами стали понимать, что времени катастрофически не хватает, а до поступления в академию остается всего два года. Хоть и Орэн, и Элфи признавали наши успехи, тем не менее работы было непочатый край.

Дома нас ждали перемены. У Карима с Тайей родился сын, а у нас появился замечательный кареглазый племянник, как две капли воды похожий на моего отца. Элдай решил перебраться в Карген и открыть там кузню вместе с Тэйро, мама была не против, они с отцом решили даже помочь им в этом. Позже к ним планировал присоединиться и Бьерн. В остальном же Пограничье словно замерло на том моменте, когда мы впервые покинули его два года назад.

А по возвращении в Эдэльвайс (кстати говоря, вернулись мы, как обычно, в бессознательном состоянии) нас с Кимом ждал сюрприз.

Проснувшись утром в своей огромной постели под боком у Каа'Лима, я уже не удивилась неожиданной смене места пребывания. Было лишь немного грустно, что не удалось попрощаться с родными. Отчего-то захотелось немного размяться, а заодно и проветриться. Выбравшись из вороха одеял, я прошагала в ванную, после чего открыла свой

гардероб, больше всего напомилавший вторую комнату, и выудила оттуда костюм для верховой езды из темно-серой плотной ткани, отороченный черной кожей. Сшит он был точно по фигуре — обтягивающие бриджи и курточка с воротником-стойкой. Еще немного поковырявшись в гардеробной, извлекла высокие кожаные сапоги. Хотя и юг, но весна еще не вступила окончательно в свои права, и на улице было весьма промозгло. Тем более солнце еще не взошло.

«Куда тебя несет ни свет ни заря?» — раздалось сонное ворчание.

— Хочу размяться немножко верхом. Ты со мной?

«Дурак я, что ли? С утра такие нагрузки».

— Ей-богу, у меня такое ощущение, что ты не мой ровесник, а, скорее, Орэна! — улыбнулась я.

«Нет, я немного младше, но не сильно. Если в ваших годах считать, конечно».

— Очень смешно, — фыркнула я.

«А кто сказал, что я шучу?»

Резко обернувшись, я уставилась на озорно горящий приоткрытый желтый глаз.

«Да закрой рот, муха залетит», — раздалась у меня в голове ехидная мысль.

— Ты серьезно?

Невозможно!

«Очень даже возможно! Это по вашим меркам я старикашечка, а по нашим — еще совсем дитя, хотя скоро и я, наконец, начну расти. А то как карлик, честное слово!»

— К-карлик? — Это у него карлик называется, размером с хорошую болотную кошку.

«Ну, ты смешная, Мара, конечно я еще маленький!» — совсем развеселился дэйург.

— И я даже стесняюсь спросить, каких размеров ты станешь?

«С лошадку твою, наверное, может, чуть больше», — явно потешаясь, съехидничал мой друг.

А вот я как стояла, так и села на пол. Встревоженный Каа'Лим тут же соскочил с кровати и подбежал ко мне, уткнувшись влажным носом в мою щеку.

«Ну, ты чего, глупенькая моя, все нормально, так и должно быть».

— Просто неожиданно как-то...

«Похоже, тебе и впрямь надо прокатиться, немного подумать. Хочешь, вместе побегаем по полям?»

— Не стоит, я лучше сама сегодня, ладно?

«Без проблем!»

Смачно лизнув мое лицо, дэйург направился к кровати, по всей видимости, досыпать.

Я же, кое-как встав на ноги, повернулась к зеркалу. На меня смотрела молодая высокая девушка с длинными серебристыми волосами до пояса. Темные вздернутые брови, прозрачно-голубые глаза с темно-серым ободком по краю зрачка, сливочная кожа... Черные пушистые ресницы делали взгляд еще более выразительным. Мои губы казались какими-то неестественно алыми, но при этом органично выглядели на общем фоне. Высокие скулы делали лицо более привлекательным, и, должно быть, благодаря облегающему костюму, сшитому по моей фигуре, я впервые подумала, что красива, хоть и не так, как принято в Ирэми. Здесь считалось красивым, когда у девушки смуглая кожа, пышная грудь, невысокий рост и откровенно крупные черты лица. Но, быть может, и меня когда-нибудь заметят... и назовут красивой, а не странной.

Спустившись во двор, я оседлала свою белоснежную кобылку и, взяв ее под уздцы, вывела из загона. Прохладный ветер развевал мои волосы, остужая и одновременно горяча кожу. Я мчалась к линии горизонта, забыв обо всем, просто наслаждаясь скачкой, ветром с соленым привкусом моря и едва забрезжившим рассветом. Это было прекрасно, просто скакать с закрытыми глазами, представляя себя птицей, свободной и гордой. Не знаю, сколько я так ехала. Сначала мой путь лежал по открытой местности, потом появилась дорога, уходящая в лес, и я повернула к ней. Постепенно я все дальше и дальше углублялась в чащу, не замечая ничего вокруг.

К стыду своему, я совершенно не знала здешних мест, хоть это и было неподалеку от дома Орэна. Все как-то времени не хватало изучить. Солнце уже встало, и багряные лучи окрашивали туманный воздух в непередаваемые краски золотого, алого и розового.

Я не заметила, как они подошли. Не услышала, как взвели арбалетную тетиву. А когда поняла, было уже поздно. Арбалетный болт с силой вошел в ногу кобылы, та резко заржала и встала на дыбы, а я вылетела из седла и больно приложилась спиной о землю, так что какое-то время даже не могла вдохнуть. Перевернулась на бок и попробовала еще раз, вышло лучше. Все так же тяжело дыша, встала на четвереньки и попыталась подняться. В этот момент меня резко схватили за волосы и буквально вздернули на ноги. От резкой боли из глаз брызнули слезы.

— Что, малыш, решила в лесу погулять?

Хриплый голос раздался у самого уха. Я почувствовала горячее дыхание на своей шее, приправленное непередаваемыми ароматами алкоголя, табака и грязного тела.

— Ну что же ты плачешь? — сладко-писклявый голосок раздался из придорожных кустов.

Обладатель же показался чуть следом. Среднего роста мужчина, с арбалетом наперевес, шел к нам. Видно было, что эти ребята явно не из тех, кто особо переживает за самочувствие других людей. Следом из зарослей вышли еще трое. Первое, что бросалось в глаза, — неряшливый вид этих людей. Все, что на них надето, было явно с чужого плеча. Немытые, лоснящиеся от пота лица, сальные волосы... От смрада, что окутывал эту компанию, я буквально теряла сознание.

— Что же маленькая эсса забыла в столь ранний час на этом тракте? — опять послышалось из-за спины. Страх сковывал по рукам и ногам, я не могла и слова вымолвить.

— Что молчишь, маленькая? Такая необычная, беленькая, а ведь у меня никогда не было с блондиночками, да и встретишь их не часто.

«Что он имеет в виду?» — забила мысль на поверхности сознания.

Огромная лапища стоявшего сзади меня мужика властно легла на мои бедра и поползла вверх, и там, где он прикасался, меня словно вымазывали грязью. Бедро, потом моя талия и выше, к едва проступившему холмику груди. Рука сомкнулась и начала сжимать мою грудь. Было больно и противно, а сам мужик начал пыхтеть мне в ухо, все сильнее натягивая волосы и прижимая мои бедра к себе. Те, что стояли передо мной, глумливо усмехнулись.

— Ты там это, — сказал один из них, — на всех оставь.

— Самому мало, — хмыкнул тот, что был сзади. — Ну что же ты молчишь? Неужели не нравятся мои ласки?

По щеке скатилась еще одна крупная слеза.

Внезапно в воздухе раздался свист, и прямо над моим ухом пролетела стрела. Тот, что стоял у меня за спиной, начал падать, увлекая меня за волосы за собой. Не в силах вырваться,

я начала заваливаться на бок.

Оттуда, где стояли нападавшие, раздался звон стали. Кое-как вырвав волосы из лап мужика, я вскочила на ноги и вытащила меч из ножен нападавшего. Повернулась в ту сторону, откуда доносились звуки схватки, и замерла. На дороге появились новые действующие лица. Двое мужчин, высокие, на вид крепкие, одетые в плащи с капюшонами, но такие разные, буквально смели тех, кто еще недавно считал себя хозяевами положения. Я замерла посреди дороги, в боевой стойке вытянув меч, и сразу не поняла, что один из моих спасителей говорит со мной.

— Все, все, милая, опусти меч, все кончено, — говорил он.

Зеленые, практически изумрудные глаза успокаивающе смотрели на меня. Он был высокого роста, выше меня на голову, крепко сложен. Правильные черты лица и волосы цвета золотого меда, заколотые на затылке. Но больше всего выделялись острые ушки. Эльф. Эльф!!! Осознание пришло неожиданно, а вместе с ним и облегчение, я выронила меч из ослабевших рук, рухнула на колени и разрыдалась. Разрыдалась от своего бессилия, от того, что не смогла защитить себя, что все, чему меня учили, в итоге оказалось бесполезным... из-за меня.

— Что это с ней? — спросил второй. Его голос обволакивал, словно бархат.

— Шок, — заметил эльф. — Ну успокойся, теперь все будет хорошо, мы отвезем тебя домой.

Все это эльф говорил, положив мне руку на затылок, и постепенно тепло, исходившее от ладони, полностью заслонило мое сознание, успокоило, утешило.

— Лучше? — спросил он, вопросительно глядя на меня.

— Да... — подняла я взор на своего спасителя, а он невольно отшатнулся. И кажется, что-то хотел сказать, но воздух пронзил грозный рык, и прямо на эльфа сверху обрушился Каа'Лим.

Мой друг появился настолько неожиданно, что бедный спаситель не успел даже среагировать. Зато второй моментально обнажил меч, но как только увидел, кто перед ним, тут же опустил его. А Каа'Лим все продолжал рычать в лицо эльфу, даже не пытающемуся сопротивляться. Странно-то как.

Ну уж тут не подкачала я. Все-таки не дело. Мужчины, да еще такие, меня спасают, а им Кошак вон что устраивает.

— Совсем сдурел?! — завопила я, резво хватая дэйурга за задние лапы и пытаюсь оттащить его от эльфа. — Рехнулся на фоне затянувшегося детства? А ну пусти его, сказала!

Каа'Лим как-то странно пригнул ушки и повернулся ко мне.

— Что смотришь? Живая я! А вот тебя, когда надо, и не найдешь! Совсем обнаглел, на ни в чем неповинных созданий кидаешься!

«Я услышал твой страх и пришел», — как-то слишком спокойно ответил мой «котенок».

— Я поняла, но все хорошо, они спасли меня. Иди сюда, — уже спокойнее закончила я.

Каа'Лим спрыгнул с распластавшегося и ошарашенного эльфа и резво подбежал ко мне. Как-то нервно обнюхал мое лицо, а потом лизнул. Я засмеялась:

— Фу! Ну, сколько же можно-то!

«Я испугался, Мара, очень испугался».

— Я тоже, мой хороший, тоже.

«Это трупы тех, кто напал на тебя?» — спросил дэйург, указывая на тела погибших разбойников.

— Да, — кивнула я.

Зверь оскалился и повернулся в сторону распластавшихся тел, замер, а через мгновение людей объяло яростное, режущее пламя. И уже через несколько секунд на земле остались лишь обугленные следы.

— Не знала я, что ты так умеешь, — прошептала я.

«Это на самый крайний случай», — просто ответил он.

— Ты разговариваешь с дэйургом? — как-то отрешенно спросил эльф.

«Ой, не следовало, наверное, вслух говорить», — запоздало подумалось мне.

«Я бы выразился более красноречиво, но до тебя как до утки...» — не закончил мысль Каа'Лим.

«Чего с уткой?» — не поняла я.

«Вот и я говорю: на седьмые сутки».

Должно быть, со стороны я выглядела весьма забавно, неизвестно по какой причине надув губы и покраснев в своей излюбленной манере — пятнами.

Но раз уж так случилось, думаю, будет правильно все объяснить моим спасителям.

— Да, это мой друг, — и легкая улыбка на лицо.

Путники переглянулись, и хотя лицо второго по-прежнему было скрыто под капюшоном, думаю, его взгляд мало отличался от эльфийского.

— Что ж, наверное, будет правильно, если мы проводим тебя до дома, тем более, твоя лошадь не сможет идти под седоком, — сказал второй мужчина, лица которого я так и не смогла разглядеть.

— Спасибо вам большое, но я и так доставила вам много хлопот, — должно быть, совесть вылезла, когда не надо, вечно тут как тут.

«Ты мне только честно скажи, тебя по голове били?» — очень серьезно спросил Каа'Лим.

— Нет! И прекрати надо мной издеваться! — не выдержала я. — Думаешь, самый умный?

Должно быть, мои спасители решат, что я немного с приветом, раз вот так в настроении меняюсь.

— Извините, это я не вам.

— Да, мы так и поняли, — кивнул эльф. — Но все же мой друг прав, нам следует тебя проводить.

— Хорошо, — покорно согласилась я, пока мои спасители не передумали.

Эльф коротко свистнул, и из леса легкой рысцой вышли две лошадки. Одна из них была черна, как ночное небо, а вторая — золотисто-бежевая. Изящные, тонконогие, с каким-то осмысленным выражением глаз.

— Какие красавицы! — восторженно заявила я.

— Да, в Ирэми таких больше нет, — сказал эльф.

Мою кобылу шустрый эльф быстро привязал к своей и вскочил в седло. Его друг так же легко взлетел на своего вороного, подъехал ко мне и, взяв под мышки, водрузил перед собой.

— Не против? — немного игриво спросил он, а я залилась краской.

— Нет, — буркнула я.

На это спаситель выразительно хмыкнул, взял коня за поводья и направил в сторону, откуда прибыла я.

— Где ты живешь? — спросил эльф.

— Тут недалеко.

Только сейчас я поняла, что, увлекшись своей скачкой наперегонки с ветром, совершенно утратила чувство направления. Вот что значит постоянно быть взаперти! И конечно же я совсем не виновата!

«Пускай едут за мной, а ты, как только прибудешь домой, отправишься штудировать карты местности», — глубокомысленно изрек Каа'Лим.

— Кто сказал? — гневно уставилась на него я.

— Что? — непонимающе спросил эльф.

— Я не вам, — фыркнула я. — Ну! Еще и командовать будешь?

«Не спорь. Ты знаешь, что я прав».

— Пусть даже знаю, но можно и повежливее.

За этой маленькой перепалкой я совершенно не придавала значения тому, как странно переглядываются мои спутники, и это еще раз доказывало, что все мои тренировки на практике оказались совершенно бесполезны.

Как оказалось, моя скачка заняла где-то около часа. Далековато же я забралась! Когда мы повернули к поместью Орэна, время неумолимо приближалось к полудню. За все наше путешествие ни эльф, ни его спутник больше не пытались заговорить со мной. Что в общем-то не сильно меня напрягало. С лихвой хватало ворчания одного крылатого субъекта, жаловавшегося на то, что из-за всяких скудоумных девиц ему приходится топтать пешком вместо того, чтобы преодолеть то же расстояние за время, в четыре раза короче потраченного. Да и позавтракать болезному не удалось. А камни на дороге какие острые! К концу путешествия я уже ощутимо начинала закипать из-за невозможности огреть этого охламона хоть чем-нибудь, мало-мальски существенным.

— Ты здесь живешь? — подал голос эльф.

— Да, это дом моего дедушки.

Для дяди Орэн явно был староват.

— Орэн Канэри — твой дед? — подняв медовую бровь, спросил эльф.

Что касается его спутника, так я поняла, что он молчун. Но услышанных от него нескольких фраз хватило, чтобы понять, что его неопишимо приятный голос, почему-то напомнивший мне теплый шоколад, словно обволакивает сознание. Приятно, нежно, и невозможно прекратить слушать.

Мысленно отвесив себе оплеуху, я постаралась вернуться в реальность. Мужчина, о котором я только что думала, положил руку мне на талию и поправил в седле. Казалось бы невинный жест заставил меня ощутимо покраснеть.

«Успокой свои гормоны, чудо малолетнее», — чуть ли не хохоча, вклинился в мое сознание Каа'Лим.

На этом мое терпение лопнуло, и, мало задумываясь о тех, кто был рядом, я что было мочи рявкнула:

— Заткнись, урод блохастый!

Мой спутник аж подпрыгнул в седле, эльф как-то странно закашлялся, покосившись на Каа'Лима, ну а я, небрежно сбросив руки мужчины со своей талии, спрыгнула на землю.

— Ты... ты достал меня уже!!! — завопила я, хватая какую-то палку, валявшуюся неподалеку. — Еще хоть слово, хоть одна острота в мой адрес — и я тебе такое устрою!

— Кхм, — неловко влез эльф.

— Чего? — все еще на взводе рывкнула я и, тут же опомнившись, снова покраснела. Волнение, чтоб его!

— Что он тебе сказал? — раздался бархатный голос спутника эльфа.

— Не важно. Он слабоумный, — как можно серьезнее сказала я.

После этих моих слов мужчины дружно заржали! Как кони, честное слово! Правда, мне отчего-то стало обидно. Круто развернувшись на каблуках, я направилась в сторону поместья. Смех за моей спиной неожиданно оборвался, и крепкие мужские руки обвили мою талию и вздернули вверх.

— Разве тебе кто-то разрешал уйти, — невинно поинтересовались у меня над ухом.

— Н-нет. — От этого проникновенного голоса стадо мурашек пробежало по моей спине.

— Тогда больше так не делай, малышка.

После того как меня попросили столь «доходчиво», желания убежать и впрямь больше не возникло.

Когда мы подъехали к дому Орэна, сам хозяин уже ждал нас на крыльце. В очках, облаченный в темно-синюю мантию, с безупречно расчесанными и уложенными волосами, в своих лучших сапогах, маг выглядел до невозможности официально, пока не заметил меня, сидящую впереди одного из всадников. Брови мужчины поползли вверх, а челюсть как-то совсем невежливо устремилась вниз.

— Привет, деда, я тут это... покататься решила, — невозмутимо заявила я.

— Мм.

Интересно, это он новый диалект осваивает или не знает, что сказать, вот и мычит?

— Доброе утро, Орэн. Я так понимаю, это и есть то, ради чего ты позвал меня, — сказал эльф и как-то по-свойски ткнул в меня пальцем.

— Ты, как всегда, прозорлив, Лиамизель. Прошу тебя и твоего спутника пройти в мой кабинет, нам есть что обсудить. А позже, если вы захотите, можно будет отобедать.

— Как скажешь, Орэн, как скажешь... — отозвался Лиамизель вполне миролюбиво, правда, мне послышалась в его голосе скрытая угроза.

Но в детстве, как и в юношестве, есть определенные плюсы: ты не думаешь слишком долго об одном и том же, стараясь оберегать свой девственный мозг от лишней информации. Вот так и я не придавала фразам, которыми обменялись эльф и маг, никакого значения. Соскочила с лошади незнакомца, еще раз буркнула слова благодарности и решила прикинуть, можно ли кота распяты на дыбе. Если да, то надо бы посмотреть в какой-нибудь книжке у Орэна в библиотеке, как сей дивный инструмент пыточного искусства соорудить... Да-а-а, день начинает налаживаться.

Рабочий кабинет Орэна Канэри являлся одной из самых маленьких комнат в доме. Как это ни странно, но старый маг не любил простор и свет, ему было гораздо уютнее в душной полутемной комнатке, сверху донизу уставленной книгами, с небольшим окном, завешенным плотными темно-коричневыми шторами. Самым тяжеловесным предметом интерьера был стол, он занимал добрую половину пространства, а оставшаяся часть предоставлялась двум креслам, обитым темной кожей и стоявшим прямо перед столом, на фоне которого они выглядели несоразмерно маленькими и тщедушными. Третье кресло, огромное, как и стол, отводилось хозяину кабинета.

Будь на то воля мага, он бы с удовольствием навел бы «порядок» как на столе, так и в кабинете в частности. Ему нравилось, когда нужная вещь или документ лежит там, где

положено, на его скромный взгляд, а не там, куда сказал положить Элфиральд. Вообще со стороны это выглядело комичным, когда маг и гном начинали спорить о том, нужна ли уборка в целом, кто в доме хозяин в частности. Темпераментный Элфи обычно не выдерживал первым, хватал Орэна за бороду, заставляя того наклоняться, и, смотря прямо в глаза друга, просто спрашивал: «Ты правда хочешь узнать ответ на свой вопрос, Канэри?» Мага так и подмывало ответить: «Да», — но за все время их дружбы Орэн так ни разу на это и не отважился. В такие моменты на ум старому магу приходила одна-единственная поговорка. «Мал клоп, да вонюч! Вот уж воистину», — думал маг, стараясь выбраться из цепких лапок своего товарища.

В кабинете царила духота, но зато все вещи были разложены в идеальном порядке. Казалось, ни эльф, ни его спутник, все так же не снявший плаща, чтобы не открывать своего лица, не обратили внимания на окружающую их обстановку и просто ожидали, смотря прямо перед собой, когда заговорит маг. Орэн, расположившись за столом в огромном кресле с высокой спинкой, окинул взглядом присутствующих и тяжело вздохнул. Кто бы знал, как ему не хотелось обращаться к Лиаммиэлю в данной ситуации, как претило ему взыскивать долг именно с этого эльфа. А ведь когда-то они были друзьями... Тогда у Орэна еще не было длинной бороды и усов, спина была куда прямее, да и возраст исчислялся меньшими цифрами. Тогда еще не произошло тех событий, что навсегда изменили положение человечества рядом с другими расами. Не разразилась еще война, проиграв которую человечество откинуло себя назад на долгие годы как в экономическом, так и в научном плане.

Перворожденные и высшие расы были милостивы к проигравшим. Как тогда показалось людям — всего-то несколько ограничений в плане экономики и науки. Первым был запрет на организацию производства в империи (разрешался только частный мелкий бизнес) и ограничение в образовании, а именно — запрет на обучение детей из крестьянского сословия. Тогда человеческому королю это показалось меньшим из зол, которое в настоящее время привело к узурпированности всех ветвей власти, полной экономической несостоятельности страны и повальной безграмотности населения. Вот так, с легкой руки бессмертных, люди сдали свои позиции в течение каких-то двухсот лет. Товаров собственного производства в стране практически не было. Полезные ископаемые и драгоценные металлы мигом шли на продажу по ценам необработанного сырья в соседние государства эльфов, вампиров, драконов, иногда гномов и так далее. А что касается магов, то, возможно, они и рождались в стране, но обучать-то можно было только дворян, и не сказать, что среди них так уж часто можно было встретить магически одаренных детей. Может быть, из-за этого, а может, из-за того, что чувствовал свою косвенную вину в сложившейся ситуации, Орэн и ухватился за двух одаренных ребятишек, которых встретил два года назад в горах. Он хотел дать лучшее своим ученикам, и этим лучшим на данный момент был Лиам.

— Рад снова видеть тебя, Лиаммиэль, — обратился он к эльфу.

Лиам лишь презрительно вздернул бровь и криво усмехнулся.

— Не могу сказать, что наша радость взаимна, Орэн, но, думаю, ты не для этого сорвал меня с места. Не хочешь ли перейти к сути дела?

— Безусловно. — Тяжелый вздох вырвался из груди мага. — Я пригласил тебя для того, чтобы истребовать с тебя твой долг, Лиаммиэль.

Эльф лишь усмехнулся. Он уже давно просчитал, для чего мог вызвать его старый маг. Если бы не дэйург, Лиам нашел бы способ отказаться от выполнения долговой клятвы.

— И чего же ты хочешь? — все тем же снисходительным тоном осведомился эльф.

Маг постучал пальцами по поверхности стола, глубоко вздохнул и сказал:

— Я хочу, чтобы ты два года занимался с моими внучатыми племянниками и помог им подготовиться к обучению в академии.

В кабинете воцарилась тишина. Конечно же Лиам предполагал нечто подобное, но не собирался этого показывать. Лучше всегда казаться глупее, чем ты есть, и переоценивать противника. Конечно, старый маг и бывший друг не был врагом для Лиама, но тем не менее...

«Значит, обучение детей... Это будет забавно, тем более встретившаяся нам девочка, по всей видимости, — одна из подопечных мага. Но самое интересное то, как к ней попал молодой дэйург? Этот момент необходимо прояснить. Кроме того, сейчас мне в общем-то особо нечем себя занять. И выделить пару лет в счет погашения долга — это справедливый обмен. Ведь время — ничто, лишь вода, текущая сквозь пальцы. Да и ничему важному, скорее всего, обучить детей я не успею. Подготовка девочки, судя по всему, оставляет желать лучшего, следовательно, я ничего не теряю. Идеальная сделка...»

— Что ж, я привык платить по счетам. Я согласен, Орэн. По истечении двух лет ты поклянешься, маг, что более никогда не потревожишь меня, и снимешь долговые обязательства.

Старец облегченно вздохнул и лишь слегка кивнул головой.

— Я и мой спутник остановимся сегодня ночью у тебя, завтра ему будет необходимо продолжить путь, а я останусь ровно на два года, начиная с завтрашнего дня. И учти, маг, ты можешь пожалеть о своем предложении. Учить я буду согласно нашим законам и требованиям.

Орэн подавил судорожный вздох, но не смог не спросить:

— Даже девочку?

— В первую очередь девочку. Все, что я делаю, я привык делать хорошо. И не смей вмешиваться, иначе я уйду и буду считать себя свободным от каких-либо обязательств. Мы договорились?

Маг смотрел на идеально гладкое, прекрасное лицо эльфа, его теплого оттенка волосы, ярко-зеленые глаза и недоумевал, как такая внешность может сочетаться с всепоглощающим льдом внутри. Это было страшно, даже жутко...

— Да, — севшим от волнения голосом проговорил Орэн.

Все-таки странный сегодня день, столько событий, и все — из ряда вон выходящие. Точнее даже не так: все, не соответствующие расписанию...

Как-то даже не по себе становится. То это нападение, то спасение меня странными путниками, которые оказались старыми знакомыми Орэна. А теперь, в довершение ко всему, у нас с братом еще и выходной нарисовался! И это злило меня больше всего. Я совершенно не знала, чем себя занять, даже приложив огромные усилия, не могла вспомнить, чем обычно люди занимаются, когда им нечего делать. Ким все еще спал, причем когда я завалилась в его комнату и оседлала сверху, он даже не среагировал на мое неожиданное вторжение. Тогда я попыталась его растолкать, но после удара локтем в лоб желание будить брата резко поубавилось, и я решила, что раз все равно делать нечего, то надо поесть. Это дело важное и даже, можно сказать, полезное. Спустившись вниз и войдя в гостиную, за которой располагалась столовая, а следом и кухня, я едва не споткнулась о ковер и не растянулась на полу от увиденного мною зрелища. Элфиральд сидел в кресле у окна и сосредоточенно пыхтел над тем, что столь нелепо сжимали его маленькие толстые пальчики. В одной руке гном держал иголку, а в другой... пяльцы! Я точно знала, что это, меня мама в детстве такими запугивала: мол, если я себя не буду хорошо вести, то засадит за вышивание. Вокруг Элфи были раскиданы разноцветные нитки, маленькие пакетики с бисером и еще что-то непонятное.

— Э-элфи, — протянула я, — а что это ты делаешь?

Он, не отрываясь от своего занятия, еще сильнее запыхтел, собирая свои рыжие брови на переносице.

— А ты будто не видишь? — ехидно заявил он.

— Вижу. Поэтому и спрашиваю, с каких пор вышивка начала интересоваться мужчин, а в частности гномов?

— Много ты понимаешь, пигалица, — пропыхтел Элфи, явно озадаченный подбором правильной палитры цветов.

Так, кто-то, кажется, не в духе, надо зайти с другой стороны.

— Но все же, Элфи, скажи, мне правда интересно, — как можно ласковее протянула я.

Гном глубоко вздохнул, оторвался от своего занятия и посмотрел мне прямо в глаза.

— А с таких, Эм, что тебе вряд ли понравилось бы, если бы сейчас вместо иголки с ниткой у меня в руках была бы бутылка «Горной слезы» и глиняная пол-литровая кружка.

— Я не знаю, что такое «Горная слеза», но, так понимаю, что ничего хорошего. Я права?

Кажется, рыжий бес чем-то расстроен, и надо потихоньку уматывать, пока он не перешел от тихого страдания над вышиванием к буйному вымещению гнева на мне. Поэтому пока Элфиральд обдумывал мой вопрос, параллельно пытаюсь насадить обратно на иголку упавшую бисеринку, я попыталась бочком пробраться к выходу из комнаты. И вот когда долгожданная дверь уже нащупывалась прямо за спиной, гном решил, что копить эмоции — дело неблагодарное.

— Старый идиот! — громыхнул он, а я подпрыгнула от неожиданности. — Это же надо быть таким твердолобым упрямым засранцем?! — все больше распаялся гном. — Сколько раз, сколько раз я ему говорил?! Предупреждал, а этот чертов хмырь с бородой по колено только и знает, что биться башкой в одни и те же ворота!

— Э... ты сказал «засранец», мой маленький друг?

Ох, лучше б меня мать немой родила. То, как на меня посмотрел Элфиральд, было непередаваемо, я бы даже сказала: феерично, казалось, еще чуть-чуть — и он прожжет во мне дыру. Правда, нужно отдать гному должное, через пару мгновений ему все-таки удалось глубоко вздохнуть и перевести свой испепеляющий взгляд на окно.

— Ты просто не знаешь и не понимаешь, что сделал этот старый осел. Великая богиня! — Тяжелый вздох. — Ступай, Эм, завтра нас ждет тяжелый день...

Помню, что тогда я лишь мысленно хмыкнула: «А у нас другие вообще бывают?» О богиня, как же я заблуждалась...

«Ненавижу! Нет, не так. *Ненавижу!!!* Эльфы, красивые, милые, добрые эльфы, такие все из себя совершенные, за что ни возьмутся, все-то у них лучше, чем у других, выходит! Ненавижу...»

Такими были мои мысли вечером следующего дня.

Подняли меня в пять утра, причем довольно резко и неожиданно: ведро ледяной воды на кровать и захват волос. Затем меня заставили принять стоячее положение. Толком не сумев ничего сказать или хотя бы разлепить глаза, я услышала только:

— У тебя минута на то, чтобы одеться. Не успеешь — пойдешь на тренировку в чем есть.

Дверь захлопнулась.

И что это было? Кое-как разодрав глаза, я начала вертеть головой в поисках одного хваленного защитника, который обнаружился в кресле напротив окна.

«Чего вылупилась? Или не слышала, что ушастый сказал?»

Вот тебе и с добрым утром, Марочка...

Приблизительно через три минуты я, растрепанная и совершенно заспанная, и мой не менее привлекательный брат стояли во дворе усадьбы Орэна. Небо над нашими головами только-только начинало приобретать серебристый оттенок, и не каждая птица отваживалась подать голос в столь ранний час. В полном недоумении я посмотрела на Кима, надеясь, что хотя бы он понимает, что происходит. Но похоже было, что брат и сам недоумевал.

Дверь черного хода приоткрылась, и на крыльце появился мой вчерашний спаситель. Несмотря на ранний час, эльф выглядел просто идеально. Ни одной лишней складочки на одежде, ни одного волоска не выбилось из-под заколки. Но сам наряд мужчины разительно отличался от того, что мы привыкли видеть в Ирэми. Поверх темно-коричневых, свободного покроя шаровар на эльфе был надет длинный, практически до пола халат с запахом и с разрезами до бедер. Выглядело это специфично, у нас мужчины так не одевались. Но долго думать об этом мне не удалось, так как сие прекрасное создание изволило заговорить, предварительно окинув нас высокомерным взглядом. «А вчера таким милым показался», — как-то отстраненно подумалось мне.

— Хочу сразу прояснить кое-что, юные эсс и эсса. — Это он нам, что ли? — Меня зовут Лиамизель эр Каэль, и я ваш новый учитель по... самообороне, — немного запнувшись на последнем слове, сказал эльф. — Я говорю — вы слушаете, я отдаю команду — вы исполняете. Других вариантов нет.

Если до этого момента я считала, что мой вчерашний спаситель довольно мил, то после его последних слов я засомневалась, а не является ли этот эльф обладателем очаровательных копыт. А на голове у него наверняка имеется пара замечательных рогов. Шерт! Точно, он и

есть! Стало немного жутко. Но в то же время я и брат верили Орэну, как родному дедушке. Не мог же он подсунуть нам что-то уж совсем ужасное? Ведь не мог? Оказалось, еще как мог...

— Я постараюсь не потерять с вами ни единой секунды бездарно, так как время в вашей ситуации имеет определяющее значение. Наши тренировки будут весьма интенсивными. Хочу, чтобы вы оба запомнили первое и единственное правило, которым будете руководствоваться и впредь: «Ничто не имеет значения, кроме значения, которое ты сам придаешь всему, что тебя окружает».

«Мужик, должно быть, сошел с ума, а Орэн решил приютить болезного, — пришла в голову неожиданная мысль. — Конечно, вчера эльф показался мне весьма здравомыслящим, но ведь скоро полнолуние, да и весна на дворе... Помнится, где-то я слышала, что те, у кого с головой беда, весной и в полнолуние «особо дурными статься могут». Точно, Рэйна рассказывала».

Тем временем, «спаситель Ли» продолжал свою вдохновенную речь. Надо с ним соглашаться, упаси богиня, расстроится.

— Когда вы поймете, что это значит, можно считать, что первый шаг сделан.

Так ранним весенним утром приоткрылась дверь в нашу персональную преисподнюю. Сначала был забег, часа три по пересеченной местности. Самое интересное, что Лиамизель бежал с нами, только для него это, скорее, была неспешная прогулка. Если один из нас падал от бессилия или спотыкался об очередную неудачно растущий корешок, эльф помогал нам подняться и ускориться замечательным пинком по мягкой точке. Ким сносил подобные пинки стойко и без лишних слов поднимался и продолжал перебирать ногами, старательно имитируя бег. Мне же подобное обращение казалось весьма унижительным, и с каждым пинком в душе зарождалось какое-то темное чувство, до сего дня незнакомое.

Когда на горизонте появилось поместье мага, я буквально задыхалась, но не от усталости, а от гнева. Усталости не было, как не было и ни одной светлой мысли в голове. Лишь огненное пламя, текущее по венам, которое заставляло сердце стучать все сильнее и сильнее, отбивая нестройный ритм. Как только мы переступили границу поместья, Лиамизель как ни в чем не бывало перешел на шаг и возвестил нам, что пробежка окончена. Ким где стоял, там и упал на землю, а я не могла даже пошевелиться от гнева. Это новое чувство буквально завладело мной. И отчего-то в голове пронеслась совершенно неестественная для дочери деревенского кузнеца мысль: «Он посмел унижить меня...» Именно ощущение неприятия того, что кто бы то ни было посмел неуважительно вести себя со мной, взбесило больше всего. На тот момент казалось, что я — это не обычная деревенская простушка, а чуть ли не императрица всяя Ирэми... Смешно, право слово.

— Если еще раз позволишь себе подобное обращение — пожалеешь.

Слова слетели с губ раньше, чем я удосужилась подумать, что они значат. Эльф остановился в нескольких шагах от нас с братом и медленно повернулся, скреживая свой изумрудный взгляд с моим. Что происходило в моей бестолковой голове, понималось с трудом, но страха не было, как не было и присущей мне изворотливости, благодаря которой я всегда умудрялась избегать неоправданных конфликтов. Лиамизель смерил меня высокомерным взглядом и уже было решил снова отвернуться.

— Не смей отворачиваться, когда я с тобой разговариваю, — буквально прорычала я, а в следующий момент была схвачена за горло длинными изящными пальцами эльфа.

Он хотел что-то сказать и уже буквально начал наклоняться ко мне, но его действия

были настолько медленными и неестественными, что мне даже стало смешно. Только это «смешно» поселилось рядом с какой-то неконтролируемой жестокостью. Сама того не осознавая, я сжала пальцы в кулак и вскинула руку вверх, точно попав в подбородок новоявленного учителя. Лиамизель пошатнулся и отступил на несколько шагов, явно стараясь удержать равновесие. А до меня наконец начало доходить, что я только что сделала. Когда я перевела взгляд на эльфа, то из уголка его губ текла тонкая алая струйка, а глаза сузились и буквально испепеляли изумрудным пламенем.

— Смотрю, кое-кто решил показать характер? — Ехидства в этой фразе было столько, что меня невольно передернуло.

— Мара, ты что творишь?! — О, кажется, братик очухался.

— Твоя сестра только что дала мне повод, — задумчиво проговорил новый учитель. — Иди сюда, девочка, и я научу тебя, как принято относиться к наставникам у эльфов.

А вот и страх очнулся, когда не надо... От слов Лиамы по коже промаршировало дружное стадо мурашек.

«Каа'Лим, ты мне, кажется, нужен...» — решила я воззвать к чувству долга своего нерадивого охранника.

«Ну нет, дорогуша, учись отвечать за свои поступки. И потом, ушастый поклялся, что ломать вам ничего не будет, по крайней мере, нарочно. Так что, милая моя, удачи, а у меня тут сардельки стынут». Вот таков был ответ. И что, скажите мне, священного в этих наглых котках?

— Возьми меч, Мара, и давай решим, стоящий я учитель или нет, — ровным голосом проговорил Лиамизель, протягивая мне эльфийский клинок.

Дрожащими руками я приняла протянутое оружие, а через какое-то мгновение мы с ним разлетелись в разные стороны. Я даже не успела заметить, как перемещается эльф, но от этого столкновение с ним не показалось мне менее реальным. Кое-как встав на дрожащих ногах, я было попыталась поднять клинок вновь и опять отлетела в противоположную сторону.

— Наставник, хватит, прошу.

Конечно, это был Ким, и его «прошу» опять разожгло пламя, которое втянуло меня в эту историю. На тот момент казалось, что просить кого-либо, тем более о пощаде, — это низко и недостойно. И вновь мне удалось встать, но на этот раз все вокруг меня странным образом замедлилось. Каждое движение брата было таким, будто он находился в какой-то тягучей массе, Лиамизель двигался чуть быстрее, но недостаточно быстро, чтобы я могла пропустить его выпад. Когда он уже выбросил руку для удара, я всего лишь немного ушла в сторону, и эльф по инерции пролетел мимо меня. Развернувшись на пятках, я прыгнула ему на спину и, забыв про меч, применила удушающий прием (где я только его узнала, не имею не малейшего понятия)... Готова поклясться, я слышала, как кровь Лиамы бежит по венам, как бьется сердце, и это возбуждало, будто я прикоснулась к самой жизни, заключенной в теле Лиамизеля. Где-то на кончике языка чувствовала притягательный вкус этой самой жизни, будто бы готовилась к тому, чтобы испить ее. Именно в этот момент эльф разжал мои руки и перекинул через себя. Последнее, что я смогла разобрать, — это то, как неестественно медленно его кулак движется мне навстречу. Тьма укутала меня плотным одеялом, унося с собой воспоминания о том сладостном моменте, когда чья-то жизнь пульсирует на кончиках твоих пальцев.

— Что это значит, Лиам? — Молодой мужчина сидел на подоконнике в комнате, которую старый маг выделил эльфу.

— Ты видел, Дрэй? — Голос эльфа неестественно задрожал.

— Да. И хочу услышать твои соображения по поводу этого ребенка, прежде чем выскажу свои.

— Она не человек. Может быть, полукровка? — поинтересовался Лиам.

— Не думаю... Ее глаза... Они напомнили мне что-то, но никак не могу вспомнить, у кого я видел подобные.

Дрэй потер переносицу. Это означало, что мужчина находится в глубокой задумчивости.

— Маг знает? Как ты считаешь?

— Уверен, что догадывается, хотя если до этого момента девочка себя не проявляла, то, возможно, и нет... В любом случае, ты правильно поступил, что согласился на этот вид уплаты долга. — Дрэй перевел взгляд практически черных глаз на друга. — Постарайся понаблюдать за ней, это важно, научи ее тому, что успеешь, чтобы она поступила в академию. Там мы сможем узнать правду о девочке. Нельзя, чтобы ее потенциал остался нераскрытым. И кстати, каково это — получить по морде впервые за последние двести лет? — как-то совсем по-мальчишески улыбнулся мужчина, встряхнув головой, отчего его алые локоны будто полыхнули огнем в лучах заходящего солнца.

— Я бы сказал: поучительно, — улыбнулся в ответ эльф, и вся кажущаяся надменность исчезла с его лица. — И раз уж мы заговорили об академии... Как ты планируешь контролировать девочку там?

— Во-первых, не контролировать, а помочь, а во-вторых, думаю, стоит немного повторить пройденный материал...

— Ты серьезно? Хочешь поучиться?

— А почему нет? Повторенье — мать ученья, разве не так?

— Ты ненормальный...

— Может быть, но я верю своим ощущениям, а они буквально кричат, что этого ребенка просто так оставлять нельзя.

— Но почему учеником? Ты вполне можешь утереть нос любому из преподавателей академии.

— А потому, мой друг, что утереть-то я утру, но боюсь только, что к девочке приблизиться особенно не получится.

— Как вы прозорливы, мой принц, — шутливо изобразив поклон, еще шире улыбнулся эльф.

— Не ерничай. Я как монаршая особа должен постоянно заниматься своим образованием. Тем более, как ты знаешь, случайностей не бывает. Раз уж наши пути пересеклись с этой девочкой, пройти мимо я уже просто не смогу, что-то держит меня... И ее дэйург тоже неспроста остался с ней. У этих созданий ничего не бывает просто так. — Парень вновь устремил свой взгляд в открытое окно.

— Ты прав, случайностей не бывает, — скорее для себя задумчиво проговорил эльф.

— Сегодня я продолжу путь, а через два года поступлю вместе с ней в академию, тогда и будем решать этот вопрос.

— Дракон, — позвал друга Лиам.

— Что? — вопросительно изогнул бровь Дрэйланд.

— Смотри сам в детство не впади.

Дрэй в ответ лишь рассмеялся.

Вот так и понеслись дни. Больше припадков со мной не случилось, хотя неприязнь к ушастому красавчику никуда не делась, а, казалось, лишь, наоборот, усиливалась. Лиамиэль ломал нас, выстригивая идеальных воинов. Силы росли, с ними приходила и уверенность в себе. Мой брат, как и следовало ожидать, млел от нового наставника и пытался во всем походить на него. Занятия магией тоже продолжились, зато пострадали наши уроки с гномом — этим временем полностью завладел эльф. Месяц пролетал один за другим, а моя жизнь напоминала мне какую-то бешеную гонку к цели, которая оставалась полнейшей загадкой. За последний год Ким значительно подрос, раздался в плечах и стал еще сильнее похож на отца. В нем чувствовалась, если можно так сказать, порода. Стать, с которой он двигался, манера речи и естественность, с которой он держался, играя роль представителя дворянства, сочетались с непосредственностью деревенского паренька, что придавало моему брату особый шарм. Я же стала напоминать бледную поганку на длинной ножке. Так и не округлившись в тех местах, которые были особо приметными у моей матери, я совершенно потеряла всякую надежду стать хоть немного очаровательной... А еще я забросила чтение любовно-лирических романов (да, да я их почитывала, у Элфи обнаружилась весьма внушительная коллекция). К чему вновь и вновь расстраиваться, когда очередной красавец-мужчина влюбляется в пышногрудую шатенку и ради нее готов горы свернуть. Нет уж, увольте. Мысли о представителях противоположного пола посещали меня все чаще, вводя в полнейшее унынье.

Но был и положительный момент в строении моей фигуры. Я будто была создана для того, чтобы держать меч в руках. Против эльфа я могла продержаться на равных минут пять точно. Кстати, об эльфе. Последнее время я все чаще начала ловить на себе его задумчивые взгляды, должно быть, он готовил очередную гадость. Казалось, он уже перепробовал на нас все виды пыток и издевательств, кроме тех, что ведут к летальному исходу.

Гном частенько клял ушастого всякими словами, когда думал, что его никто не слышит. А вот Орэн молчал и даже виду не подавал, лишь вручал нам снадобья от синяков, лихорадки или для сращивания костей...

Лиамиэль научил терпеть, а точнее, не замечать боль. Благодаря ему я изменилась, точнее, мы изменились и повзрослели. Перестали ждать, что нас пожалеют, и искать родительской заботы у Орэна. Я не стану описывать все то, что с нами делал эльф, так как от воспоминаний об этом у меня до сих пор возникает лишь одно желание: забраться с головой под кровать и никогда не выбираться оттуда. Скажу лишь только, что он был жесток, и это сделало меня той, кем я стала в итоге. И хотя бы за одно это я говорю ему спасибо... сейчас.

На наше шестнадцатилетие домой мы уже не отправились. И не потому, что не хотели, а потому, что понимали: слишком мало времени, слишком мало усвоено. Казалось, что чем больше мы учимся, тем более безграничные знания открываются перед нами. Зато на наш день рождения Орэн доставил письмо от мамы. Как он вытворяет подобные штуки, так и оставалось загадкой, а сам маг отказывался вдаваться в подробности. Корявым почерком Рэйна записывала то, что надиктовывала ей мать. Нима рассказывала нам о том, как наш племянник делает первые шаги, как хорошо ей помогает жена Карима. Наши старшие братья открыли дело в Каргене, и, по словам матери, оно начало приносить неплохой доход. Родители несколько раз были у них в гостях.

Были и печальные новости. Старая знахарка не смогла спасти Дирка. Наш друг умер от лихорадки на исходе зимы, его отец с тех пор не отрывается от горлышка бутылки, а матери практически не видно на улице... Вот так оборвалась жизнь маленького мальчика, который лично для меня навсегда останется чумазым пацаненком со смешливым взглядом и россыпью веснушек на лице.

В этот день ни о каком празднике речи уже и быть не могло, мы с Кимом поднялись ко мне в комнату, легли на кровать, брат обнял меня, пока я покрывала его рубашку слезами, да так мы и пролежали, обнявшись и не осознав, когда именно глаза закрылись и пришел спасительный сон, что уносит с собой воспоминания и боль.

Лето... Что такое лето? На севере — надежда на жизнь. На юге — приоткрытая дверь в преисподнюю. Подобной жары на севере не бывает, а вот Эдэльвайс может похвастаться такими температурными скачками в это время года, что в огне покажется прохладней, чем в городе. Единственное время, когда можно было находиться на улице, не обливаясь потом и не прячась в тени деревьев, — это раннее утро. Вот и это утро мало чем отличалось от ему подобных, разве что сегодня Орэну необходимо было отлучиться в город. Ким, услышав об этом, напросился сопровождать мага, мотивируя это тем, что вот уже три года он живет в окрестностях Эдэльвайса, а самого города так толком и не видел.

Я же напрашиваться с магом не стала. Куда приятней было немного отдохнуть дома, сходить на пруд, что находился в сердце парка, разбитого вокруг поместья мага, или прогуляться с моим котиком опять же по парку. А если быть честной, то я побаивалась большого города. Мне казалось, что стоит войти в городские ворота, как все тут же начнут на меня пялиться. Станут тыкать пальцами в белоснежные волосы и тихо посмеиваться, в кого я такая уродливая уродилась.

«Дура ты», — прервал мои размышления знакомый голос.

— Что, прости? — оторвалась я от созерцания содержимого моего шкафа.

«Я что, шепелявлю? Или, может быть, страдаю от мысленного заикания? — а ехидство-то так и прет. — Я сказал, что ты дура», — размеренно повторил Каа'Лим.

— И чем же на этот раз я заслужила столь лестный эпитет? — извлекая из недр шкафа белое легкое платье из какой-то воздушной ткани, спросила я.

«Ты, глупая женщина, даже не представляешь, как бы на тебя смотрели эти людишки, если даже эльф с трудом взгляд отводит», — заявило мое усатое чудо.

— Теперь уже я начинаю переживать за твое умственное здоровье, — хихикнула я, скидывая с себя ночнушку и аккуратно натягивая платье.

«Женщина, возможно, ты и слабоумна, и, быть может, даже зрение твое тебя подводит, но я-то точно все вижу и понимаю абсолютно правильно и верно».

— Ну и чего же ты там такого разглядеть успел? Поделишься? — старательно расчесывая свои длинные, ниже пояса, бесцветные волосы, ехидно спросила я.

«Они цвета белого серебра», — мысленно поправил меня Каа'Лим.

— Они, — выразительно ткнув себя пальцем в макушку, заявила я, — цвета бесцветия!

«Я не стану повторяться», — обреченно вздохнул кот.

— Вот и помолчи. Я тоже, знаешь ли, не первый день на свете живу и помню, как меня воспринимали люди в Пограничье... Шарахались, словно я чумная какая, несмотря на то, что я прожила с ними бок о бок тринадцать лет. А что будет с неподготовленными зрителями, страшно даже представить, — гневно швырнув расческу на столик, закончила я свой монолог.

«Понимаешь ли, Майэ'раами... то есть Марами, — быстро поправил себя дэйург, а меня от такого произношения имени невольно передернуло, — не все так, как кажется на первый взгляд. То, как ты воспринимаешь окружающих и их отношение к тебе, не всегда бывает таким, каково оно на самом деле».

— О, я прошу тебя, только не включай мудреца! Только не этим прекрасным солнечным утром! Хочешь, мы пофилософствуем, но вечером, я под это дело засыпаю хорошо.

Если серьезно, то меня просто невероятно смутили его слова. Захотелось на воздух.

— Ты со мной?

«Нет, не люблю водные процедуры без необходимости. И потом, надо бы повара проконтролировать, а то совсем распустился! Зачем, скажи мне, портить мясо овощами?»

Ну вот и мой любимый Каа'Лим вернулся. Кстати, киска моя теперь доставала мне до пояса в холке, а головой упиралась в подмышку. Так как Каа'Лим наотрез отказался переезжать на пол или в отдельную комнату, мне поменяли кровать, и теперь она занимает добрую половину комнаты, но мне ни тепло ни холодно от этого. Я как спала у стеночки, так и продолжаю, а остальное пространство давно отвоено этой наглой усатой мордой.

«Я все слышу», — донеслось до меня, когда я уже направлялась к выходу из поместья.

Выйдя на парковую аллею, ведущую к пруду, где я планировала наконец-то поплавать, я все еще размышляла над нашим с Каа'Лимом разговором. Возможно, я и неправа, как знать, но факты говорят сами за себя. В Пограничье меня недолюбливали, относились либо с презрением, либо снисходительно, но только так и никак иначе. Единственные, кто меня воспринимал такой, какая я есть, — это моя семья и Дирк. Воспоминания о нашем друге вновь кольнули сердце, заставив его болезненно сжаться. Если бы на тот момент рядом с Дирком был такой маг, как Орэн, все могло бы сложиться по-другому. Если бы...

Я так погрузилась в свои размышления и воспоминания о друге, вероятностях, как все могло бы сложиться, что совершенно машинально добралась до места, расшнуровала платье, швырнула его на ветку дерева и начала спускаться в воду. Естественно, я и не подумала о том, что кроме меня здесь еще кто-то может быть, и даже не потрудилась накинуть на себя сверху хотя бы сорочку.

Вот уже год прошел с тех пор, как Лиамизель согласился выплатить свой долг. Когда он только приступил к своим обязанностям, то решил, что не важно, какие мотивы подвигли его на этот шаг. Если эр Каэль дал свое согласие, значит, необходимо выполнить обязательства с полной отдачей. И не только по отношению к девочке. Мальчик тоже получит от него все знания, какие за два года способен перенять человек у эльфийского мастера эркай'аль^[1].

Сначала Лиам полностью контролировал свое отношение к подросткам, но постепенно начал ловить себя на мысли, что ему нравится обучать их. Ким оказался весьма способным и старательным учеником и относился к эльфу так, как и положено юному эркай'миэль^[2]. Казалось, он ловит каждое его слово, каждое движение с таким восторгом, что это в какой-то степени даже льстило Лиаму. Мара же была просто мечтой для любого мастера эльфийского боя. Только вот отношение девушки к самому Лиамизелю оставалось прохладным и даже немного презрительным. Это задевало эльфа, хотя он и понимал, почему так происходит. Будучи эмпатом, как и большинство эльфов, Лиам улавливал ее эмоции. Да и дэйург периодически разъяснял ему, что творится с ученицей.

Оказалось, девочка подсознательно чувствует себя оскорбленной и никак не может простить этого эльфу. Подобное заявление слегка озадачило эльфа, ведь такого рода злопамятность нечасто встречается у людей, да и нелюди редко бывают настолько мелочны, чтобы на протяжении многих лет помнить мелкие обиды, хотя и не все. Гномы, например, весьма злопамятные создания. На это дэйург многозначительно фыркнул и сказал, что если Мара и гном, то уж точно с дефектом. Такой дылдой для гномихи быть просто неприлично. А Лиамизель понял, что это существо знает куда больше, чем говорит. Но думать над тем, к какой из рас принадлежит девушка, пока было рано. Все особенности проявятся лишь по

достижении половозрелости. А пока он будет рядом и постарается помочь, насколько это возможно.

Шло время, и проницательный эльф замечал все физические и моральные изменения своих подопечных. Ким из угловатого подростка превращался в весьма интересного молодого человека. Он заметно возмужал, поменялось и его отношение к сестре. Если раньше парень относился к ней как к сорванцу, то теперь он все больше старался позаботиться о ней. Иногда, во время тренировок Мары с эльфом глаза Кима злобно сверкали в сторону Лиама, как бы предупреждая: «Позволишь себе что-нибудь лишнее — и ты не жилец, приятель». В таких случаях эльф просто посылал Киму успокаивающий импульс, и парень приходил в себя.

Мара же превращалась в настоящую красавицу, даже на предвзятый вкус Лиама. Все, начиная с ее кожи и заканчивая кончиками волос, было совершенным, ее тело становилось нечеловечески изящным и точеным. И когда Лиамиэль брал в руки меч и начинал тренировку с девушкой, то периодически ловил себя на мысли, что не сражается с ней, а рассматривает ее, любуясь тем, как она движется, как ее волосы, словно белое пламя, летят вслед за ней, как гибко и сильно ее тело. Глаза Мары в такие моменты наполнялись серебряными искрами, заточенными в темный ободок радужки. На бледных щеках проступал светло-розовый румянец, а губы, наоборот, становились алыми, будто кровь. Но стоило эльфу поймать себя на подобных сравнениях, как он начинал выкладываться по полной, и девушка в скором времени теряла свое оружие.

Молодой эльф (да-да именно молодой, если перевести на человеческий возраст, то Лиаму было всего двадцать с небольшим лет. Эта раса, как и большинство бессмертных, не только долго жила, но и медленно взрослела. Когда Орэн встретил Лиама, тот выглядел, как пятнадцатилетний пацан и чувствовал себя так же, хотя в годах превосходил мага уже тогда) гнал от себя подобные мысли, считая их лишними и несвоевременными.

Со стороны могло показаться, что эльфы — весьма меланхоличные и апатичные существа, но то была лишь видимость. Эта раса не была порывистой и скоропалительной в решениях, а ценила истинные чувства, стараясь не размениваться на то, что уже завтра потеряет всякое значение.

Этим утром старый маг отправился в Эдэльвайс, прихватив с собой Кима. Пора было оговорить подробности поступления ребят в Межрасовую академию магии. Несмотря на всю экономическую отсталость человеческих земель, именно это место было выбрано для основания академии как нейтральная территория, где представители различных рас могли не только обучаться магии, но и узнавать друг друга непредвзято. Будущие правители, высшая знать и просто магически одаренная молодежь стекались в этот человеческий город со всех концов света. Некоторые проходили обучение здесь не по одному разу, и это считалось нормальным. Учиться можно было по различным направлениям, не только магическим. Так, например, оборотни в совершенстве владели своей магией с рождения и отправлялись в данное учебное заведение не столько учиться управлять своими силами, сколько овладеть тонкостями дипломатии и международного права. Направлений существовало множество, а цель для высших рас была одна — это общение и заведение полезных знакомств, а также усовершенствование уже имеющихся навыков.

Что касается расы людей, то представители высшего сословия свободно могли учиться в Межрасовой академии магии. Но из-за некоторых шагов, предпринятых в прошлом, среди человеческого дворянства уже давным-давно не рождались сильные маги. Из сильных

людских магов остались лишь такие, как Орэн и еще несколько десятков столь же «древних» ребят.

И вот теперь появляются никому не известные двойняшки, племянники Проклятого мага... Как на это отреагируют в академии, Лиам боялся даже представить. Отношение к Орэну у эльфа за этот год не поменялось, как уже говорилось, эта раса не любила быстрых решений, но вот его ученикам эльф, несмотря ни на что, симпатизировал. И ему очень хотелось, чтобы Мара, то есть двойняшки поступили учиться. Да он и сам решил пройти обучение вместе с ними. Это решение возникло в его голове в считанные секунды и показалось самым естественным, что может быть.

Проснувшись на рассвете, как раз после отъезда мага и его ученика, Лиамизэль решил воспользоваться свободным утром и отправиться в парк, так напоминающий ему родной лес. Лиам, как и все его сородичи, имел особую связь с природой. Иногда казалось, что его дыхание — это дыхание всего живого вокруг, он чувствовал течение жизни, что заключалась в каждом дереве, травинке, цветке... Люди не понимали, что их окружает целая вселенная, ему же такое осознание было доступно, и это делало каждый день неповторимым.

Так, растворяясь в собственных ощущениях, эльф добрался до пруда. Аккуратно сложив свои вещи в стопку, Лиам разбежался и рыбкой ушел под воду. Сколько времени он провел под водой, эльф не мог сказать. Стараясь отстраниться от всего окружающего, он замедлял биение своего сердца, все больше погружаясь в себя, очищая разум и сознание. Его медовые волосы развевались в потоках воды, а безупречное тело, словно вышедшее из-под руки талантливейшего скульптора, замерло в позе лотоса на дне озера. Воздух был не нужен, он дышал жизнью вокруг, впитывая в себя ощущения мира.

Так было, пока к ощущению всеобщей гармонии не добавилось что-то еще, чуждое... и такое родное. Лиам разомкнул веки, оттолкнулся от дна ногами и с невероятной скоростью устремился вверх. Вынырнув на поверхность, он оказался в каких-то миллиметрах от нее...

Мара замерла с широко распахнутыми глазами, ее белоснежные волосы, намокнув, облепляли шею и небольшую грудь. Губы ее едва приоткрылись, и на них потерялся удивленный вскрик. Лиам смотрел на нее, не находя в себе сил, чтобы отвести взгляд. Ее хрупкие плечи подрагивали. Сам не понимая, что делает, эльф поднял руку и ласково провел большим пальцем по щеке девушки. От этого Мара вновь вздрогнула и сама неосознанно наклонилась навстречу Лиаму. Их губы соприкоснулись, мужчина почувствовал, как к его груди прикасаются ее твердые соски, и от этого застонал.

То, что испытывал в этот момент Лиам, было бы сравнимо с падением древней цивилизации. Невозмутимый, вечно рассудительный эльф терял контроль, понимал, что это неправильно, и от этого приходил в еще больший восторг. Должно быть, подобное чувствуют люди, хотя нет, у людей все слишком дешево, а его эмоции сейчас были бесценны. На протяжении всех веков, которые для эльфа были такими же, как годы для людей, Лиам не испытывал такого пожара внутри. Ее мягкие теплые губы, так неумелодвигающиеся вместе с его, рождали в душе даже не страсть, а что-то большее... Для него новое и непонятное. Руки девушки осторожно накрыли его плечи, а Лиам жестко притянул ее за талию к себе. Ту жажду, что была в нем столько лет и которую не могла удовлетворить даже самая искусная любовница в мире, обуздали эта девочка просто тем, что обняла его сейчас.

Но все же за плечами эльфа были не только годы, но и осознание собственной ответственности. Кто бы знал, каких трудов ему стоило сейчас сделать вдох и отстраниться от Мары. Девушка, тяжело дыша, распахнула глаза, похоже, начиная осознавать то, что сейчас

произошло. Щеки залило алой краской, и Мара попыталась вырваться из объятий эльфа.

— Нет, нет, — как можно спокойнее и ласковее заговорил Лиам. — Все хорошо, нам нечего стыдиться. Но сейчас рано для тебя... для нас, — тщательно подбирая слова, продолжал эльф. — Не бойся, хорошо?

— Я... — выдохнула девушка. — Мне так стыдно...

— Тебе нечего стыдиться, прошу тебя, перестань. — Лиам не удержался и вновь провел своей ладонью по щеке девушки.

От его прикосновения Мара вновь вздрогнула и покраснела, кажется, еще больше, а потом наклонилась и положила свою голову на плечо эльфу. От этого прикосновения вздрогнул уже он. Было так приятно ощущать ее хрупкую фигурку в своих объятиях. Стоило подумать об этом, как пожар в его груди и внизу живота, только обузданный, начал разгораться с новой силой.

— Не бойся, я все понимаю. Я сделаю все, чтобы ты не чувствовала неловкости за этот поцелуй, поверь, — насколько мог судить эльф, именно это должно было волновать девушку.

— Я не этого боюсь, а того, что захочу поцеловать тебя еще, — сказала скорее для себя девушка куда-то в плечо Лиаму, надеясь, что эльф не услышит. Но конечно же Лиам услышал и улыбнулся. Пусть не сейчас... Пусть потом... Но когда они оба станут студентами, у эльфа будет шанс...

— Давай я выйду первым и отвернусь, — нехотя предложил эльф. Осознание того, что надо разомкнуть их объятия, приносило почти физическую боль.

— Я... а может, постоим так еще немножко, — робко предложила Мара.

Эльф на это лишь широко улыбнулся, продолжая поглаживать спину девушки, шепча ей на ухо ласковые слова. Мара же выводила пальцами на спине эльфа замысловатые узоры, боясь даже вздохнуть, чтобы не нарушить то волшебство, что обретало жизнь в ее сердце.

Они стояли так долго, и лишь когда оба начали дрожать от холода, Лиам вышел из воды и оделся. Подождав, пока Мара тоже будет готова, эльф протянул ей руку. Девушка, пряча счастливую улыбку в уголках губ, приняла ее. Не сказав ни слова, они, держась за руки и пытаясь запомнить тепло, что исходит от этих прикосновений, проделали обратный путь к поместью. Лиам проводил девушку до комнаты, а возле двери развернул Мару лицом к себе и просто сказал:

— Не мучь себя мыслями о том, что произошло. Время для нас еще придет, но не сейчас.

Не удержавшись, он поцеловал девушку в лоб и, отпустив ее руку, отправился к себе, так и не обернувшись. И не увидел слезу, что медленно сползала по ее щеке.

Бывают моменты, которые разрывают жизнь на две части, деля ее на прошлое и будущее. Тот миг, когда Дирк рассказал нам об Орэне, был первым, когда моя жизнь кардинально изменилась. Когда Орэн забрал нас из дома, это произошло во второй раз. А когда Лиам поцеловал меня... я поняла, что жизнь моя приняла какое-то новое направление. Словно весенний горный ручеек, что так долго искал свою единственную реку, наконец-то попал в нужное русло. Так это было странно — не враждовать с ним, не держать удар под давлением его меча, а просто ощущать тепло его тела под кончиками пальцев. Казалось таким естественным, что его губы просто целуют мои, даруя ласку. В сердце поселилось какое-то новое, до того неведомое мне чувство.

Я смотрела ему вслед, стоя практически на пороге своей комнаты, и понимала, что многое сегодня изменилось для меня. Позже я называла этот момент переломным. Мое

детство уходило шаг в шаг с эльфом. Я стала девушкой, и я впервые влюбилась.

Скорее всего, Лиам завтра на тренировке или уже сегодня, за ужином, и виду не подаст, что что-то не так, и наверняка как обычно нацепит на себя свою любимую маску легкого отчуждения. Для себя я тоже решила, что буду хранить это светлое чувство в сердце очень бережно, столько, сколько смогу. А лучше всего действительно не думать, не вспоминать, отстраниться... Только как это сделать?

«Ты знаешь, какой на самом деле сегодня день?» — раздалось из комнаты знакомое урчанье.

— Ну? — как-то отстраненно, все еще пребывая в своих мыслях, поинтересовалась я.

«Этого дня я ждал и боялся со времени нашей встречи. А знаешь, почему?» — как-то совсем уж апатично поинтересовались у меня.

— Да говори уже, — сколько можно тянуть кота за... мм... хвост?!

«Ты втрескалась! Ты втюрилась!!! Втюхалась по самые уши! — загромыхало у меня в голове. — А как же я? Ты обо мне подумала?! Думаешь, мне своих мыслей мало, а теперь еще весь этот твой сопливый бред слушать и днем, и ночью, и даже в обед! Я этого не вынесу! Ах, Лиам, как он посмотрел на меня! Ах, какие у него губы, как лепестки роз! Ах, он само совершенство! Еще тысячу таких вот «ах» — и я сойду с ума!»

«Так не слушай, я не против», — мысленно огрызнулась я, чтобы не кричать на весь коридор.

«Если б я мог, если б я только мог», — как-то совсем обреченно произнесла моя киска.

«Но ведь ты умеешь закрываться от Орэна и других, я знаю».

«От них — да, но не от тебя».

Кажется, мой котенок совсем приуныл.

— Как так? — уже вслух спросила я.

«Мара, — в дверной проем просунулась голова моего мохнатого товарища, — я объясню тебе, но ты не просто пообещаешь, ты поклянешься, что не станешь задавать вопросов. Еще не время».

— Что ж, ты меня заинтриговал, пойдём в комнату, что ли, а то я как-то притомилась.

Что-то типа «пф-ф-ф» было мне ответом.

Когда я улеглась на кровать, моя киска залезла сверху и опустила свою огромную пушистую голову на мой живот. Дышать сразу стало тяжелее.

«Знаешь, тогда, в ущелье... Я ведь должен был умереть», — уже спокойным голосом заговорил Каа'Лим.

— Прости, что? — не совсем осознавая, к чему клонит дэйург, спросила я.

«Да, девочка, умереть, несмотря на то, что ты вытащила меня из пропасти. Смерть моя стояла уже на пороге. Я знал это и был готов, если к такому вообще можно подготовиться... — Каа'Лим сделал глубокий вдох, отчего мой живот обожгло горячее дыхание, и продолжил: — Что ты знаешь о моей расе?»

Он не сказал «виде», так как эти создания считались одной из мудрейших рас моего мира среди разумных и уж точно не относились к животным. Вот, наверное, и все, что я потрудилась узнать за это время. Стало немного стыдно за свое невежество.

«Ну, от тебя я большего и не ожидал. Живешь в своем мирке, как курица на насесте, никого больше не замечаешь», — в своей излюбленной манере заворчал это несносное создание. А вот я решила обидеться! Тоже мне мудрейший!

«Ладно, не дуйся, — первым вывесил белый флаг дэйург. — Пожалуй, я буду милостив и

немного помогу тебе окунуться в историю высших рас. Заметь: не перворожденных, а высших. Разница, поверь мне, есть».

— Ну, лично для меня особой нет, людей, как я понимаю, вообще за отбросы считают.

«Так было не всегда, Мара. Не так давно человечество процветало, людей уважали и даже завидовали им».

— Что? Как, великая богиня, можно завидовать созданиям, которые все время болеют, рано умирают, грызутся друг с другом, да еще и, ко всему прочему, не успевают стать подростками, как уже начинают превращаться в сморщенные овощи! — недоумевала я.

«У людей есть искра, они живут эмоциями. Поверь, для тех из нас, кому недоступны чувства, это действительно причина для зависти. Да еще, ко всему прочему, люди могут возвращаться из-за Грани...»

— Грани? — Это слово что-то всколыхнуло в груди.

«Все мы после смерти отправляемся за Грань. И вернуться оттуда могут лишь люди, пусть даже при этом они и обретают новую жизнь, тело, семью. А такие, как мы, растворяемся там, наверное... Точно тебе смогут ответить на этот вопрос лишь хранители Грани, демоны».

— Демоны. — Что-то мне как-то совсем поплохело. Какие, к шертовой бабушке, демоны?!

Едва выровняв дыхание, я робко спросила:

— Они существуют?

Ответом мне было громогласное кошачье «ха-ха».

«Мара, ты меня поражаешь! Конечно, существуют! Нормальные ребята, кстати! Правда, живут закрыто, к себе особо никого не пускают, общаясь лишь с драконами и с нами, ну, с дэйургами то есть», — не без особой гордости закончил Каа'Лим.

— А остальным почему нельзя?

«Потому, дорогая моя, что эта раса держит нейтралитет и в основном выступает в роли судей или третьей стороны во всякого рода межрасовых конфликтах. Если демоны начнут вмешиваться и использовать свою силу, боюсь, даже драконов не останется».

— Почему? Они так сильны? — с содроганием сердца вопрошала я.

«Они хранители Грани, что тут непонятного? У каждого демона свой дар, но всех их объединяет одно — Грань, а это для большинства, моя милая, смерть. Поэтому мир не трогает их и их дом, Кайрус, а они, в свою очередь, не давят на нас. Лишь следят за порядком, правда, последнее время с этим возникли проблемы...»

— Какие проблемы?

«Шестнадцать с лишним лет назад Кайрус потерял своего последнего истинного правителя, — как-то уж совсем печально вздохнул Каа'Лим. — Кстати, именно его могилу я и искал в тот день, когда так глупо попался...»

— Что значит попался? Кто на тебя напал? — приподнявшись на локтях, я с тревогой посмотрела на своего друга.

«Ох, милая моя, это такая длинная история, боюсь, тебе еще рано вникать в ее подробности. Лишь одно тебе могу пообещать: однажды я тебе все расскажу. А пока давай без лишних деталей. Так вот, на меня напали, и я умирал, чувствовал, что это точно конец, пока не ощутил твое присутствие и не позвал».

— Но ты звал маму! — вдруг вспомнила я.

Кот приподнял морду, заглянул мне в глаза и... подмигнул!

«Материнский инстинкт развит у всех женщин, которым уже исполнилось шесть», — выдало это крылатое недоразумение.

— Ты... ты... — не знаю, почему, но мне стало обидно, — гад!

«Да брось. А ты бы стала помогать такой зверюге, как я, не будь ты уверена, что я дитя, которое страдает и ждет, что мама его спасет?»

— Ну тут ты прав. Чего отпираться, видок у тебя тот еще, — решила я немного подразнить свою кису, не все же ему надо мной потешаться.

«Это намек?» — притворно грозным тоном спросил Каа'Лим, обнажая свои длиннющие белоснежные клыки.

— Нет, нет, что ты, как я могу? — изобразив полное раскаяние, я в притворном жесте вскинула руки к груди.

«То-то же! И впредь помни, с кем разговариваешь, холопка!»

За такое заявление кошка получил по полной! Изловчившись, я схватила несколько прутиков-усов и дернула на себя. Кот издал протяжное «р-ря-а-а», вскочил на все четыре лапы и расправил свои белоснежные, в крапинку крылья. Мой бог, таким Каа'Лима я не видела или просто слишком привыкла к нему. Его мощные лапы промяли под собой матрац, и я начала скатываться по наклонной, оказавшись прямиком под ним. С этого ракурса он выглядел не просто внушительно, он был огромен! Крылья его, казалось, в размахе были метров пять или шесть, а то и все десять (не зря говорят, что у страха глаза велики!), мощная грудная клетка, внушительные клыки. На какое-то мгновение мне стало страшно. Я испугалась его и, кажется, даже вскрикнула.

«Ты совсем, что ли, дур-р-ра, больно же!»

— П-прости, — нервно сглотнула я, потихоньку приходя в себя. — Но ты, между прочим, сам виноват! — Интересно, пятнами я уже пошла или не все так плохо. — Что ты меня доводишь постоянно? Ладно, не важно, давай не отвлекайся от темы. Что там было, когда я все-таки тебя вытащила?

Дэйург неспешно опустил на кровать и вновь устроил голову у меня на животе.

«Так вот, дело было и впрямь дрянь. Крылья переломаны, на задней ноге порвано сухожилие, передние лапы, скорее всего, тоже были сломаны. Плюс разрыв селезенки и внутреннее кровотечение. Я бы не выкарабкался, точно знаю».

— Ты сам себя диагностировал? — почему-то спросила я.

«Да, это несложно, вы тоже такому научитесь в свое время», — ответил мне Каа'Лим.

— Это все, конечно, хорошо, но может, скажешь уже, почему ты не можешь закрыться от меня?

Как бы он хотел ответить ей сейчас всю правду, что была доступна ему! Как сильно он жаждал показать своей госпоже ее естество, чтобы она смогла принять себя... и его как свое естественное продолжение. Открыть глаза этой девочке, демону, маленькому и пока еще не вошедшему в период, безопасный для каждого представителя их рода. Он мечтал о дне, когда девушка наденет корону правящего рода и займет место наследницы, когда их общая родина вновь обретет истинного правителя и там воцарится долгожданный порядок. Ведь с момента смерти Ливераи, последней, как думают демоны, истинной императрицы и владычицы, страна погрузилась в пучину... нет, не хаоса — затмения. А это было страшно. Впервые раса находилась в таком положении. С момента существования Грани Кайрусом правили Серебряные. От них шла сила всего рода, всей расы, а с их исчезновением могла исчезнуть и

сама империя. Так гласили предания, что демоны с рождения узнавали от своих родителей.

Когда стало известно о смерти владычицы и ее нерожденного ребенка, империя замерла. Кто-то ждал смерти, кто-то надеялся на чудо и на то, что Грань избрет новых наследников, но ни того, ни другого не происходило. Время остановилось для демонов, страх парализовал их бессмертные сердца. Все они боялись сделать лишнее движение, чтобы нарушить и без того хрупкое равновесие не в пользу своей страны и своего личного будущего. Не было никакой борьбы за власть. Да и о какой борьбе может идти речь, если все решает Грань, а она так и не сделала свой выбор в пользу какого-нибудь из Домов.

Дэйурги же были не просто вхожи в империю, они являлись полноценными ее обитателями. Две расы не просто соседствовали, они тесно переплетались между собой, но об этом мало кто знал, кроме них самих. Всегда был выбор у каждого из народов — остаться по отдельности или найти «общую кровь», то есть соединить свои судьбы. Когда демон и дэйург соединяли свои нити, они превращались в единое целое. Их силы росли куда быстрее, чем у тех, кто оставался сам по себе. У подобного союза было много плюсов, но и минусов хватало. А кому понравится целиком делить сознание? Переживать за другого, как за самого себя (а иногда и сильнее)!

«Нет уж, увольте! Сдались мне эти силы! Я и так не жалею. И вообще, не собираюсь я менять свою свободу и независимость на то, чтобы день и ночь переживать за какого-нибудь хмыря!» — так совсем недавно считал Каа'Лим. Откуда он мог тогда знать, что уже совсем скоро найдет «свою кровь» и уже тогда будет думать о том, как он мог так долго жить без нее! Как одиноко ему было, какая пустота царила в его душе! Это была не любовь, как между мужчиной и женщиной, конечно нет, это было живое касание душ, связь, которая бывает у самых родных на свете. Во всяком случае, сам Каа'Лим расценивал это именно так. А его маленькая владычица даже не осознавала, что между ними произошло тогда...

Ведь она сама подсознательно соединила их как раз перед тем, как потеряла сознание на том горном утесе. Как же он растерялся тогда! И каково же было его состояние, когда он почувствовал энергетику ребенка. Сам Каа'Лим не знал, что ему делать: радоваться, что владычица все-таки сумела родить свое дитя, переходя северную границу человеческих земель, рыдать навзрыд, что девочка соединила его нить со своей, не спрашивая его согласия, или вообще бежать с радостными известиями к своим?! Немного поразмыслив, дэйург подумал о пропавшем страже владычицы. Скорее всего, именно он определил ребенка в семью деревенского кузнеца. А ведь его уже долгие годы считают виновным в смерти Ливераи и даже заочно приговорили к смертной казни. Стал бы убийца владычицы оставлять в живых наследника? Или, может быть, не все так однозначно в этой истории?

Так, отойдя от первоначального потрясения, молодой дэйург решил остаться рядом с маленькой наследницей и понаблюдать. Годом раньше, годом позже объявится новая владычица, по большому счету это не имеет значения. Теперь это несущественно. Она жива — вот, что имеет значение, а время — ничто, оно течет и течет, никуда не денется.

А еще Каа'Лима посетила мысль, что, быть может, и его пребывание на северной границе человеческих земель как раз в то время, когда Мара с названным братом приехали погостить домой к родителям, — это не такая уж и случайность. Но как подобное можно было организовать, оставалось для него полнейшей загадкой. Пока.

А Маре дэйург сказал следующее, буквально стиснув до боли челюсти и подавляя желание выложить все на чистоту.

«Ты спасла мне жизнь, девочка, оттого и связь у меня с тобой крепче, и закрыться куда

тяжелее».

«Когда-нибудь, когда ты пройдешь через изменения, и тебе, «моя кровь», придется учиться жить с этим», — про себя добавил он.

Ким только и успевал вертеть головой. Вокруг него открывался новый, захватывающий и совсем неизвестный мир Эдэльвайса. Столько людей в необыкновенной, яркой и нарядной, а иногда и не очень, одежде проходило мимо них с магом. Здания поражали своими размерами и фасадами. Броские вывески магазинов, таверн, постоялых дворов, гостиниц, мастерских захватывали дух и манили. Казалось, что юный маг был создан для большого города, здесь он чувствовал себя на своем месте. Конечно, столицу Ирэми можно было принять за уездный городок, если сравнивать со столицей тех же эльфов, но Энаким пока об этом не знал, и ему казалось, что он попал чуть ли не в центр мироздания. Юное сердце трепетало от непередаваемого восторга. Единственное, о чем жалел сейчас парень, так это о том, что сестра не видит всего этого. Но ведь у них все еще впереди, правда?

Ким не мог передать словами того чувства благодарности, которое он испытывал к Орэну. Страшно было даже представить, как он и Мара жили прежде. Парень любил и мать, и отца, но ни за что на свете не хотел бы вернуться в Пограничье. Иногда он думал, что должен был и в самом деле родиться сыном дворянина и по праву рождения иметь то, что давал ему сейчас старый маг. И тем не менее он был счастлив, хотя и задумывался о том, что будет, если их обман откроется. В отличие от своей сестры, которой было плевать на богатство, положение в обществе и прочие атрибуты человеческого дворянства, Ким боялся однажды все это потерять. Он хотел стать магом, как Орэн, чтобы его уважали, иметь силу, с которой бы считались.

Проходящая мимо молоденькая девушка с корзиной, полной свежих булочек, приветливо улыбнулась парню и даже кокетливо закусил губку, провожая его взглядом. Киму невероятно понравилось это чувство, когда на него обращают внимание, тем более хорошенькие девушки. Интересно, а если бы перед ней оказался сын кузнеца, одарила бы она его столь откровенным взглядом?

Несмотря на возраст, Орэн настоял на том, чтобы путешествовать на лошадях. «Я и так слишком стар, чтобы отказывать себе в таких маленьких радостях, как верховая езда. Так что никакой кареты!» — доказывал маг гному. Поэтому сейчас Орэн и Ким восседали на гнедых жеребцах. Несмотря на свой почтенный возраст, чувствовал себя маг порой даже моложе своих учеников, уж чем-чем, а здоровьем магия одаривает щедро.

Сначала Орэн думал отправиться в академию один, оставив Кима на каком-нибудь постоялом дворе, но, немного поразмыслив, все-таки решил взять с собой. К чему откладывать то, чему все равно суждено случиться? Сейчас им предстояло проехать в самое сердце Эдэльвайса. Грандиозный учебный комплекс являлся городом в городе, и студентам не было нужды покидать стены альма-матер.

Студенческий городок был отгорожен огромной каменной стеной, которая не только выполняла свою основную функцию, но и выступала в качестве фундамента для энергетического щита, укрывавшего весь комплекс от стороннего воздействия. Внутри *города магов* использовались искажающие пространство заклинания, так что изнутри городок был гораздо больше, чем снаружи. Если Эдэльвайс поразил Энакима, то, войдя в ворота академии и оказавшись на пересечении множества рас и культур, он просто был шокирован.

Архитектура действительно поражала, сочетая в себе, казалось бы, совершенно несочетаемые вещи. Улицы, мощенные розовым камнем, будто лучи, тянулись к учебным корпусам, вдоль них располагались эльфийские мастерские (кого там только не было, от портного до кондитера!); гномьи кузницы; таверны, кафе, рестораны, хозяевами которых являлись в основном эльфы и оборотни; книжные магазины; аптеки; парикмахерские, в которых также работали представители различных рас. Было поразительно видеть существ, половину из которых не можешь даже опознать. Каждый из них приносил в свои заведения особенности своей культуры, делая здания более внушительными или воздушными, но вместе все это смотрелось очень гармонично. Встречались и жилые дома, правда редко, поскольку сейчас маг и его ученик находились в торговой части студгородка. Была здесь и парковая зона, и ученические общежития, и конечно же сам учебный комплекс.

Люди на пути спутников встречались редко, но все же и таковые имелись. Правда, вид у них был какой-то слегка отрешенный, будто бы они являлись здесь гостями, которых никто особо не ждет и не прочь спровадить. Но вот то, как держал себя маг, было странным для Энакима. Горделивая осанка, ни тени эмоций на лице... И откуда мог знать Ким, какими ненавидящими взглядами сверлят спину старику проходящие мимо эльфы, вампиры, гномы, оборотни. Даже драконы и те смотрели с неприязнью и налетом брезгливости. Проклятый маг посмел переступить порог обители знаний!

Где-то минут через сорок перед Кимом предстало здание Межрасовой академии магии. Если до этого молодой человек думал, что дальше удивляться уже некуда, то сейчас понял, как сильно он ошибался. Казалось, башни академии упираются в небо, а то, насколько огромной она была, вообще не укладывалось у него в голове. Внутри здания у парня опять сбилось дыхание. Огромный холл, высокие потолки, украшенные барельефами и фресками, и все это из какого-то бежевого, на ощупь теплого, камня.

Орэн не говоря ни слова направился к лестнице. Студентов в коридорах учреждения на данный момент не было, так как шли занятия, и ничто не мешало магу беспрепятственно проследовать в кабинет того, кто вот уже не первое столетие управлял всем этим сложнейшим механизмом.

Тарий с удовольствием уселся на широкий подоконник в своем кабинете, задрал мантию повыше и уперся ногами в оконный откос.

Блаженство и тишина. Пока это стадо охламонов вынуждено сидеть на занятиях, он может немного расслабиться! Сегодня был не самый легкий день, а все из-за этой студентки-вампириши. Фрида Морид, какая-то неконтролируемая, стыдно сказать, нимфоманка с задатками маньяка, правда, не сексуального! Девушка была прирожденным садистом, Тарий видел это в ней. Что с ней делать, он не знал. Ситуация осложнялась тем, что девушка являлась членом королевской семьи.

Как же он устал! Хоть его подопечные уже и взрослые, но хоть какие-то нормы морали соблюдать надо! Если уж так приспичило, можно и номер в гостинице снять! И то, как относилась эта представительница расы вампиров к людям, было просто неприемлемо! Количество жалоб множилось. А ведь половина адептов была настолько запугана, что и пожаловаться не решалась. Эта тварь брала у них кровь, унижала, издевалась, и все сходило ей с рук, ведь у нее был папа, а у Тария — договор, связывающий ему руки.

Старый вампир, выглядящий, как двадцатилетний пацан, был ректором Межрасовой академии магии. Его боялись и уважали все, кроме Фриды Морид, она была

неприкосновенным цветком, любимой доченькой *его величества* и невероятной занозой в заднице ректора. Стыдно сказать, но, столкнувшись с этой студенткой, Тарий действительно начал чувствовать себя мальчиком, он не мог прижать эту девку ни магически, ни морально. Эх, если бы он не был ректором! Но его сдерживали клятвы и обязательства. Отчислить ее он не мог, на основании чего? Подумаешь, распутница? Ну попила немного кровушки, так это ж у людей, все живы, и никто ничего не видел! Ну и что, что унизила ни в чем не повинную человеческую девушку, подумаешь. Случайно вышло. И ничего, что теперь над девушкой глумятся даже люди...

Что ему предпринять, Тарий не знал, с подобным этот умелый маг и бесстрашный воин столкнулся впервые. А самое глупое, что на первый взгляд и проблемы-то особой не было. Подумаешь, с психикой у Фриды не все в порядке, так подростковый период, у кого нормально-то?! Но он понимал: нельзя учить таких студентов, нельзя! Вспомнить хотя бы историю с Орэном...

«Вроде и живем долго, а ничему не учимся!»

С досады Тарий слегка ударил кулаком по откосу, и кусочки каменной крошки посыпались на голову ректора.

— Гадство какое, — пробормотал он, соскакивая с подоконника и отчаянно трясая головой, чтобы избавиться от пыли в густых каштановых вихрах.

Вмятина в стене тут же начала затягиваться. Здание академии было практически живым организмом, считалось, что от чрезмерного использования магии камень постепенно приобрел совершенно удивительные свойства.

Маг уверенным шагом преодолел расстояние от лестницы до холла второго этажа, где находился телепорт, и провел рукой над источающей зеленый свет пластиной, вмурованной прямо в стену, после чего она поменяла цвет на нежно-голубой. Арка телепорта засветилась серебристым, что означало готовность к перемещению. Все, что оставалось, — это четко отдать мысленный приказ, войти в арку и переместиться по заданным координатам.

— Ким, закрой разум, а то нас с тобой так занесет, не вернемся, — полушутливо проговорил Орэн.

— Что это? — замороженно уставившись на сияющую арку, пробормотал Ким.

— Стационарный телепорт. Он работает от силы мысли, так что закрывайся, нам надо спешить, — сказал маг и, взяв парня за руку, шагнул во все еще сияющую арку.

Вышли они уже на самом последнем этаже здания. Голова у Энакима слегка кружилась, а вот Орэн невозмутимо повернул налево и направился в самую глубь этажа. Ким, должно быть интуитивно почувствовав, что для вопросов сейчас не время, засеменил следом. К слову сказать, шли они где-то минут пятнадцать, и за это время им не встретилось ни одного живого существа. «Просто дом с привидениями какой-то», — растерянно подумал парень, но от мага старался не отставать.

От самой академии мальчик ждал чего-то большего. А тут... Голые, песочного цвета стены, высокие потолки и темно-коричневые деревянные полы, покрытые лаковой краской. Никаких картин, элементов декора, волшебных вещей... ничего. Только двери, двери, двери с одной стороны и огромное, во весь коридор, окно с другой. Парень даже не задумался над тем, что идут они уже около двадцати минут, причем довольно быстрым шагом, так и не дойдя до конца коридора. А ведь снаружи то место, где они сейчас находились, выглядело всего лишь одной из башенок замка. Откуда он мог знать, что это — целый

административный корпус?

Остановились они перед внушительного вида дубовой дверью в конце коридора. Орэн, стараясь сделать это незаметно для Кима, глубоко вздохнул и, медленно выдохнув, протянул руку к двери. Маг не стал стучать, а просто провел ладонью около замочной скважины, и дверь сама распахнулась.

«Да не ступит нога нежданного гостя», — про себя ухмыльнулся Канэри.

Когда Ким переступил порог, то впервые за этот насыщенный день действительно замер от него изумления. Посреди со вкусом обставленного кабинета стоял щуплого вида паренек, не многим старше самого Энакима, облаченный в черного цвета мантию, и отчаянно тряс головой. От этого его пышная каштановая шевелюра была похожа на воронье гнездо.

Хозяин кабинета, казалось, даже не заметил, что у него гости. Откуда было Киму знать, что Орэн и Тарий уже давно поздоровались, правда мысленно, и сейчас старый вампир попросил мага обождать, пока он не вытряхнет из своей шевелюры «эту шертову шпукатурку».

К своим волосам ректор академии относился особенно ревностно, и поэтому ни о каком магическом воздействии и речи быть не могло. Тем более у вампиров был абсолютный иммунитет к своей собственной магии, и такой способ воздействия друг на друга был абсолютно недейственным. Хочешь драться — готовь кулаки и клыки, а свои способности оставь для других. С учетом того, что эта раса обладала особенно диким нравом, такая особенность не давала им окончательно перебить друг друга. А власть в стране всегда принадлежала лишь сильнейшему во всех отношениях представителю. Слабаков вампиры воспринимали как вещи, а расы слабее их — как еду.

— Прошу простить меня, господа, — наконец перестав мотать головой, немного запыхавшись, сказал Тарий.

Конечно, на самом-то деле он не запыхался, но долгое время, проведенное вне своей страны, наложило особенный отпечаток на манеру его поведения. С людьми он вел себя как обычный человек, с успехом имитируя свойственные представителям этой расы особенности поведения и жесты.

— Добрый день, Тарий. Как видишь, я прибыл к тебе не один, — вступил в разговор Орэн.

Когда-то давно этот юноша был и его ректором, а также учителем. Какая же шутница эта вертихвостка судьба! Ведь сейчас, стоя перед этим пареньком, он, пожилой человек и состоявшийся маг, вновь чувствует, как стучала в его венах юность. В те далекие годы Орэну казалось, что молодость будет бесконечной. И уж точно он не думал тогда, что предстанет перед своим все еще юным учителем в облике древнего старца.

— Вижу, вижу, Орэн, мальчик мой, — ласково улыбнулся юноша. В улыбке его было что-то теплое, отеческое, а у Кима только глаза на лоб полезли от этого «мальчик мой, Орэн».

«Может, парень так шутит?» — подумалось ему. Тарий, без труда читавший его мысли, лишь негромко хмыкнул.

— И кто же это с тобой? А? — все так же улыбаясь, спросил ректор. — Ох, что-то я сегодня совсем рассеянный какой-то! Присаживайтесь, — указал он на два мягких кресла, находившихся перед его столом.

— Спасибо, ректор, — усаживаясь, отозвался Орэн.

«Ректор!!!» — сам себе мысленно заорал Ким. Тарий невольно дернулся и перевел свой

взгляд на парня.

— Юноша, не орите так, прошу вас. И без того голова побаливает. Все это, — ректор обрисовал овал своего лица указательным пальцем и с самым серьезным видом продолжил: — Чудеса эльфийской косметологии.

Сказав это, Тарий не выдержал и очень озорно улыбнулся.

— Ким, прости, как-то из головы вылетело предупредить, — немного смущенно заговорил Орэн. — Просту знакомиться. Тарий, это мой внучатый племянник, Энаким Аррели Канэри. Ким, это ректор МАМ Тарий Осбен, как ты, я думаю, уже догадался, не человек...

— Вампир, — зловеще улыбнулся Тарий, обнажая клыки.

Ким невольно вжался в спинку кресла и попытался улыбнуться в ответ.

— О, прости, Орэн, не удержался, — залиvisto засмеялся «юноша», ему вторил и старый маг.

Что бы ни произошло с Орэном за все эти годы, но Тарий был одним из немногих, кто не осуждал мага и не видел его вины в произошедшем. И за одно только это Орэн был благодарен своему учителю. Пусть они не были слишком близки, но этот вампир был гораздо мудрее многих и не смотрел на мир только в одной плоскости, поэтому и видел куда больше других.

— И ты, Ким, извини. Должно быть, мое нахождение среди молодежи накладывает свой отпечаток, иногда так и тянет подурачиться, — задорно подмигнул мальчику вампир.

Если бы сейчас Тария видели его коллеги, то, скорее всего, решили бы, что у них массовая галлюцинация, ибо ректора своего тут и вправду побаивались. Ну и уважали, конечно.

— Ладно, Орэн, выкладывай, что привело тебя ко мне, — все-таки у ректора сегодня было еще много дел, и затягивать беседу в его планы не входило, даже ради Орэна, к которому он все еще относился, как к ребенку и любимому ученику.

— Понимаешь ли, Тарий, Ким не единственный мой племянник. У меня их двое, и оба будут поступать к тебе в академию, я думаю, уже на следующий год.

— Вот как, — задумчиво потерев подбородок, сказал Тарий и обратил свой взор на мальчика, что пришел сегодня с Орэном, изучая его уже магическим зрением. — Второй твой племянник такого же потенциала? — уже совершенно другим голосом спросил вампир. На какое-то время Тарий перестал дышать и моргать.

— Племянница, — машинально поправил его Орэн, — я бы сказал, тут все сложнее. Ким, подожди меня в коридоре, пожалуйста.

— Да, учитель, — ничего не подозревая, отозвался Энаким. Он был в полной уверенности, что, скорее всего, маги будут обсуждать детали их с сестрой поступления, и, не задумываясь, вышел за дверь.

— Что ты хочешь сказать мне, Ори? — очень серьезно спросил Тарий.

Его тигриные глаза цвета теплого янтаря совершенно потеряли все озорные искры. Сейчас вампир слушал, ему было интересно. Со стороны казалось, будто «юноша» просто застыл. Не дышит, не моргает, не двигается, только смотрит на Орэна остекленевшим взглядом.

— Как ты заметил, у парня большой потенциал, Тарий, но вот моя... племянница... Она необычная, если можно так сказать, и потенциал у нее не меньше, чем у Кима, — стараясь не выдать своего волнения, впрочем, не особо успешно, проговорил Орэн.

— Что значит «необычная»? — сухо спросил вампир, в этот момент голос его стал каким-то особенно взрослым. Да и вообще ректор, казалось, прибавил в возрасте лет семь, по человеческим меркам, конечно.

— Мои племянники считают себя двойняшками, но я склонен полагать, что Мара не родная сестра Энакима... Я думаю, она не человек, — на одном дыхании сказал маг.

— Даже так, — как-то отстраненно проговорил Тарий. Его мысли уже далеко убежали вперед.

«Не человек», считающий себя человеком, брошенный своим народом. Это серьезно. Это опасно и очень серьезно!

— Почему ты так считаешь, Орэн? — все же задал очередной вопрос Тарий.

— Если бы ты понаблюдал за ней, ты бы тоже так решил.

— Хочешь сказать, особых признаков нет? — поинтересовался вампир.

— Нет. Пока нет, — вздохнул маг, но продолжил: — В любом случае я хочу, чтобы дети обучались здесь.

— Думаю, с этим особых проблем не будет, но сначала, конечно, экзамены. И мне хотелось бы взглянуть на твою племянницу до того, как начнутся вступительные испытания, — тоном, не терпящим возражений, сказал Тарий.

— Когда? — Как бы там ни было, но этому вампиру Орэн доверял и точно знал, что лучше Тария детям в академии помочь никто не сможет.

— Естественно, до того, как вы предстанете перед советом академии, за месяц до этого будет нормально.

— Тогда жду тебя летом через год.

— Хорошо. Раньше смысла нет. — Тарий никогда не страдал от праздного любопытства и не любил решать проблемы до того времени, как они начинают касаться непосредственно его. — До встречи, маленький Ори, — как в юности, назвал его ректор.

— Приятно было видеть вас, учитель, — улыбнулся в ответ старый маг, и морщины в уголках его глаз стали особенно заметны.

Когда Энаким и Орэн покидали территорию академии, каждый из них думал о своем. Киму было любопытно, о чем разговаривали маг и ректор после того, как он вышел за дверь. Юноша сильно переживал от того, что ждет их с сестрой, и ему очень хотелось поступить в академию и осуществить свою мечту. Он живо представлял, как они с сестрой в ученической форме будут ходить по территории академии с важным видом, а окружающие будут провожать их завистливыми взглядами. Сердце его начинало стучать быстрее, а представляемые картины становились все ярче, ведь Энаким еще не имел представления о том, на каком положении находятся сейчас люди в стенах этого учреждения. А косвенная причина всего этого шла сейчас по правую руку от парня.

Орэн же, подходя к тому месту, где они с Кимом оставили лошадей, вспоминал годы своей юности. Тогда его еще не окрестили Проклятым. Тогда весь мир лежал у него на ладони, стоило лишь захотеть — и все было бы для него... Как же давно это было, и какими же иллюзорными являлись тогда его мечты...

Как Лиам и обещал, ни жестом, ни словом он не показал, что между нами что-то произошло. Все оставалось так же, как и было до того утра. И отчего, интересно знать, мне так больно, когда его изумрудные глаза смотрят на меня равнодушно? Но тем не менее я была ему благодарна, ведь он старался не вредить моему душевному здоровью... Ладно, ладно, признаю, я так себя утешаю.

Ким вернулся из своего путешествия совершенно восторженным и где-то неделю доставал меня рассказами о том, как прекрасен Эдэльвайс... Одним словом, выводил он меня знатно! Так что к концу этой злосчастной недели я кипела, разве что пар из ушей не шел. Лиам холоден, как вечный лед в горах севера, Ким всюду распространяет идиотизм, то есть энтузиазм, по поводу нашего поступления. Если честно, то я уже начинала заочно ненавидеть эту академию, настолько она казалась погруженной в розовые сопли, активно источаемые моим братцем. Но все бы ничего, если бы не последние новости, поступившие с северных границ Ирэми.

Сегодня было чудесное воскресное утро, наконец-то нестерпимая жара спала, а ночью даже прошел дождь. Окно столовой было распахнуто, и в комнату беспрепятственно проникал прохладный воздух, пропитанный запахом озона и цветов дерева суфо (легкий аромат цитруса с примесью ванили). Орэн негромко переговаривался с Лиамом. Как это ни странно, но сегодня Лиам ему даже отвечал. Станным это казалось потому, что за год, в течение которого эльф тренировал нас, я редко видела, чтобы он и Орэн говорили друг с другом.

Каа'Лим сказал, что эти двое еще нескоро смогут найти общий язык, быть может, тогда, когда сам эльф повзрослеет. Хотя, на мой взгляд, куда уж взрослее, дальше-то уже старость!

Мы с Кимом, как обычно, переругивались, шепча друг дружке на ухо всякие гадости, пользуясь тем, что в столовой еще нет Элфи. Вспыльчивый и чересчур озабоченный нашим воспитанием гном строго следил за дисциплиной за столом. Пока его не было, я изловчилась и засунула Киму под зад кусок масла. На салфетке, естественно, чтобы стул не испачкался. А нечего доставать меня своей болтовней! Да и вообще, раздражает он меня последнее время, ходит, будто кочергу проглотил, а кончик где-то в носу остался, на всех свысока смотрит, разговаривает, как идиот, да еще и к моей горничной приставать начал. С Лиссой мы были в хороших, я бы даже сказала — в приятельских отношениях, ведь она была ненамного меня старше, да и мне хотелось иметь рядом хоть одного друга, с которым можно было бы поболтать о всяких глупостях, не думая ни о чем серьезном. Таким человеком постепенно стала моя горничная, общались мы нечасто, но в то время, когда сталкивались, я отдыхала душой. Мне хотелось иметь подругу, которую бы волновало то же, что и меня, я не имею в виду магию и бои на мечях...

Сегодня утром Лисса рассказала мне следующее. Мой остолоп Энаким весьма непрозрачно намекнул ей, что он — состоятельный молодой человек. И если девушка не обделит его вниманием, то и он в долгу не останется.

— Ты что, дебил? — шепнула я на ухо своему братику, на что Ким как-то аккуратно вскинул бровь и скривился.

— Ты что несешь? — было мне ответом.

— С Лиссой сегодня разговаривала, — практически прорычала я.

— И что? — сказав мне это на ухо, Ким вновь отвернулся, причем проделав это с непередаваемой небрежностью. — Это всего лишь прислуга, — чуть слышно шепнул он мне.

«Всего лишь прислуга!» Слова полоснули меня, как ножом по сердцу! «А мы-то кто?! Я кто? Мать и отец наши кто?! Забыл?» — хотелось крикнуть мне, но вместо этого произошло то, чего я так сильно боялась с того самого случая с Лиамом...

Время слегка замедлилось, Ким подвинул к себе тарелку с едой и потянулся за вилкой. Моя рука взметнулась вверх и опустилась на его макушку. Так странно, он даже не замечает, как я вкладываю силу, как опускаю ладонь вместе с его головой. Хруст, алые брызги вздымаются в воздух, на мгновение красиво замирают и падают на белоснежную скатерть и на мое нежно-голубое платье. Тишина. Накрывающая, давящая на уши тишина. И вновь ускоряется реальность.

— Мара! — это кричит Лиам, который, кажется, уже перепрыгнул через стол.

— Ким! — Орэн поднимается со своего места.

Мой взгляд приклеен к брату. Ким вскакивает со стула, прижимая ладони к носу. Он не кричит, только смотрит на меня, не скрывая ярости во взгляде. Бог ты мой, как холодно!

— Ты... ты... — как-то в нос заголосил Ким, — совсем уже, что ль?!

Он запрокинул голову и приложил к носу салфетку.

А я не знала, что должна сказать. Чувствовала ли я себя сейчас виноватой? Нет. Буду ли раскаиваться потом, если немедленно не начну просить прощения и пытаться помириться? Скорее всего да, но то, что сказал Ким, я простить ему не могла. Не сейчас. Все еще повинувшись внутреннему порыву, я медленно встала со стула, подошла к нему и дернула за ворот рубашки так, чтобы его глаза были на уровне моих. Тут же руки Лиамы сомкнулись на моей талии, удерживая, но не оттаскивая пока от брата.

— Знаешь что, Ким, либо ты завязываешь со своими барскими замашками, по крайней мере, в моем присутствии, либо я буду искать способ, как тебе с этим завязать. — Голос мой охрип и казался чужим. — И ты меня знаешь, я его найду...

— Да пошла ты, — дернул на себя ворот рубахи брат, отчего ткань в моих руках затрещала, и я выпустила ее из рук.

Ким резко выпрямился, смерил меня презрительным взглядом, развернулся на каблуках и размашистым шагом покинул гостиную.

А я так и стояла, смотря ему вслед и не зная, что мне теперь делать; не понимая, что руки эльфа так и остались на моей талии; совершенно не придав значения тому, как странно переглядывается Орэн и Лиам. Стояла и слушала, как затихают шаги брата где-то на втором этаже, и думала, что, несмотря на все наши ссоры и разногласия, Ким еще никогда в жизни не смотрел на меня с ненавистью... или с презрением. Хотя какая разница по большому счету?

— Что произошло, Эм? — через некоторое время спросил Орэн.

Повернувшись к магу, я оказалась лицом к лицу с Лиамом, который почему-то не спешил убирать руки с моей талии. На какое-то мгновение мне стало так тепло и уютно, проблемы с Кимом отошли на второй план. Как же не хотелось, чтобы эльф сейчас отпускал меня. Но увы, желания мои почему-то не всегда совпадают с действительностью. Лиам аккуратно опустил руки и отошел на шаг назад.

— У тебя кровь на лице, — еле слышно произнес он, протягивая мне льняной платок.

— Э... спасибо, — едва совладав с голосом, поблагодарила я.

— Так что между вами произошло? — повысив голос, вновь заговорил маг.

— Ким был неправ, — нехотя перевела я взгляд на Орэна, упрямо вздернув подбородок.

— В чем мог быть неправ Ким, что ты сломала ему нос? — насупив брови, но все еще сохраняя видимое спокойствие, решил уточнить он.

— Он был неправ.

Не хотелось посвящать Орэна в подробности нашей перепалки. Да и вдобавок ко всему меня еще потряхивало от произошедшего, не хотелось говорить на эту тему.

— Может, все же скажешь в чем? — уже жестче спросил маг, немного давя ментально.

— Нет.

«Тебе придется постараться, дорогуша», — ухмыльнулась я. Мы с Каа'Лимом тоже времени зря не теряем, кое-чему мой котик меня все же научил.

— Что за шум, а драки нет? — раздалось басовитое ворчание Элфи у входа в столовую.

— Да есть тут отчего пошуметь. И насчет драки, друг мой, ты ошибаешься, — нервно проведя рукой по волосам, отозвался Орэн и повернулся ко мне спиной. — Есть новости?

На этот невинный вопрос Элфи коротко кивнул.

— Тогда пойдем в кабинет. Лиам, ты с нами?

Орэн зовет эльфа?! Кто сдох и в каком лесу? Невольно заинтересовавшись, я начала прислушиваться, вдруг и впрямь что-то интересное произошло? Но, к моему огорчению, Лиам лишь коротко кивнул и направился к выходу из столовой, за ним последовали и маг с гномом. На самом выходе из столовой Орэн повернулся ко мне, одарив выразительным взглядом, и произнес:

— Разговор не окончен, девочка моя.

О, ну да, ага, испугалась я, как же!

«Каа'Лим, иди сюда, моя киска, нужны твои ушки», — позвала я своего кошака. Отчего-то стало любопытно, что там собирается обсуждать эта троица.

«Думаю, если бы тебя это касалось, то они бы не забыли тебя тут», — было мне ответом.

«Не нуди, а лучше иди и отработывай свой хлеб!» — усмехнулась я.

«Договоришься ты у меня...»

Около двухсот лет назад

Он никогда не чувствовал себя таким, как все. Всегда знал, что его судьба — быть великим. Он был рожден человеком, хоть и магом, но полагал, что его принадлежность к человеческому роду — это скорее достоинство, нежели недостаток. С самого детства он шел к своей цели, считая свои задумки истинно верными. Даже если сейчас его и не понимают, то потомки обязательно скажут спасибо. Он благодарил судьбу, что она не обделила его силой и умом, улыбался счастливой улыбкой удаче, что вела его за руку по жизни и дарила ему встречи с нужными людьми, которыми он без труда манипулировал. Да и рожден он был в семье с хорошим положением в Эдэльвайсе. Отец обучил его всему, что знал сам. Старый дурак и не догадывался, какое истинное лицо прячется за невинностью голубых глаз. То было лицо человека, способного уничтожить свой собственный народ, чтобы возвысить себя среди людей. Уверенности в том, что ему удастся сразу воплотить свой план в жизнь, не было, но то, что со временем все получится, он знал точно. Судьба человечества как таковая его никогда особо не тревожила. Единственное, во что он верил, звучало так: у кого есть сила, у того должна быть власть. А власть делает его великим, таким, как он мечтал еще в детстве...

Когда-то в детстве, когда в его голове еще только складывалась та картина будущего, к которой он должен был стремиться, мальчику удалось пробраться в ту часть библиотеки отца, приближаться к которой ему всегда было запрещено. Возможно, если бы книги были в свободном доступе, мальчику и не пришла бы в голову идея тайком почитать их. Тогда не случилось бы войны, что так сильно ударила по человечеству, и живы бы были многие нелюди, не только те, что остались на поле брани, но и те, кто пал жертвой его интриг...

Всякое могло бы случиться, но, увы, произошло то, что произошло.

Легко удерживая небольшой «светлячок» над головой, паренек, стараясь не скрипеть половицами и, не дай богиня, не привлечь внимания слуги отца, что вечерами частенько засиживался в гостиной допоздна над очередным творением рук своих, пробирался в самую глубь поместья. Он не знал точно, что ему нужно найти, но верил, что удача и тут его не подведет. Давно разгадав плетение защитных заклинаний отца, паренек без труда проник под своды библиотеки, в ее запретную часть. Сердце его возбужденно стучало в груди, но не от страха, а от предвкушения. Возможно, уже сегодня он узнает то, что поможет ему в будущем. Со стороны это было похоже на детскую забаву, игру, когда дети ищут сокровища, увлеченно представляя себе, что у них в руках не блестящие фантики от конфет и разноцветные пуговицы, а самая настоящая россыпь драгоценных камней... Только вот он не играл в детские игры. Никогда.

Для своего возраста мальчик был очень серьезен и не начинал какое бы то ни было дело, предварительно не просчитав свои действия на несколько шагов вперед. И сейчас его буквально бесило, что он точно не знает, какую информацию искать.

Просмотрев несколько фолиантов, содержащих заклинания запретной магии на крови и описание жертвоприношений, парень машинально отметил их как полезные, которые могут пригодиться в будущем. Он отложил книги в сторону и немного неловко повернулся к соседнему стеллажу. На мгновение молодой человек потерял равновесие и совсем как-то по-глупому боднул стеллаж головой. Сердце его сжалось, пропуская удар, на этот раз уже от страха быть обнаруженным. Но стеллаж лишь слегка покачнулся, а на голову пареньку упала тонкая кожаная папка. И в тот самый миг он словно услышал легкий ненавязчивый шепот: «Открой, это то, что ты так долго искал...» Увидев в этом знак свыше, он, не задумываясь, открыл папку.

На небольшом клочке пергамента красивым каллиграфическим почерком, обладатель которого писал на давно забытом наречии, было выведено:

«Когда реки человеческой крови прольются в пустой войне, затеянной *достойным*, и весь мир отвергнет людей, когда кровь последних Серебряных потечет в жилах *достойного*, забравшего ее силой, Грань прогнется и примет нового наследника. Начнется новый век для *достойного*, который был отвержен, и он будет божеством и предопределит новый исход».

А ниже была приписка: «Как же я ненавижу видеть эти сны о том, что предопределено. Никогда не можешь узреть их полностью и понять сон. А. К.».

С этих, казалось бы, бессвязных строк и начался тот кошмар для человечества, что длится вот уже несколько веков.

Мальчик вырос. Времени он зря не терял, учился более чем прилежно, а запретная секция библиотеки стала его второй комнатой, в которой он проводил время ночами. Глупый папаша не замечал изменений, происходящих с сыном, продолжая во всем потакать любимому чаду и развращая его еще больше.

Со временем мальчик превратился в юношу, а юноша как-то незаметно стал мужчиной.

Положение в обществе было дано этому человеку от рождения, но он хотел большего, не желая быть просто сыном своего отца, поэтому после окончания учебы постарался попасть на службу при дворе его величества. Это было в общем-то не сложно. Природа наградила его внешностью ангела, скрывающей всю темную суть его души, так что, имея хорошие ментальные щиты, парень вызывал лишь восхищение, зависть и, как это ни странно, безграничное доверие к своей персоне.

«Все-таки люди безнадежны, — частенько думал он. — Как бы сильно они не утверждали, что главное в человеке — это его душа, — эта мысль обычно вызывала сардоническую ухмылку на его лице, — все равно как зачарованные смотрят лишь на красивую обертку».

Парень без труда вошел в круг доверенных лиц короля, а после того как верховный маг королевства совершенно случайно скончался от редкой и совершенно неизученной болезни, занял его место. Конечно, молодой человек смущался, искренне благодарил за оказанное ему доверие, принимая пост главы министерства магии. Сам король радовался как ребенок, думая, что управлять столь юным и наивным созданием, как новый верховный маг, будет куда легче, чем его предшественником...

Разве знал кто-нибудь тогда, что старый маг скончался не от болезни, а от того ритуала, что молодой человек провел на крови убитого дэйурга? Как же ему было сложно выследить и убить эту тварь, в жилах которой текла чистая сила. Мог ли король предположить, что медленно сойдет с ума в ближайшие несколько лет, принимая из рук нового верховного простые мази от подагры. Ежедневно король самолично втирал себе в ноги яд, не замечая, как становится все более подозрительным к окружающим, и только один человек из его окружения казался ему тем, кто никогда его не предаст. Конечно же им был он, верховный маг королевства Ирэми Леос Агасти Канэри.

Все это время словно кто-то невидимый и наделенный особой, потусторонней мудростью вел его. Иногда мужчине чудилось, что ему нашептывает сама тьма, подсказывает, как лучше поступить, где искать необходимые книги, какое единственно верное решение принять.

Постепенно, не привлекая к себе особого внимания, молодой человек с помощью интриг, сплетая цепи не случайных случайностей, пользуясь полным доверием и поддержкой короля, устраняя опасных противников, занял место в тени от трона. Он манипулировал старым королем, как кукловод управляет марионетками в кукольном театре. Но даже это было скучным для него, он все время вспоминал строки пророчества о новом божестве.

Кто более достоин, чем он?! Леос Агасти многие ночи провел в исследованиях того, что столь сумбурно было выведено красивым почерком на листке пергамента. Читая редкие и запретные книги, он узнал многое о демонах, Грани и жертвоприношениях. Единственными существами, что могли беспрепятственно возвращаться в мир живых после смерти, были люди. Грань впускала и выпускала их души. Душа копила в себе энергию, что возрастала с каждым прожитым годом. Уходя за Грань, души словно скидывали накопленное, отдавая всю энергию загробному миру, а возвращаясь, начинали все заново. Это если говорить просто, опуская ненужные подробности.

Также Леос Агасти выяснил: очень-очень давно была выдвинута теория о том, что можно перехватывать эту самую энергию, не давая ей растворяться в самой Грани, и направлять на конкретно выбранный объект, например на человека или представителя какой-либо другой расы. Тот, кто сможет впитать ее, станет подобен божеству, неуязвимым...

В тот самый момент Агасти понял: это то, что нужно! Массовая жертва, огромный выброс энергии, завязанный на него самого. Но не мог же он, пускай и не самый слабый маг, устроить геноцид?! Его бы обязательно остановили... а вот разжечь войну и направить энергию душ тех, кто погибнет на ратном поле, на себя — это был выход. Далее Леосу оставалось только планирование и подготовка.

Как покажет история, сыну Проклятого мага удалось подвести Ирэми к войне, провести сложный ритуал на крови демона и дэйурга, что были связаны друг с другом, и направить души не через Грань, а через себя. Только одно Агасти не знал на тот момент, и это обернулось для него страшными последствиями... Он был человек, а человеческое тело хрупко и легкоуязвимо. К тому же тот поток, что был направлен на мага, был слишком мощным не только для его тела, но и оболочки любого другого живого существа. Ведь не просто так подсмотренные им теории содержались в книгах, которые были запрещены к прочтению.

Только демон мог обращаться с такого рода энергиями, не опасаясь раствориться в них. И лишь одному роду демонов была полностью подвластна энергия, высвобождаемая после смерти, — Серебряным... Когда Агасти понял, что тело его не справляется, то было уже слишком поздно что-либо менять. Растворяясь в том, что должно было возвысить его над людьми, Леос вдруг понял совершенную им ошибку. «Когда кровь последних Серебряных потечет в жилах *достойного*, забравшего ее силой, Грань прогнетса и примет нового наследника», — пронеслось у него в голове перед тем, как затмение накрыло его сознание.

Сколько он пребывал в этом пограничном состоянии, он и сам не знал. Но когда вместо привычного серого тумана, царившего вокруг него и не дававшего ему осознавать себя, стали проявляться первые признаки того, что он вроде бы как сохранил свое я, пришла и первая связная мысль: «Серебряные, нужно, чтобы их кровь текла в моих венах. Вот только есть ли у меня теперь эти самые вены? И мои ли это мысли? Или я стал частью чего-то нового, крохотной крупицей одного сознания, все еще способной существовать?»

Вен не было. Тела, как оказалось, тоже... Осталось только сознание.

И еще было непонятно, где он сейчас находится. Неужели он умер? Паника охватила очнувшийся от небытия разум. Как мог умереть *он*, человек, у которого был план, тот, кто был лучше, умнее, сильнее, чем все население Ирэми, вместе взятое. Ведь он, Леос Агасти, должен был стать великим! Он был рожден не для того, чтобы стать неудачником и сдохнуть, как какой-нибудь идиот-испытатель, от неудавшегося эксперимента! Ведь он все продумал, столько сил и труда вложил, а что получил взамен?!

На задворках сознания Агасти поднимался гнев, черный, как сама его суть, и всепоглощающий. Окружающие его сознание тьма и туман стали сгущаться, приобретая очертания фигуры, сотканной из самого мрака, до тех пор, пока не уплотнились и не стали осязаемыми. Да, ритуал сотворил с ним злую шутку, растворив его тело. Но он же и даровал ему новую суть. Названия этому даже сам Агасти найти не мог.

«Что ж, мой хороший, — коснулся сознания чужой голос. — Теперь ты часть меня, и никак иначе». Голос больше не шептал, как раньше. Он покорял волю, душу, самую суть. Нельзя было сказать, мужчина говорил с ним или женщина, то была тьма, все еще державшая его «я» в своих оковах.

Теперь он стоял посреди леса, как ему казалось, погруженного в какой-то зловещий мрак. На самом же деле то была обычная ночь. И этой темной безлунной ночью заново родился тот, кто жаждал стать божеством. Прежнего Агасти уже не было, на свет появилось

новое существо, пропустившее через себя тысячи душ и впитавшее не только накопленную ими силу, но и некоторые их особенности. Его было много, и он был един.

Бывший верховный маг более не чувствовал страха. Он больше не был одинок. Он чувствовал себя совершенным. Сейчас он ощущал мир так, будто сам был его частью, темной частью.

Где-то в глубине леса послышалось движение, и Агасти захотелось оказаться там, посмотреть, кто это может быть. Он поймал себя на мысли, что ему не обязательно идти, достаточно просто пожелать. Мгновение — и он растворился во тьме, царившей вокруг. Его фигура вновь обрела плотность на лесной опушке, посреди которой находился небольших размеров волк. Глаза животного встретились с взглядом Агасти, и неожиданно даже для самого мужчины волк поджал хвост и, заскулив, ринулся вглубь окружавшего их леса.

«Поверь, — всеобъемлющий голос обратился к крохотной частичке его сознания, — так будет с каждым, кто встанет у меня на пути. Ты хорошо справился, потому все увидишь своими глазами, и твой разум я сохраню, — прошептал ему кто-то. — А пока усни в глубинах моей тьмы», — велел голос, и сознание мужчины померкло, а все вокруг вновь заволочло непроглядной тьмой.

Около семнадцати с половиной лет назад

Кайрус непосвященным людям и нелюдям казался небольшим скалистым островом посреди теплого Южного моря. Каждый знал, что это была вотчина демонов, но никто из непосвященных там не был и поэтому неустанно гадал, как демоны умудряются там жить. Ведь со стороны Кайрус выглядел как одна большая скала, нелепо торчащая в самом сердце южных вод.

Демоны были многочисленной расой, а экономика их государства и их положение в мире — весьма устойчивыми. Но о том, что происходит на куске скалы, знали, помимо хранителей Кайруса, лишь драконы и дэйурги. И дело вовсе не в том, что демоны были такими уж снобами, что не желали общаться с другими расами, или скрывали что-то жуткое. Просто не каждый мог находиться на их землях без вреда для себя, только истинно магические расы.

Большая часть страны являлась своеобразным звеном, связующим этот мир и Грань. Не просто так демоны получили статус хранителей Грани, ее близость делала их еще сильнее.

На самом деле Кайрус был материком, и большая часть его словно погружалась в другое измерение. Точнее, сам Кайрус находился в пограничном измерении, имея проход в этот мир на одном из скалистых побережий. Внутри страны царил южный климат, а погода ничем не отличалась от той, что была в мире, где находились скалистые «врата».

В то солнечное утро ничто не предвещало беды. Птицы за окном королевских покоев неустанно щебетали, природа постепенно оживала после ночного сна. Стройная высокая женщина с серебристыми волосами увлеченно рассматривала свое отражение в большом зеркале, периодически натягивая ткань платья на животе и поглаживая его.

— Не могу поверить, — восторженно прошептала она. — Просто не могу поверить, — на последней фразе женщина улыбнулась так искренне, что стала похожа на маленькую девочку.

Дверь в покои распахнулась, и на пороге замер статный мужчина. Он был выше своей супруги, в плечах гораздо шире, а волосы — того же серебристого оттенка. Глаза, так напоминавшие женщине взгляд северных лаек, с нежностью посмотрели на женщину.

— Ты проснулась? — не отрывая взгляда от любимой, спросил мужчина.

— Не могу спать, когда моего владыки рядом нет, — улыбнулась она.

— Правда? — суровым тоном спросил мужчина. — Тогда, может быть, необходимо сказать владыке, что не стоит покидать супругу, пока не взойдет солнце?

— Конечно, будьте так любезны, передайте ему при встрече, — поддержала игру мужа Лива.

— Непременно, — нахмурился мужчина и тут же оказался рядом с женой, подхватил ее на руки и как-то по-особому бережно положил на кровать.

— Эллиэн, — засмеялась Лива, от смеха ее мужчине, как это всегда бывало, стало тепло на душе.

— Скажи мне, родная, скажи, — зашептал он ей на ухо.

— Я люблю тебя, люблю, слышишь, — продолжая смеяться, говорила она, поглаживая его щеку своей рукой.

В свое время Эллиэну пришлось изрядно потрудиться, чтобы добиться расположения своей супруги. Лива была не просто девушкой, за которой нужно ухаживать, она была неприступной крепостью, которую необходимо покорять изо дня в день. И вот когда это ему все же удалось, то мужчина почувствовал, что ему хочется всю жизнь завоевывать ее и слышать каждый раз, что его маленькая ледышка любит его.

— Да? — шутливо изобразил недоверие он. — Точно?

— Ах ты... — возмутиться Ливе не дали, накрыв рот поцелуем.

Они были вместе уже много веков, но руки его, что так испытующе ласкали ее тело снова и снова, заставляли сердце биться в бешеном ритме. Жар ее тела все так же возбуждал его, и каждый раз, когда он оказывался в постели с этой женщиной, то испытывал такое чувство, будто все так же борется за нее. Словно охотник, преследующий свою самую долгожданную добычу. С той лишь разницей, что, когда он наконец получал желаемое, ему вновь хотелось ее еще больше.

— Ты знаешь, иногда я думаю, что если бы в моей жизни не было бы тебя, то я бы тоже исчезла, — положив голову на грудь мужа, рассеянно сказала Ливерая.

— Что за глупости, Ледышка? Я с тобой, так зачем же думать о всяких глупостях, — поцеловав в макушку свою женщину, проговорил Эллиэн.

Ответом был ему лишь тяжелый вздох. Лива и сама не понимала, почему последнее время ее посещали подобные мысли, просто иногда ей было невыносимо страшно. Страшно до такой степени, что сводило зубы, а сердце ухало куда-то в пустоту. Ей казалось, что кто-то хочет отобрать у нее ее счастье, ее сердце... но, быть может, все это лишь оттого, что беременные женщины становятся переменчивы в своих эмоциях и ощущениях?

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — уже сидя на кровати и смотря, как ее супруг одевается, проговорила женщина.

— Да? — лукаво улыбнулся Эллиэн.

— Да, — не выдержав его улыбки, женщина улыбнулась в ответ. — Посмотри на меня, — проговорила она.

— Всегда смотрю на тебя, — как-то задумчиво отозвался мужчина.

— Не так, посмотри вторым зрением.

Мужчина не стал спрашивать: «Зачем?», а просто сделал то, о чем просила любимая. Сначала его лицо стало задумчивым, потом брови нахмурились, и Лива на мгновение испугалась: а вдруг он не захочет ребенка? Глупая мысль зародила смятение в ее душе. Но

уже через несколько секунд ее любимый расплылся в такой поистине глупой и восторженной улыбке, что все страхи Ливы мигом улетучились.

— А-а-а! — обрадовался он. — Мы беременны! — не унимаясь, кричал он, а женщина хохотала вместе с ним. — У меня будет ребенок! У меня будет наследник!!!

Он подхватил на руки жену и закружил по комнате.

Редко что может вызвать такие эмоции у бессмертного сердца, но сейчас эти двое купались в своем счастье, наслаждаясь им, хоть и оставалось им быть вместе считанные часы. Тьма вокруг их дворца стужалась. Только вот Агасти не знал тогда, что после смерти мужа Ливы в живых останется не только Ливерая, последняя, как он думал, Серебряная. Серебряных будет двое, и одной из них еще только предстоит появиться на свет...

— Значит, так, дружок, иди и слушай, мне потом доложишь, — наставительным тоном произнесла Мара. — А я пойду с братом своим пообщаюсь. Все понял? — Девушка нахмурила брови и наклонилась к дэйургу так, чтобы их глаза встретились.

Каа'Лиму хотелось засмеяться в ответ, уж больно забавно выглядела его подопечная, давая указания с такой напускной важностью, но он лишь коротко и, как ему казалось, повоенному кивнул.

— Я верю в тебя, солдат, — серьезно произнесла девушка и побежала на второй этаж.

Дэйург лишь тяжело вздохнул, смотря ей вслед, и отправился выполнять свою «разведывательную миссию».

Трое мужчин расположились вокруг огромного письменного стола в маленьком душном кабинете Орэна. Каждый из них нервничал, но если Орэн и Лиам пытались сохранять видимость спокойствия, то темпераментный Элфи выдавал себя с головой. Сначала гном ерзал на стуле, пытаясь поудобней усесться, потом принялся хрустеть костяшками пальцев, буквально выводя из себя эльфа и мага, когда же он понял, что и это его не в состоянии успокоить, непонятно чем руководствуясь, он начал гундеть себе под нос одну из национальных песен, смысл которой сводился к тому, что нет прекрасней девы, чем Хольга, гномиха с ладной фигурой и очень бурным нравом...

На этом безграничное терпение эльфа лопнуло. Как и всякий представитель своего народа, он обладал прекрасным слухом, а от пения Элфи Лиама буквально выворачивало наизнанку.

— Заткнись ты уже, — не выдержал эльф.

— А ты не указывай, ушастая заноза, — огрызнулся гном. — А то понаехали тут, не встань, не сядь без разрешения, — начал бухтеть Элфи.

Лиам постарался успокоиться и лишь надменно изогнул бровь, попутно одарив гнома одной из своих самых презрительных усмешек, а затем обратился к магу:

— Орэн, так о чем ты хотел поговорить?

Маг, тяжело вздохнув, оперся двумя руками на поверхность стола. Казалось, у него на плечах лежит неподъемный груз, сил удерживать который уже практически не осталось.

— Понимаешь ли, Лиам...

Тут речь Орэна прервало царапанье когтями в дверь.

Гном нехотя слез со стула и, пробурчав что-то типа: «Сидят тут всякие лошади под два метра, а толку никакого, даже дверь открыть не могут», — отправился открывать. Конечно же его высказывание достигло адресата, но было самым наглым образом проигнорировано.

На пороге возник Каа'Лим. Невозмутимо оглядев всех собравшихся, он решил все-таки

подарить им от себя целую фразу.

«Я все равно узнаю. То, что я решил присутствовать, — лишь знак уважения к вам», — слышался в головах собравшихся его хриловатый, низкий голос. С Марой он таким не разговаривал, прекрасно понимая, какой эффект может произвести на собеседника.

— Хорошо, проходи, — сказал Орэн. — Но прошу тебя: до детей то, о чем мы будем говорить, дойти не должно.

«Я сам приму решение», — таков был ответ.

Орэн тяжело вздохнул, но спорить не стал. Когда все собравшиеся заняли свои места, маг вновь попытался начать разговор. Только на этот раз он встал спиной к собравшимся и устремил взгляд в окно.

— Вы все знаете, что произошло с моим сыном, — начал маг, а плечи его совсем поникли, пока он говорил. — То, что совершил Агасти, известно вам очень хорошо. И то, чем обернулось это для него, — тоже.

— К чему этот разговор? — подал голос Лиам. Эльф знал историю сына Орэна и неоднократно пытался достучаться до своего тогда еще друга, что Агасти не так наивен, как пытается это показать. А когда произошло непоправимое, не смог простить магу то, что тот оставил его слова без внимания. Ведь в свое время Орэн не раз срывался на Лиама, доказывая, что сын его не такой, каким его пытается выставить эльф. Недопонимание сыграло с друзьями злую шутку. Не сумев объясниться, они просто перестали общаться.

— Ты можешь помолчать, когда тебя не спрашивают? — заворчал гном.

— Прошу вас, не надо ссор, — очень уставшим голосом проговорил маг. — Я все объясню. Понимаешь ли, Лиам, когда Агасти провел тот ритуал и исчез... — Орэну было очень тяжело говорить о судьбе своего ребенка даже спустя столько лет. — Все решили, что он погиб. Я и сам так думал до недавнего времени.

— Что значит думал? — Выдержка покидала эльфа, когда речь шла об этом человеке.

— Где-то около двадцати лет назад я впервые почувствовал его присутствие. Тогда мне показалось, что это просто меланхолический приступ, не более, — несколько смущенно проговорил Орэн. — Но потом я еще несколько раз ощущал его присутствие...

— Ты что, заклил своего ребенка?! — не смог сдержаться эльф.

— Еще при его рождении привязал к себе, — совсем тихим голосом проговорил Орэн.

— Непостижимо! — выдохнул эльф.

— А ты вообще не выступай. Будут свои дети, тогда и высказывайся! — Все-таки присутствие Лиама сказывалось на характере гнома весьма скверно.

— Но ведь он не мог выжить! Никто бы не смог!

Выдержка собиралась окончательно покинуть эльфа.

Орэн как-то растерянно потер рукой лицо и вновь устремил свой взгляд в окно.

— Дай-то боги! Страшно представить, каким мой сын мог бы вернуться после того, что сотворил. Тем не менее я оповестил совет о своих ощущениях, — как-то нехорошо усмехнулся маг. — Правда, они решили, что я чокнулся на фоне возраста и пережитого.

— Идиоты, — буркнул Элфиральд.

— Это первое, что я хотел рассказать тебе, Лиам. Остальные новости касаются уже моих племянников.

— Орэн, я не дурак. Эти дети тебе не родные, так что можешь оставить весь этот официоз.

Почему-то именно сегодня Лиаму захотелось поговорить со старым магом начистоту.

— Я знал, что ты поймешь все рано или поздно, — как-то вымученно улыбнулся маг.

— И что теперь? Побежишь, стуча каблучками, уведомлять совет? — Гном не оставлял попыток хоть как-то зацепить этого непробиваемого эльфа. Но вместо того чтобы разозлиться, Лиам как-то совсем невежливо хрюкнул, пытаясь унять расползающуюся на лице улыбку.

— Почему же «стуча каблучками»? — поинтересовался он, особо выделив последнее слово.

— Так под платье обычно туфельки надевают, — как можно язвительнее заметил гном.

— Ты такой забавный, Элфиральд, — улыбнулся Лиам еще шире. — Но на мне не платье, это национальная одежда.

— Как ты меня назвал? — нашел, за что зацепиться, жаждущий скандала гном.

— Элфиральд, хватит, — осек гнома Орэн. — Как вы уже знаете, я был в академии и разговаривал с ректором, через год я жду его визита.

— Визита? Но зачем? — поинтересовался мгновенно посерьезневший Лиам.

— Я хочу, чтобы Тарий посмотрел на Мару. Думаю, мы все понимаем, что с девочкой что-то не так.

Ответом ему была тишина как выражение полного согласия.

— Да, тут ты прав, Орэн, с Эм и впрямь что-то не так, хотя понять, что именно, я не могу, — сказал гном.

Три пары глаз выразительно уставились на притаившегося в углу дэйурга.

«То, что знаю я, не для вас», — глухо отозвался Каа'Лим.

Настаивать, разумеется, никто не стал.

— Кстати, что сегодня произошло за завтраком? — поинтересовался Элфи.

— Воспитательный момент, — не желая вдаваться в подробности, ответил Лиам.

Элфи уже приготовился к очередной атаке на «ушастую заразу», как его решительно оборвал Орэн, хорошо знающий, чего ждать от гнома, когда тот на взводе.

— Я потом тебе расскажу, — тоном любящего дедушки проговорил он. Гном все же решил для порядка надуть губы и обидеться.

— Хорошо, что ты обратился к Тарию, особенно учитывая твоё положение в магическом сообществе после известных нам событий. Поддержка этого вампира придется весьма кстати, — сказал Лиам.

— Да, я тоже так подумал, — хмыкнул Орэн. — Но есть еще кое-что, о чем я хотел бы с вами поговорить. Элфи, расскажешь?

— Я-то расскажу, в отличие от некоторых, — буркнул гном. — У нас проблемы на севере, — не прерываясь на паузы, начал он. — Как только Орэн взял учеников, я попросил кое-кого из своих присматривать за пограничной деревушкой. Конкретно за семьей Мары и Кима.

— Так они с севера? — спросил Лиам.

— Да ты гений, малыш! Если я говорю, что их семья живет на севере, то логично предположить, что и сами дети откуда-то оттуда, — съехидничал гном.

— Орэн, успокой его, иначе я за себя не отвечаю, — зарычал Лиам. Конечно, эльфы имеют колоссальную выдержку, но не тогда, когда их называют глупыми или стараются унижить.

Маг закатил глаза.

— Элфи, пожалуйста, возьми себя в руки.

Элфи попытался одарить Лиам презрительным взглядом, на манер самого эльфа, правда, выглядело это в его исполнении весьма забавно. Он скривился, словно съел лимон, и без того маленькие глазки сузились, а уголки губ опустились.

— Ладно, больше не буду, — снисходительно буркнул он. — Так вот, последнее время мои товарищи стали замечать странную магическую активность рядом с селением. Вы должны понять, сильных менталистов у нас нет. Вся наша магия строится на связи с землей, но кое-что и мы понимаем. Но одно можно сказать совершенно точно: это нечто, совершенно чуждое нашему миру.

— Я думаю, мы должны обезопасить родителей Мары и Кима, перевезти их в Карген к детям, пока обстановка не стабилизируется. Ну, и конечно, доложить об этом совету. И я хочу попросить сделать это тебя, Лиам, — на одном дыхании проговорил маг.

— Ты просишь меня? — сощурил свои изумрудные глаза Лиам.

«А если я попрошу тебя, ты сделаешь это?» — раздался властный голос дэйурга.

Поднявшись на второй этаж и подойдя к комнате брата, я замерла в нерешительности. Я уже занесла руку, чтобы постучать в дверь, и тут поняла, что не знаю, как начать разговор. Глубоко вздохнув и собрав всю волю в кулак, я просто толкнула дверь и вошла в комнату. Энаким лежал на кровати и смотрел в потолок. Из его ноздрей торчали ватные жгутики, а на саму переносицу была положена влажная тряпка.

— Ким, — не слишком уверенно начала я, — давай поговорим.

Ответом мне была тишина.

— Я просто хочу нормально поговорить. Прости, возможно, я перегнула палку...

— Значит, теперь ты хочешь *нормально* поговорить, — в никуда отозвался брат, особенно выделив слово «нормально».

— Да, — стараясь сохранить самообладание, отозвалась я. В конце концов, это не я веду себя как моральный урод, а он. Но все равно я чувствовала себя виноватой. Странно, да?

Брат приподнялся на локтях и смерил меня гневным взглядом.

— Ты понимаешь всю абсурдность того, что сейчас говоришь?

— Знаешь что, Энаким Аррели! Это ты не понимаешь, что творишь последнее время! Ведешь себя, как тупой индюк! Никого не замечаешь, нос разве что в потолок не упирается! Обидел Лиссу, хотя, если по-честному, это мы с тобой всего лишь деревенщины! Не забыл, кто родил тебя? Нет? Я вот точно помню, что благородными у нас в семье и не пахло! И чтоб ты знал: родители Лиссы — из обедневшего дворянского рода! — меня понесло, и остановиться я уже не могла. — А ты совсем обнаглел! Думаешь, если Орэн согласился дать тебе хорошую фамилию и образование, то ты стал необыкновенным?! Нет, дорогой, мы как были детьми деревенского кузнеца, так и остались, только я, в отличие от тебя, не стыжусь своей матери! Я ей благодарна за то, что она лечила меня и выхаживала, а не прикопала под брусничным кустом после первой же лихорадки!

Он сидел на кровати и просто смотрел на меня, лицо его не выражало никаких эмоций, и это разозлило меня еще больше.

— Вот что, дорогой мой, если не сменишь своего мнения о людях, то я не желаю больше общаться с тобой! Ведь, по сути, я и сама недостойна твоего венценосного общества!

— Высказалась? — коротко спросил он, откидывая со лба каштановую прядь волос.

— Пошел к черту! — развернувшись на каблуках и как можно сильнее хлопнув дверью, я побежала к себе в комнату.

Слезы неконтролируемым потоком текли по щекам. Было нестерпимо обидно и больно видеть его таким. Какая же я дура! Не надо было ходить к нему! Или надо...

Забежав к себе и упав на кровать, я разрыдалась. Что, шерт возьми, творится с моим братом? Что я упустила, а самое главное — когда?

Так проревела я до самого вечера, а в промежутках между рыданиями просто валялась на кровати и думала, что мне предпринять. Как повлиять на брата, чтобы он понял, что не все так однозначно в мире? Кто-то рождается богатым, кто-то им становится, а кто-то — нет. И от толщины кошелька не всегда зависит, хороший человек или нет. Разве плоха моя мать потому, что денег у нее не так много, как у Орэна? Да она лучше всех на свете, просто потому, что я люблю ее! И какая мне разница, благородная госпожа Лисса или простая служанка, когда мне с ней тепло и весело?! Не понимаю... Может, просто рассуждаю, как ребенок? В таком случае лучше всегда оставаться ребенком, чем повзрослеть и стать такой же тупицей, как Ким.

Наступила ночь, но Каа'Лим так и не вернулся. А мне очень хотелось поговорить с ним. Спросить совета, как вести себя с Кимом, да и просто поплакать ему в жилетку (точнее, в мягкую шкурку). Зато ближе к одиннадцати раздался стук в дверь. Такой осторожный, что сначала я даже не обратила на это внимания. Когда же стук повторился, нехотя встала с кровати и пошла открывать.

На пороге стоял Ким. Под глазами у него красовались два пурпурных фингала, и когда брат попробовал немного улыбнуться, увидев меня, то сразу же скривился. Должно быть, лицо болело здорово! А я стояла и смотрела на него во все глаза, не зная, что сказать.

— Прости меня, — первым нарушил тишину Ким.

Назовите меня дурочкой и тряпкой, но я просто обняла его за талию со счастливой улыбкой на губах. Эту ночь мы провели вместе, лежа на моей кровати и болтая обо всем на свете до самого утра. Ким сказал, что после моего ухода много думал над моими словами (про себя я заметила, что «думать» не самая сильная черта моего брата, но ему конечно же ничего такого не сказала). И пришел к выводу, что действительно был неправ. Я, если честно, сомневалась, что он так быстро одумался, но Ким сказал, что попробует переосмыслить свое поведение. А это уже радует, да и я прослежу за тем, чтобы его слова не расходились с делом. Как говорится: «Не хочешь — заставим, не можешь — научим». Вот так, примирением с братом, для меня закончился этот бешеный день. И лишь на следующее утро, не вдаваясь в подробности, мой «разведчик» доложил, что на собрании «вражеской организации заговорщиков» было принято решение о том, что вся моя семья переедет в Карген к сыновьям. На мой закономерный вопрос: «Почему?» — дэйург коротко ответил, что обстановка на севере сейчас сложная и для их же безопасности им лучше переехать.

И снова время закрутилось вокруг нас с братом. Я бы сказала, что это был какой-то немислимый временной смерч. Оставалось меньше года до нашего поступления в академию. Лиам занимался муштрой с еще большим озверением, только я страдала какой-то извращенной потребностью в этом. Мне было приятно оттого, что он просто рядом. И не важно, что разработанные для нас тренировки и комплексы упражнений больше напоминают пособия для закоренелых садистов. Он рядом, и, как бы тяжело ни было, главное, что я вижу его каждый день. Ким тоже медленно, но верно вставал на путь исправления. Даже попросил у моей горничной прощения и попытался наладить с ней дружеские отношения. Правда, Лисса его порыв не оценила и продолжала сторониться. Наши родители переехали в Карген, откуда прислали письмо. Говорили, что у них все хорошо и благодарили Орэна за оказанную материальную поддержку при переезде. Правда, сам маг в последнее время был очень задумчив и растерян. Как это ни странно, но Лиам и Орэн, к неодобрению Элфи, начали общаться.

Ближе к зиме со мной стало происходить что-то странное. Сначала появился голод. Я не просто все время хотела есть, я хотела жрать, простите за выражение, и периодически вставала несколько раз за ночь, чтобы сходить на кухню. Приблизительно через неделю мне это надоело, и я, не в силах бороться с голодом, начала набирать поднос к себе в комнату. Чтобы понять весь ужас ситуации, перечислю мой ночной набор продуктов, чтобы дожить до утра: кувшин молока, одна штука; колечко домашней колбасы, одна-две штуки (под настроение); каравай хлеба, одна штука; треть головки сыра; пять вареных картофелин; три яйца, сваренные вкрутую; кусок отварной говядины, пятьсот граммов; два огурца, впрочем, огурцы иногда доживали до утра; что-нибудь сладкое на закуску, иногда я брала с собой фрукты.

Засыпая практически на рассвете после того, как опустошила весь поднос, я просыпалась в семь утра, потому что снова хотела есть! Когда меня стало волновать подобное положение дел, первым, кому я задала вопрос, что со мной, был Каа'Лим. Я получила хороший ответ и сразу решила, что надо поесть, иначе до обеда точно не дотяну.

«Хочешь есть, значит — ешь», — глубокомысленно заметило наимудрейшее существо во вселенной.

Позже начались первые осложнения, связанные с Элфи. Гном решил устроить расследование и выяснить, кто таскает по ночам еду. Ругался Элфиральд страшно, крича, что весь домашний бюджет летит в тартарары, так как положенная недельная сумма денег на еду исчезает за три дня. Я, если честно, очень боялась, что гном поймает меня ночью на подходе к кухне, но и бороться с собой не могла. Когда попробовала первый и единственный раз, то поймала себя на мысли, что у Каа'Лима весьма аппетитные ляжки... Это был уже перебор, после чего я пошла с повинной к Орэну. Маг как раз был у себя в кабинете и разговаривал о чем-то с Элфи и Лиамом. Сначала я подумала, что ни за что не признаюсь в обжорстве перед человеком, то есть эльфом, который мне так сильно нравится. А потом мой желудок сказал: «Плевать на эльфа, я голоден!» Не в состоянии перечить своей утробе, я вошла в кабинет.

— Мм... учитель, — начала я. — Можно с вами поговорить?

— Мара, — оторвался от беседы Орэн и посмотрел на меня, — конечно, проходи. Ты хочешь поговорить со мной наедине или это не столь важно?

— Пожалуй, не важно.

Не могла же я сказать: «Уберите эльфа!»

Три пары глаз испытующе уставились на меня. Глубоко вздохнув и переложив косу на другое плечо, я решила, что раз пришла, то надо испытать свой позор до конца.

— Это я, — выпалила я на одном дыхании и тут же втянула воздух ртом.

— Что ты? — как мне показалось, немного растерялся Орэн.

Вот тугодум! Теперь объяснять придется. Я посмотрела на Орэна, и тут мне показалось, что он едва сдерживает смех. Глаза его наполнились озорными искорками, а брови, наоборот, нахмурились. Взгляд свой я старалась сфокусировать именно на маге, чтобы не смутиться еще больше.

— Это я еду таскаю, — произнесла я.

Брови Орэна взметнулись вверх, а сам маг откинулся на спинку кресла и застучал подушечками пальцев по поверхности стола.

— Вот как, — задумчиво произнес он.

Я ждала взрыва со стороны гнома. Этот маленький скупердяй за лишней сухарь, стянутый «вне квоты», удавится! А он сидит, слушает и молчит! Как интересно.

— Зачем? — ровным голосом спросил Орэн.

— Есть хочу, — так же просто ответила я. Хотя красными пятнами, думаю, покрываться уже начала.

— Сильно? — это уже Элфи голос подал.

— Очень. — И глаза в пол. Замечательно смотрюсь! Стоит дистрофик посреди честного собрания и признается, что спать не может, не съев дневную норму трех взрослых мужчин.

— Ясно. Думаю, я не обеднею, хочешь есть — ешь. Никто тебе слова не скажет. Да, Элфиральд? — сощурившись, посмотрел Орэн на гнома.

Они что, сговорились? А может, у меня болезнь, какая? Может, я вообще умираю, а они мне говорят: «Ешь сколько влезет, деточка».

— Да без проблем, Эм, растущий организм требует, значит, надо, — совершенно спокойно отозвался Элфи.

На этой фразе гнома желудок мой издал важное «уррр», и я решила как можно скорее удалиться из кабинета мага. В конце концов, раз их это не волнует, то пора бы и подкрепиться. Голод не тетка, а теперь, когда я начинала хотеть есть, то буквально теряла самообладание. Одно я поняла точно: у меня под рукой обязательно должно быть то, что можно сжевать и хотя бы на время унять это сосущее чувство. Никогда в жизни я не чувствовала себя человеком, которому не хватает еды, чтобы насытиться. Теперь же, несмотря на то что ела за троих, ощущала себя чуть ли не единственным обделенным во всем мире.

[Купить полную версию книги](#)

Эркаи'аль — боевое искусство эльфов.

Эркаи'миэль — ученик мастера.